

ISSN 0373-658X

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

1

2024

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

1

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

Москва

2024

Главный редактор:

В. А. Плунгян

д. ф. н., проф., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. Вахтин

д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Подлесская

д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Редколлегия:

В. М. Алпатов

д. ф. н., проф., академик РАН, Институт языкознания РАН

Ю. Д. Апресян

д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

И. М. Богуславский

д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания

М. Д. Воейкова

д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

В. З. Демьянков

д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Д. О. Добровольский

д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Стокгольмский университет, Швеция

А. Ф. Журавлёв

д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

П. В. Иосад

Ph.D., Эдинбургский университет, Великобритания

Н. Н. Казанский

д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Киммельман

Ph.D., Бергенский университет, Норвегия

Г. И. Кустова

д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. М. Молдован

д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

М. С. Полинская

Ph.D., проф., Мэрилендский университет, США

Е. В. Рахилина

д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Я. Г. Тестелец

д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет; Институт языкознания РАН

Л. А. Янда

Ph.D., проф., Университет Тромсё — Норвежский арктический университет, Норвегия

Зав. редакцией: Н. В. Ганнус**Зав. отделами:** А. С. Кулева, А. Д. Подгорная**Отдел рецензий:** М. И. Сатина

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography (Modern Language Association); Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography (Modern Language Association); ProQuest Linguistics and Language Behavior Abstracts (Online), Core; ProQuest MLA International Bibliography (Modern Language Association); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <https://vja.ruslang.ru>

ISSN 0373-658X

© Российская академия наук, 2024

© Составление. Редколлегия журнала «Вопросы языкознания», 2024

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY
JAZYKOZNANIJA
(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952
6 issues per year

1
JANUARY — FEBRUARY

Moscow
2024

Editor-in-chief:

Vladimir A. PLUNGIAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. PODLESSKAYA Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Nikolai B. VAKHTIN European University at St. Petersburg; Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. ALPATOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Yury D. APRESJAN Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Igor M. BOGUSLAVSKY Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain
 Valery Z. DEMYANKOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Dmitriy O. DOBROVOĻ'SKIĬ Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Stockholm University, Sweden
 Pavel IOSAD University of Edinburgh / Oilthigh Dhùn Èideann, UK
 Laura A. JANDA Universitetet i Tromsø: Norges arktiske universitet, Tromsø, Norway
 Nikolai N. KAZANSKY Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Vadim KIMMELMAN University of Bergen, Norway
 Galina I. KUSTOVA Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Aleksandr M. MOLDOVAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Maria POLINSKY University of Maryland, College Park, USA
 Ekaterina V. RAKHILINA HSE University; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Yakov G. TESTELETS Russian State University for the Humanities; Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Maria D. VOEIKOVA Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Anatoly F. ZHURAVLEV Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Natalia V. GANNUS

Editorial staff: Anna S. KULEVA, Anastasia D. PODGORNIAIA

Review editor: Maria I. SATINA

Articles are selected by the editorial board on the basis of anonymous double-blind independent peer review process.

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography (Modern Language Association); Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography (Modern Language Association); ProQuest Linguistics and Language Behavior Abstracts (Online), Core; ProQuest MLA International Bibliography (Modern Language Association); Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: "Voprosy Jazykoznanija", editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <https://vja.ruslang.ru>

ISSN 0373-658X

Содержание

S. K. MIKHAILOV. Semantics of the Northern Khanty Salient Article: Definiteness, saliency, and obviation	7
Д. О. ДОБРОВОЛЬСКИЙ, И. Б. ЛЕВОНТИНА. Русское дискурсивное <i>нет</i> в сопоставительном аспекте	39
В. Е. ГУСАКОВА, С. И. БУРКОВА. Антонимия в русском жестовом языке	60
С. В. КНЯЗЕВ. Фразовая интонация южнорусского говора: Роговатое	85

Обзоры

И. С. МАКАРОВ. Преобразование «цепочка фонем» → «речь» в динамических моделях: Обзор	128
--	-----

Рецензии

Я. Г. ТЕСТЕЛЕЦ. [Рец. на:] Н. С. Джидалаев, З. Д. Магомедова, М. Ш. Халилов. <i>Словарь хваршинского языка</i> . М. Ш. Халилов (ред.). Махачкала: Алеф, 2022	156
--	-----

Contents

Stepan K. MIKHAILOV. Semantics of the Northern Khanty Salient Article: Definiteness, salience, and obviation	7
Dmitrij O. DOBROVOL'SKIJ. Irina B. LEVONTINA. Russian discourse word <i>net</i> 'no' in a contrastive perspective	39
Violetta E. GUSAKOVA, Svetlana I. BURKOVA. Antonymy in Russian Sign Language	60
Sergey V. KNYAZEV. Phrase prosody of a Southern Russian dialect: Rogovatoe	85

Overviews

Ilya S. MAKAROV. Phoneme sequence-to-speech conversion in dynamic phonological models: A survey	128
---	-----

Reviews

Yakov G. TESTELETS. [Review of:] N. S. Dzhidalaev, Z. D. Magomedova, M. Sh. Khalilov. <i>Slovar' khvarshinskogo yazyka</i> [A dictionary of Khwarshi]. M. Sh. Khalilov (ed.). Makhachkala: Alef, 2022	156
---	-----

Semantics of the Northern Khanty Salient Article: Definiteness, salience, and obviation

© 2024

Stepan K. Mikhailov

HSE University, Moscow, Russia; stepanmihajlov@gmail.com

Abstract: Uralic possessive agreement markers often function as determiners. This paper presents a case study of the Northern Khanty (Kazym dialect) 2sg Possessive that developed into a “salient article”. The Salient Article is definite as it requires informational uniqueness and familiarity, but its distribution is narrower than the distribution of previously described definite determiner types. It is most commonly used with topical Subjects and in noun phrases with demonstratives, but its use is not obligatory across the board in these cases and is not limited to them. Furthermore, the Salient Article is subject to a constraint that is similar to the proximate uniqueness constraint of languages with obviation systems like the Algonquian: there may be at most one noun phrase with a Salient Article per clause (with the exception of noun phrases with demonstratives). I consider and reject two possible syntactic accounts of such distribution and instead propose a tentative semantic analysis that derives all the observed facts: the Salient Article marks the most salient discourse referent in the given context. (I understand salience as a graded property that a referent has to the extent that the referent is being attended to by the addressee following Roberts and Barlew). This study thus supplies another argument for the hypothesis that salience is an important dimension to determiner semantics cross-linguistically.

Keywords: article, determination, definiteness, Northern Khanty, obviation, possession, salience, Uralic

Acknowledgements: The results of the project “Constituent structure and interpretation in the grammatical architecture of the languages of Russia”, carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2023, are presented in this work. First of all, I want to thank our Khanty friends, who have unceasingly put great effort into working with our team, teaching us Khanty, and inspiring us with their enthusiasm and wisdom. I am deeply indebted to them. Several colleagues have supervised, guided, or commented on various stages of this work, that is, Svetlana Toldova, Alexey Kozlov, Natalia Ivlieva, Alexandra Simonenko, Polina Pleshak, and Natalia Slioussar. I am grateful for their help. I also want to thank for useful comments and suggestions my colleagues from the HSE’s Laboratory of Formal Models in Linguistics and from the Khanty field trip team, as well as the audiences of the 18th Conference on Typology and Grammar for Young Scholars and the Ph.D. seminar of the Doctoral School of Philology at the HSE University (Moscow). Finally, I thank Alina Russkikh, whose help and encouragement were instrumental in finishing this paper, and, again, Alexey Kozlov, whose extensive comments to the first draft of the paper had made it that much better, as well as two anonymous reviewers and an editor for *Voprosy Jazykoznanija*, whose suggestions also helped improve the paper. All errors remaining are my own.

For citation: Mikhailov S. K. Semantics of the Northern Khanty Salient Article: Definiteness, salience, and obviation. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 1: 7–38.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.1.7-38

Семантика севернохантыйского салиентного артикля: определенность, салиентность и обвиация

Степан Кириллович Михайлов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; stepanmihajlov@gmail.com

Аннотация: Показатели посессивного согласования в уральских языках нередко функционируют как детерминаторы. В статье это явление рассматривается на примере севернохантыйского (казымский диалект) показателя посессивности второго лица единственного числа в функции, которую я называю *салиентным артиклем*. Я утверждаю, что салиентный артикль является определенным детерминатором, поскольку он требует информационной уникальности и известности референта именной группы, к которой он присоединяется. Однако его дистрибуция уже, чем дистрибуция описанных в литературе типов определенных детерминаторов. Чаще всего салиентный артикль используется с топикальными подлежащими и именными группами с демонстративами, но этими случаями его дистрибуция не ограничивается. Кроме этого, действует следующее ограничение: в пределах одной клаузы салиентный артикль может употребляться только один раз (не считая случаев с демонстративами). Это напоминает ограничение на единственность проксиматива, фиксируемое в языках с обвиацией, например, в алгонкинских. Я рассматриваю и отвергаю два потенциальных синтаксических подхода к дистрибуции салиентного артикля и вместо них предлагаю семантический анализ, который предсказывает все наблюдаемые факты: салиентный артикль маркирует наиболее салиентного дискурсивного референта в данном контексте (салиентность я понимаю как направленность внимания адресата на референта вслед за К. Робертс и Дж. Барлю). Тем самым, настоящее исследование поддерживает гипотезу о том, что салиентность является важным параметром семантики определенных детерминаторов в языках мира.

Ключевые слова: артикль, детерминация, обвиативность, определенность, посессивность, салиентность, севернохантыйский язык, уральские языки

Для цитирования: Mikhailov S. K. Semantics of the Northern Khanty Salient Article: Definiteness, salience, and obviation. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 1: 7–38.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.1.7-38

1. Introduction

Many Uralic languages make use of possessive agreement markers (possessives) that index the person and number of the Possessor on the possessed noun phrase (NP). Such markers are well-known to exhibit non-possessive, “extended” or “discourse” uses which resemble the definite articles of European languages to a high extent [Fraurud 2001; Kuznetsova 2003; Nikolaeva 2003]. Recently, several authors have argued that the possessives they investigate have in fact become grammaticalized as independent markers with determiner-like functions [É. Kiss 2018; É. Kiss, Tanczos 2018; Halm 2018; Serdobolskaya et al. 2019]. However, almost no detailed semantic analyses of such “unpossessive markers” have been provided so far.¹

¹ I introduce the term “unpossessive” to refer to markers that are related to possessive agreement markers (e.g., are at least homonymous with, or even derived from) but are clearly non-possessive in their use.

One exception to the statement above is Alexandra Simonenko’s paper [2017], in which she proposes a detailed semantic analysis of unpossessives in Uralic and neighboring languages, focusing on POSS.3SG-like markers (although she argues for a monosemic analysis). The other authors generally only compared the markers they investigated with previously described cases, appealing to common

One example of such grammaticalization of an unpossessive determiner from a possessive marker is provided by the second-person singular Possessive in the Kazym dialect of Northern Khanty, which was first described in [Mikhailov 2021a]. In the following examples, it is used with a topical referent (1) and with a demonstrated referent (2).

- (1) [“I was walking along the street when I saw a dog.”]²
amp-en ma peλ-am-a χurət-ti pit-əs
 dog-POSS.2SG I at-POSS.1SG-DAT bark-NFIN.NPST become-PST[3SG]
 ‘The dog started barking at me.’
- (2) [A mother is walking with her child. The child points at a flower:]
ma tum lipt-en menəm-ti λaηχα-λ-əm
 I that flower-POSS.2SG pick-NFIN.NPST want-NPST-1SG
 ‘I want to pick that flower.’

In both examples there does not seem to be any discourse-internal relation between the addressee and the referent of the highlighted noun phrase. Intuitively, this suggests that we are not dealing with the Proper 2SG Possessive³ here, but rather with some Unpossessive. (I will substantiate this claim with empirical arguments below.) I call this Unpossessive the “Salient Article”, for reasons to become clear in the discussion to follow.⁴

The goals of this paper are three-fold. Firstly, to provide a detailed empirical study of a single Uralic unpossessive, namely, the Salient Article POSS.2SG of Kazym Khanty. Secondly, to give a motivated semantic analysis that correctly reflects the Salient Article’s conditions of use. And lastly, to situate the Salient Article in the typology of definiteness markers (e.g., [Schwarz 2019]).

I will argue for the following claims:

- 1) Noun phrases with the Salient Article are definite.
- 2) The Salient Article does not directly encode syntactic role or information-structural distinctions.
- 3) The Salient Article marks the most salient discourse referent in the given context.

Thus, I argue that the Kazym Khanty Salient Article instantiates a hitherto unattested definite determiner type. Even though it is similar to other topic-related phenomena in the world’s languages such as the Obdorsk Khanty Agreeing Objects [Nikolaeva 2001] or the Blackfoot Proximate Marking [Bliss 2017], the Kazym Khanty Salient Article does not directly encode either topichood (contra [Mikhailov 2021a]) or proximate status (contra [Muravyev 2022a]) but is used exclusively as a definite determiner.

The rest of the paper is structured as follows. In Section 2, I introduce the Kazym dialect of Northern Khanty, give the basics of the Kazym Khanty possessive agreement system, and argue for the independence of the Salient Article from the Proper POSS.2SG. Section 3 introduces the theoretical notions to be employed in what follows, alongside cross-linguistic “standards

theoretical notions, such as uniqueness, familiarity, partitive specificity, etc., but without providing semantic definitions of the markers.

² Unless stated otherwise, examples from the Kazym dialect of Northern Khanty are mine. When giving the context for an example, I use double quotes to indicate that the context was translated into the target language along with the target sentence. In the absence of quotes, the context was described to the consultants in the language of interaction, here, Russian.

³ Throughout the paper I adopt the convention to capitalize names of language-particular categories to highlight their idiosyncrasies [Haspelmath 2010: 674], e.g., writing “(Proper) Possessive” instead of “possessive” implies that the category in question must not correspond to some universal categorial type but may diverge from it in different ways.

⁴ In [Mikhailov 2021a; 2023], I called it the “Topic Marker” because I hypothesized that it marks topical referents. In what follows I will reject this hypothesis (§4.2); hence a different name is needed.

of comparison” for our description of the Salient Article. In Section 4, I describe the Salient Article in detail and argue against a syntactic account of its distribution. In Section 5, I propose and motivate a (semiformal) semantic analysis of the Salient Article, based on Roberts’ [2003] semantics for definite NPs.

This study thus contributes to the recent trend of theoretically and typologically informed inquiries into non-possessive uses of Uralic possessives.

2. Basic information about the Kazym dialect of Northern Khanty

2.1. Language and methodology

Northern Khanty is an endangered Uralic language of the Khantyic branch⁵ spoken by the Ob’ river and its tributaries (Kazym, Kunovat, Synja, etc.) by about 8865 speakers which makes 37 % of the ethnic Khanty according to the Russian Census of 2010. The Kazym dialect has more than 1700 speakers [Kaksin 2010] with the overwhelming majority older than 50 years old [Aristova 2023].

The data used in this study were collected over a period from 2018 to 2023 during the field trips to the Kazym village (Khanty-Mansi Autonomous Region–Yugra, Russia), led by Svetlana Toldova and Alexey Kozlov and organized collectively by the HSE University (Moscow) and the Lomonosov Moscow State University. I elicited data from up to thirteen speakers following Lisa Matthewson’s methodology of semantic fieldwork [Matthewson 2004]. Each example was judged by at least three speakers. The speakers were presented with Russian stimuli in a context and were asked to translate them to Khanty. In most cases the context was also translated. Then, using the Khanty translation, the speakers were requested to provide acceptability judgements for particular forms in said context. Sometimes the speakers’ comments were used to create further stimuli to test the hypotheses suggested by their comments.

2.2. Kazym dialect Possessives

Like most Uralic languages, the Kazym dialect has possessive agreement markers which index the person-number features of the Possessor NP in adnominal possessive noun phrases (3). Possessives are obligatorily used with pronominal Possessors and may be absent when Possessors are lexical, i.e., non-pronominal (see [Muravyev 2022a] and §3.3 below for a preliminary hypothesis about Possessives with lexical Possessors).

- (3) *năŋ kăt'-en moś-λ*
you.SG cat-POSS.2SG purr-NPST[3SG]
'Your cat purrs.'

The paradigm is presented in Table 1 (p. 11) with 3×3 person-number combinations for the Possessor and three numbers (singular, dual, plural) of the possessee since possessee number triggers allomorphic alternations in the Possessives.

Possessives may appear with or without an explicit Possessor, e.g., 'your dog' may be expressed both as *năŋ amp-en* [you.SG dog-POSS.2SG] and as *amp-en* [dog-POSS.2SG]. Possessives never attach to a noun already marked with a Possessive regardless of their function: thus, forms

⁵ I follow the model of the Uralic family discussed in [Sámmol Ánte 2022: 3–4].

like **amp-əλ-en* [dog-POSS.3SG-POSS.2SG] (intended: ‘this dog of his’ or ‘his dog that you like’, etc.) are barred.⁶ This entails that, if a noun is already marked with a Possessive, it cannot be marked with the Salient Article in virtue of this morphosyntactic restriction.

Table 1

Possessive suffixes of the Kazym dialect of Northern Khanty (data collected by the field project under S. Toldova and A. Kozlov)

Possessor	Possessee		
	SG	DU	PL
1SG	-em -POSS.1SG	-ŋəλ-am -DU-POSS.1SG	-λ-am -PL-POSS.1SG
2SG	-en -POSS.2SG	-ŋəλ-an -DU-POSS.2SG	-λ-an -PL-POSS.2SG
3SG	-əλ -POSS.3SG	-ŋəλ -DU-POSS.3SG	-λ-aλ -PL-POSS.3SG
1DU	-emən -POSS.1DU	-ŋəλ-amən -DU-POSS.1DU	-λ-amən -PL-POSS.1DU
2DU	-ən -POSS.2NSG	-ŋəλ-an -DU-POSS.2NSG	-λ-ən -PL-POSS.2NSG
3DU	-ən -POSS.3DU	-ŋəλ-an -DU-POSS.3DU	-λ-ən -PL-POSS.3DU
1PL	-ew -POSS.1PL	-ŋəλ-aw -DU-POSS.1PL	-λ-aw -PL-POSS.1PL
2PL	-ən -POSS.2NSG	-ŋəλ-an -DU-POSS.2NSG	-λ-ən -PL-POSS.2NSG
3PL	-eλ -POSS.3PL	-ŋəλ -DU-POSS.3PL	-λ-aλ -PL-POSS.3PL

2.3. The independence of the Salient Article from the Proper poss.2SG

I assume following [Mikhailov 2021a] that the Salient Article is an independent entity, distinct from the Proper poss.2SG. This assumption is supported by a range of data showing that the Salient Article and the Proper poss.2SG behave differently.

Morphosyntactically, the Salient Article does not co-occur with a Possessor NP (4) and never varies in person and number, see (5) where the addressee is plural but this does not affect the choice of the marker.

- (4) [“I was walking along the street when I saw a dog.”]
 ([#]*nāŋ*) *amp-en* *ma* *pəλ-am-a* *χurət-ti* *pit-əs*
 you.SG dog-POSS.2SG I at-POSS.1SG-DAT bark-NFIN.NPST become-PST[3SG]
 ‘The dog started barking at me.’⁷

⁶ Compare Meadow Mari *ūdər-em-že* [daughter-POSS.1SG-POSS.3SG] ‘my daughter (topicalized)’, adapted from [Kuznetsova 2003], where a POSS.3SG in a non-possessive function attaches to an already possessed noun resulting in “possessive stacking”.

⁷ The hash sign ([#]) indicates semantic or pragmatic infelicity, i.e., the marked sentence or form does not have the intended interpretation or is not appropriate in the corresponding context. The other

- (5) [A mother is telling her children: “I was walking along the street when I saw a dog.”]
amp-en^{#-ən} *ma* *pɛλ-am-a* *χurət-ti* *pit-əs*
 dog-POSS.2SG/-POSS.2NSG I at-POSS.1SG-DAT bark-NFIN.NPST become-PST[3SG]
 ‘The dog started barking at me.’

This suggests that, unlike Proper Possessives, the Salient Article neither selects for a Possessor NP, nor agrees with any such NP for person-number features, nor implies a Possessor referent semantically. I take this to be sufficient evidence to treat it as a separate marker with distinct semantic and morphosyntactic properties.

Example (6) similarly shows that the morpheme used with demonstratives does not vary in person-number features despite the presence of a plural addressee. I also take this to indicate that it is not a Possessive, but rather the Salient Article.

- (6) [A mother asked her children to do the dishes. Later she takes a pot and finds that it is still dirty. She says:]
nij *wan-t-an-ən* *tām* *put-en*^{#-ən} *śistam?*
 you.NSG see-NFIN.NPST-2NSG-LOC this cup-POSS.2SG/-POSS.2NSG clean
 ‘Do you think this pot is clean?’

As I will argue in §4, the Salient Article is in fact a special kind of a definite determiner which is semantically quite far apart from Possessives.

Two other Kazym Khanty Unpossessives that will surface in the foregoing discussion are the Associative Possessive and the Proprial Article [Mikhailov 2023], also briefly introduced here.

The Associative Possessive is, roughly speaking, a definite counterpart to the Proper Possessive. This use of Northern Khanty possessives was first described in [Nikolaeva 2003].⁸ It is found with any person and number and indicates that the referent of the marked NP is presupposed to stand in some contextually given relation to another activated referent. Thus, in (7) the passport is presupposed to stand in a relation to the speaker in virtue of the speaker’s finding it in the street in the preceding context.

- (7) [“I found somebody’s passport in the street. I went to the town administration. Met a friend there and talked to her for some time.”]
nem *nepek-əm* *suwet-ən* *χǎj-s-əm*
 name paper-POSS.1SG council-LOC leave-PST-1SG>SG
 ‘[Then] I left the passport at the administration. [Let them find the owner.]’

In the discussion to follow, we will see that sometimes when the Salient Article is unavailable, the Associative Possessive is used instead (see §4.3).

The Proprial Article is found with human names in argument positions as in (8) (cf. [Muñoz 2019]). It is used to derive referring expressions from human name predicates.

- (8) *wəntər-en* *jux* *šəp* *sewr-əs*
 A.-POSS.2SG wood piece cleave-PST[3SG]
 ‘Andrej cleaved a log.’

As [Mikhailov 2023] shows, the Proprial Article differs from the Salient Article among other things in that it derives rigid designators [Kripke 1980], i.e., NPs that cannot co-vary in reference

acceptability signs used in this paper include: the asterisk (*) — the sentence is ungrammatical; the OK (OK) — the linguist constructed a sentence (different from the consultant’s volunteered translation of the stimulus) and the consultant accepted it; and the percent sign (%) — some of the consultants accepted the sentence and some rejected it.

... ([#]*nǎŋ*) ... means that adding the parenthesized expression (here, the Possessor pronoun) results in infelicity, and vice versa for ... [#](*nǎŋ*) ...

⁸ In [Mikhailov 2021b] I have argued that the Associative Possessive is independent from the Proper Possessive.

with any quantifiers. The full presentation of the differences between the two markers is beyond the scope of this paper, so I will simply assume that the Proprial Article is independent in what follows.

To prepare for the discussion to come, in the next section I introduce the relevant theoretical concepts and cross-linguistic evidence that we will appeal to in testing different hypotheses about the Salient Article.

3. Basic theoretical notions

3.1. Definiteness and salience

3.1.1. Definiteness

Following Craig Roberts [2003] among many others (see [Heim 2019]), I understand definiteness to consist in two requirements: familiarity and uniqueness. To illustrate Roberts' analysis let us consider the distribution of the English Definite Article.

Both uniqueness and familiarity are notions that have been proposed as the core of the English Definite Article's semantics in the tradition prior to Roberts.⁹

Uniqueness requires there to be one and only one referent satisfying the descriptive content of the noun phrase (NP) in the model. Thus, in (9) the Definite Article is used because the Queen of England is a globally unique entity. In (10), upon hearing the sentence the addressee will be justified in assuming that there was one and only one button in the box. (For plural NPs, uniqueness is often referred to as **maximality**: plural definites require the referent to be the unique maximal set satisfying the descriptive content of the NP [Link 1983].)

(9) *The Queen of England had a bad year in 1993.* [Roberts 2003: 290]

(10) *I found a box in my attic the other day. I opened the lid and pushed the button I found inside. You won't believe what happened.* (adapted from [Ibid.])

Familiarity requires there to be a discourse referent¹⁰ introduced in prior context that satisfies the definite NP's descriptive content. According to Irene Heim's seminal thesis [1982], the use of definite NPs (including personal pronouns) and indefinite NPs is governed by the Extended Novelty-Familiarity Condition ([Heim 1982: 396] cited after [Roberts 2003: 295 ff.]). Under this Condition, the use of a definite NP presupposes the existence of a corresponding discourse referent in the context (**familiarity**). The use of an indefinite NP presupposes the absence of a corresponding discourse referent, so that indefinite NPs introduce novel discourse referents (novelty).

Thus, in (11) the Definite Article is obligatorily used upon second mention of *the glass* since the context does provide an appropriate discourse referent, which has been introduced by the first mention with the Indefinite Article. On the other hand, the Indefinite Article is infelicitous in the second clause since that would violate its novelty presupposition, whereas the Definite Article cannot be used upon first mention of the glass since it is not familiar in any sense at that point.

⁹ For uniqueness, see, e.g., [Russell 1905; Link 1983; Coppock, Beaver 2015b], and for familiarity, [Christophersen 1939; Heim 1982; Coppock, Beaver 2015a], among many others, as well as the recent critical discussion in [Coppock 2022].

¹⁰ A **discourse referent** is a body of information known by the interlocutors and assumed to pertain to a single individual (although there might be no corresponding individual in the actual world) [Karttunen 1976]. A related notion is the **common ground** [Stalnaker 1974], the set of propositions that the interlocutors mutually believe. The discourse referents of a given context are entailed to exist by the common ground. Familiarity, thus, entails existence in the world under discussion (another commonly discussed implication of definite NPs).

- (11) *A / #the wine glass broke last night. The / #a glass had been very expensive.* (based on [Roberts 2003: 293])

Note also that this example presents a problem for theories of uniqueness since the Definite Article here does not seem to require uniqueness of the glass in the world or even in the relevant household.

Roberts points to the fact that discourse referents are not only introduced by linguistic material (which is the case of strong familiarity / anaphoricity) but may also be introduced via entailment from the common ground or from the extralinguistic context of the speech situation. This observation is captured under her notion of **weak familiarity**:

- (12) **WEAK FAMILIARITY OF DISCOURSE REFERENTS** [Roberts 2003: 298, 304, 306]
A discourse referent is weakly familiar iff the existence of the entity in question is entailed by the interlocutors' common ground.

Both uniqueness and familiarity effects may be observed in cases involving **bridging** [Clark 1975] such as (13). In (13a), the introduction of a unicycle into the context entails the existence of its wheel, which licenses the Definite Article since the wheel is familiar via entailment from the common ground. However, the Definite Article is barred in (13b) even though, presumably, the tires of a car also become familiar as soon as a car is introduced. The reason that this utterance is infelicitous is the fact that uniqueness is not satisfied here since a car has four tires unlike a unicycle which only has one wheel.

- (13) a. *Every unicycle had a spoke missing from the wheel.*
b. *#Every car had a puncture in the tire.* (adapted from [Roberts 2003: 291])

Roberts takes these (and other) examples to show that the Definite Article has both a (weak) familiarity and a uniqueness requirement, unifying the two analytical traditions.

But what about the glass example (11) above, in which uniqueness in the strict sense does not hold? This problem dissolves if one adopts, following Roberts, **informational uniqueness**. Unlike semantic uniqueness, standardly assumed in works prior to Roberts, informational uniqueness does not require uniqueness in the world but is only concerned with **uniqueness among weakly familiar discourse referents**. Roberts' analysis of definite NPs is summarized below.

- (14) **INFORMATIONAL EXISTENCE AND UNIQUENESS OF DEFINITE NPs (informal)** [Roberts 2003: 308]¹¹
Given a context C, use of a definite NP_i presupposes that it has as antecedent¹² a discourse referent x_i which is:
a) weakly familiar in C, and
b) unique among discourse referents in C in being contextually entailed to satisfy the descriptive content of NP_i.

Still, there are cases in which it seems that the conditions in (14) are not satisfied but the Definite Article is felicitously used. For instance, consider (15) below, repeated from (10). Clearly, neither weak familiarity nor informational uniqueness are satisfied in this context, as no familiar and unique *button* entity has been introduced in (or is entailed by) the prior discourse. What happens here, however, is that the addressee **accommodates** semantic uniqueness and weak familiarity ("there was one and only one button that the speaker found inside the box") and this entails informational uniqueness. As Roberts puts it, "since the presupposition of informational uniqueness in definite NPs can be satisfied by semantic uniqueness plus weak familiarity, speakers actually use this fact and the expectation that a hearer will cooperatively accommodate (when

¹¹ The reader interested in the formal version is referred to [Roberts 2003: 310].

¹² Since, as we saw above, the discourse referent need not be introduced by any explicit linguistic material, the term "antecedent" should be taken to refer to the corresponding discourse referent here, and not to any explicit NP.

retrievable and plausible [see below — *S. M.*] to convey the information that a definite NP's intended denotation is semantically unique" [Roberts 2003: 319].¹³

- (15) *I found a box in my attic the other day. I opened the lid and pushed **the button I found inside**. You won't believe what happened.*

This analysis crucially relies on the notion of **presupposition accommodation** [Lewis 1979], a mechanism whereby the addressee adds information to her beliefs in order to make sense of an apparent presupposition failure on the speaker's part. Accommodation is commonly used by speakers to background newly introduced information. It is generally available given that the following conditions obtain:

- (16) NECESSARY CONDITIONS ON PRESUPPOSITION ACCOMMODATION [Roberts 2003: 302–303]
- a. Retrievalability: what the hearer is to accommodate is easily inferable, by virtue of its salience and relevance to the immediate context, and
 - b. Plausibility: the accommodated material is unobjectionable.

One last relevant observation concerns the infelicity of the Indefinite Article with superlative NPs, whose descriptive content guarantees semantic uniqueness (17). Under a presuppositional view of the uniqueness requirement [Frege 1892; Strawson 1950], the obligatory use of the Definite Article in such cases can be accounted for via Irene Heim's *Maximize presupposition!* principle [Heim 1991], which, informally speaking, requires the Definite Article to be used in all cases where its uniqueness presupposition is satisfied in the context. The use of the Indefinite Article leads to an **anti-uniqueness inference**: the addressee infers that the speaker used an Indefinite Article where a Definite Article was possible because the latter's requirements are not satisfied in the context — there is more than one referent satisfying the NP's content. With superlatives, the anti-uniqueness inference gives rise to a contradiction, hence the infelicity in (17).

- (17) *Last weekend we climbed **the** [#]**a biggest mountain in West Virginia**.* (adapted from [Roberts 2003: 294])

This concludes our discussion of the English Definite Article, and we now turn to other types of definite determiners found cross-linguistically.

3.1.2. Anaphoric articles

In recent years starting with Florian Schwarz's dissertation [2009], there has been a rise in cross-linguistic research on definite determiner semantics (for an overview and for references see [Schwarz 2019]).

Schwarz investigates the phenomenon of German preposition-determiner contraction and argues that the "Weak" (contracted) Articles correspond to uniqueness-based definites while the "Strong" (non-contracted) Articles correspond to anaphoricity-based definites (where anaphoricity roughly corresponds to Roberts' strong familiarity^{14,15}).

Following his work, Ruby Arkoh and Lisa Matthewson [2013] show that determiners like the German Strong Article are attested cross-linguistically drawing on data from Akan (< Kwa

¹³ For an account of the other putative counterexamples to uniqueness / familiarity, the reader is again referred to Roberts' original paper.

¹⁴ Schwarz and subsequent work investigating the weak vs. strong distinction work in a Situation Semantics framework which is not directly comparable to Roberts' dynamic-semantic framework. For a comparison see [Coppock 2022].

¹⁵ Arkoh and Matthewson [2013: 17–18] instead propose that weak familiarity is sufficient for both the German Strong Article and the Akan Definite Article. For our purposes, merely noting the empirical patterns presented in this subsection is enough.

< Niger-Congo). Below, I illustrate this **anaphoric article** category type with data from Akan. (Note that Arkoh and Matthewson argue that the Akan Definite Article *no* and the German Strong Article are semantically equivalent, so everything said below about the former applies to the latter. See also [Bombi 2018] for a differing view on the Akan Definite Article.)

Much like *the* in English, the Akan Definite Article is not available upon first mention of a novel referent such as *èkùtú* ‘orange’ in (18) and it is obligatory upon second mention where the referent is already familiar.

(18) [Beginning of conversation.]

*Mò-tɔ-ɔ èkùtú (*nó). Èkùtú *(nó) yè dɛw pápá*
1SG.SUBJ-buy-PAST orange (*FAM) orange *(FAM) be nice good

‘I bought an orange. The orange was really tasty.’ [Arkoh, Matthewson 2013: 2]

Unlike *the*, however, the Akan Definite Article cannot be used with novel unique referents. Thus, in (19) neither *nyímpá* ‘person’ nor *àsírán* ‘moon’ can be marked with *no*, despite both of them being unique.¹⁶ Cf. the English translation of (19) where omitting *the* in either case is impossible.

(19) *Ámstrɔŋ nyí nyímpá áà ó-dzí-ì kán tú-ù kɔ-ɔ àsírán dò*
A. is person REL 3SG.SUBJ-cat-PAST first fly-PAST go-PAST moon TOP

‘Armstrong was the first person to fly to the moon.’ [Ibid.]

The Akan data show that a clear empirical difference exists between two types of definite determiners, so it makes sense to ask, when investigating a definite determiner, which type it resembles the most.¹⁷ As I will show in §4, the Northern Khanty Salient Article has an even narrower distribution that will be accounted for by appealing to salience to which we now turn.

3.1.3. The Salient Article of Bulu

Salience has been appealed to in the analysis of definites before. In particular, Roberts [2003: 330] argues that personal pronouns are essentially definites, presupposing (14), with the additional requirement that the antecedent be salient in the context and that it be the most salient discourse referent satisfying the descriptive content of the pronoun (i.e., person, number, and gender).

To illustrate this analysis, consider (20). In this example, two female referents are introduced. Using the definite NP *the woman* to refer to either of them is infelicitous because it would violate informational uniqueness: neither woman is unique among the discourse referents in satisfying the NP content. On the other hand, using the pronoun *she* is clearly felicitous, and the pronoun would refer to the latter of the two women since she is the most salient one due to her most recent mention. Thus, “[a]naphora resolution for pronouns effectively screens out non-salient portions of the discourse and the discourse referents therein, so that only salient discourse referents are accessible to serve as antecedents” [Ibid.: 323].¹⁸

(20) *A woman entered from stage left. Another woman entered from stage right. She / #the woman was carrying a basket of flowers.* (adapted from [Ibid.: 324])

¹⁶ In German, this sentence is rendered using the Weak Article [Schwarz 2009: 40], which corresponds with the Akan bare form according to Arkoh and Matthewson. The Strong Article is excluded here, just as expected under their analysis.

¹⁷ See [Serdobolskaya 2017] for a conclusion along the same lines based on the differential object marking pattern in Beserman Udmurt which involves a distinction between accusative-marked and possessive accusative-marked objects which is based on the uniqueness-familiarity distinction respectively.

¹⁸ See the original article for references to experimental and corpus-based work supporting this conclusion.

Drawing on data from Bulu (< Bantu, Cameroon), Jefferson Barlew [2014] has argued that the notion of salience is relevant to the cross-linguistic study of definite determiner semantics.

Following Roberts' later work [2011] (see also [Gundel et al. 1993; Grosz et al. 1995]), Barlew takes **salience** to be a function of **attention capture** [2014: 623–624]. A referent that is salient to a given individual is a referent that she is paying attention to. Just like attention, salience is a gradient notion so that a referent may be salient to a higher or lesser degree.

Assuming that information sharing is a goal of the interlocutors [Grosz et al. 1995; Roberts 2011; 2022], the interlocutors will pay attention to discourse referents that are relevant to addressing the current **question(s) under discussion** (QUD).¹⁹ Roughly speaking, questions under discussion are questions that need to be addressed by the interlocutors in order to share information on the current topic under discussion or to achieve their other relevant goals.²⁰

Finally, it must be noted that for determining salience only the addressee's attentional state is relevant [Prince 1992; Gundel et al. 1993]. The speaker's attentional state may be assumed, since the speaker necessarily pays attention to any discourse referent that she refers to. Otherwise, it would be impossible to refer to it.

Barlew shows that the Salient Article of Bulu *tè* is restricted precisely to discourse referents that the addressee attends to. Thus, in (21a) where the Salient Article is used, the referent of *kàlàtà tè* 'the book' is important to both speaker and addressee, and this ensures that it is attended to in the context involving a robbery. (The context suggests an implicit QUD "Is the book safe?" which, based on the discussion above, guarantees the discourse referent's salience.) In (21b), on the other hand, the addressee is uninterested in the book even though we may assume that the book is familiar to him, and the Salient Article is infelicitous since the addressee cannot be assumed to attend to the discourse referent.

- (21) a. [Andung and Abondo have a special book that is a family heirloom passed down from Andung's mother. It has family genealogy written inside it. They always keep it on the nightstand beside their bed. One day when they come home, they find their house has been broken into. When they come to the nightstand, they see that the book is gone. They exchange a glance, and then Andung says:]

kàlàtà tè à nà ndzáńán
book TE PN_i COP missing

'The book is missing.' [Barlew 2014: 626]

- b. [Minimally different from (a), except that Andung is speaking to her teenage son, who does not care about genealogy or family heirlooms.]

**kàlàtà tè à nà ndzáńán*
book TE PN_i COP missing

Intended: 'The book is missing.' [Ibid.]

Barlew further argues that the Salient Article does not require maximal salience, as personal pronouns do on Roberts' account, but rather requires any (positive) level of salience with informational uniqueness. His argument is based on examples modelled after the English example (20). The Salient Article, as it turns out, is infelicitous in this kind of a context much like the English Definite Article and unlike personal pronouns [Barlew 2014: 630–631]. According to Barlew, this is because both referents are salient due to being recently introduced, which gives rise to a violation of informational uniqueness. Recall that personal pronouns require maximal salience, so no problem of this kind arises for them since the more recently mentioned discourse referent is the most salient in this kind of example. (In §5, I will argue that the Northern Khanty

¹⁹ For an introduction to Roberts' model of the intentional structure of discourse structured by QUDs and its applications to anaphora resolution, English Focus, and other phenomena, see [Roberts 2012; 2022].

²⁰ This notion will become especially relevant when we turn to information structure in the next section.

Salient Article differs crucially from the Salient Article of Bulu in that the former marks the maximally salient referent.)

Finally, Barlew argues that the Salient Article of Bulu is distinct from the anaphoric articles described by Schwarz and Arkoh and Matthewson [Barlew 2014: 634–636], although he does not provide an in-depth comparison. Part of his argument consists in the observation that neither assumption about what kind of familiarity (weak or strong) an anaphoric article requires would yield the correct distribution of the Salient Article in his examples. For example, if the Salient Article merely required weak familiarity, it should presumably be available in both (21a) and (21b). On the other hand, if it required strong familiarity, it should be barred in both cases. Thus, only a salience requirement captures the observed distribution.

This concludes our discussion of the relevant definite article types.

3.2. Information structure and topicality

Another dimension that is relevant to our discussion of the Salient Article is information structure. After [Lambrecht 1994] and [Nikolaeva 2001], I understand information structure as creating a pragmatically-structured proposition that mediates between the meaning of an utterance and its form.

One part of the proposition corresponds to information assumed by the speaker to be known to the addressee (Lambrecht's pragmatic presupposition, cf. common ground [Stalnaker 1974]). I will refer to the corresponding part of the utterance as **theme**, following one terminological tradition [Halliday 1985], in order to avoid confusion with the notion of topic that is used in another sense below.²¹

The other part of the pragmatically structured proposition is defined via Lambrecht's notion of pragmatic assertion. Pragmatic assertion is that information which the addressee is expected to know upon hearing the utterance. The **rheme** (focus in Lambrecht's terminology) is that part of the utterance where the pragmatic assertion differs from the pragmatic presupposition.

To illustrate, consider the example (22) below from the Obdorsk dialect of Northern Khanty. Following standard practice in research on information structure, the theme-rheme division of a given sentence can be inferred from question-answer pairs. The theme of the answer is taken to be the part that is congruent with the question and the rheme is the part that corresponds to the question word (in content questions). Thus, in the answer in (22), the theme is the open proposition "X killed the/a reindeer", and the rheme is "X = John", with the latter supplying a value for the variable X in the theme (cf. [Nikolaeva 2001: 4ff.]).

(22) OBDORSK DIALECT OF NORTHERN KHANTY

<i>kalaŋ</i>	<i>xoj-na</i>	<i>we:l-s-a?</i>	<i>Juwan-na</i>	<i>we:l-s-a</i>
reindeer	who-LOC	kill-PST-PASS[3SG]	J.-LOC	kill-PST-PASS[3SG] ²²

'Who killed the/a reindeer? John did.' (adapted from [Nikolaeva 2001: 25])

The reason that I illustrate these notions with data from the Obdorsk dialect is that these data provide a standard of comparison for our discussion of the Kazym dialect Salient Article in the following sections.

In her seminal article [Nikolaeva 2001], Irina Nikolaeva has argued that information-structural notions of primary topic and secondary topic are grammaticalized in the Obdorsk dialect as the syntactic roles of Subject and Agreeing Object (the latter is marked as O2 in the glosses).

²¹ See [Roberts 2019] for a discussion of the terminological matters and the references there. Question under discussion can be taken to refer roughly to the same notion as theme. See below for details.

²² Where nothing hinges on it, I adopt for Obdorsk examples the glossing conventions I use for the Kazym dialect.

Following a long tradition, Nikolaeva defines (primary²³) **topic** as whatever the proposition is ABOUT ([Strawson 1964; Reinhart 1981; Lambrecht 1994] and other works). The **aboutness relation** holds between a discourse referent and a proposition if the speaker assumes that the discourse referent is the center of current interest about which the assertion is made [Nikolaeva 2001: 4]. By virtue of this definition, the topic is necessarily a part of the theme and is subject to a presupposition of salience (cf. the discussion in §3.1.3 above).

I assume following Roberts [2012; 2019] that each utterance in a discourse answers a (possibly implicit) question under discussion (QUD) and that its theme is defined as that part of the utterance which is congruent with the QUD that it addresses. Given this, the discourse referents figuring in the theme are guaranteed to be relevant and, therefore, salient. Thus, we might add to the definition of the aboutness relation that the referent that the proposition is about figures in the QUD addressed by this proposition, which (at least) partly guarantees its salience.

As for the Obdorsk dialect data, Nikolaeva observes that the constituent that refers to the (primary) topic is required to be the Subject. This leads to extensive use of Passivization to promote topical non-agents to the Subject role. And, conversely, rhematic agents are demoted via the Passive to the Oblique role marked with the Locative *-na*, given the presence of another topical referent.²⁴ Thus, in (22) the Passive in the answer is **obligatory** because, based on the question, the patient argument is the topic in this sentence, and the agent argument is in the narrow argument rheme.²⁵

Similarly, in a predicate rheme sentence with the recipient argument as the topic, the recipient is **obligatorily** promoted to Subject via Passivization, while the agent and patient arguments (in the predicate rheme) are demoted to Obliques.

(23) [“What about Peter?”]

(luw) Juwan-na ke:si-na ma-s-a
he J.-LOC knife-LOC give-PST-PASS[3SG]

‘John gave him a knife.’ (adapted from [Nikolaeva 2001: 25])

Now, Nikolaeva associates another syntactic role with the secondary topic. The **secondary topic** is defined as “[a]n entity such that the utterance is construed to be ABOUT the relationship between it and the primary topic” [Ibid.: 26]. The two referents are presupposed to stand in a relationship. In the Obdorsk dialect, the secondary topic necessarily triggers Object Agreement on the verb, which is the central property of the Agreeing Object (O2) recognized by Nikolaeva as a distinct syntactic role.

As the secondary topic, the O2 is barred from occurring in the rheme, not given by the current QUD. Thus, O2 is excluded from sentences with narrow patient rheme (24), with predicate rheme including the patient (25), or with sentence rheme (26). (The rheme is highlighted in each of these examples.) A Non-agreeing Object (O1) is used in such sentences instead.

(24) a. [“Whom did John hit?”]

luw/Juwan **Pe:tra** re:sk-əs / *re:sk-əs-li
he/J. P. hit-PST[3SG.O1] / *hit-PST-3SG.O2²⁶

‘He/John hit Peter.’

²³ For a discussion of secondary topic see below.

²⁴ Sentence rheme utterances maintain Active Voice since there is no topical constituent that would need to be promoted to subject.

²⁵ I adapt Lambrecht’s taxonomy of foci that Nikolaeva uses [Nikolaeva 2001: 3–4] to the terminology used here. Thus, instead of “argument focus”, I will speak of argument rheme and similarly for Lambrecht’s predicate focus and sentence focus.

²⁶ Since O1 and O2 are only morphologically distinguished in verbal agreement, Nikolaeva marks the verb as either O1 or O2 depending on whether it agrees with the Object.

- b. *Juwan* ***man-e:m*** *wa:nt-əs* / **wa:nt-əs-li* *anta* *naŋ-e:n*
 J. I-ACC see-PST[3SG.O1] / see-PST-3SG.O2 not you-ACC

‘John saw me, not you.’ (adapted from [Ibid.: 29])

- (25) [“What did John do?”]

- luw* ***Pe:tra*** ***re:sk-əs*** / **re:sk-əs-li*
 he Peter hit-PST[3SG.O1] / *hit-PST-3SG.O2

‘He hit Peter.’ (adapted from [Ibid.: 30])

- (26) [“What happened?”]

- ma tam kalay*** ***we:l-s-əm*** / **we:l-s-ə:m*
 I this reindeer kill-PST-1SG.O1 / kill-PST-1SG.O2

‘I killed this reindeer.’ (adapted from [Ibid.: 28])

Where O2 does occur, it is given in the QUD, so the conditions on secondary topic outlined above obtain. Compare (27) to (25) above. According to Nikolaeva, both examples contain predicate rheme structures, but only in (27) is the Object a secondary topic which ensures obligatory Object Agreement.

- (27) [“What did John do to Peter?”]

- luw* ***Pe:tra*** / ***luw-e:l*** ***re:sk-əs-li*** / **re:sk-əs*
 he P. / he-ACC hit-PST-3SG.O2 / hit-PST[3SG.O1]

‘He hit Peter/him.’ (adapted from [Ibid.])

A similar argument for the role of information structure in the Kazym dialect grammar has been put forward by Natalia Koshkareva [2002] (with important dialectal differences from the Obdorsk dialect). However, in a recent paper, Nikita Muravyev [2022b] has shown that at least in the contemporary Kazym dialect grammar, information structure does not wholly account for the distribution of the Passive and the Object Agreement (see also [Muravyev, Zhornik 2023]).

Rather, topicality hierarchies (person, animacy, definiteness, cf. [Givón 2001a: 156; 2001b: 200; Zúñiga 2006: 21]) play an important role in determining which noun phrase is the Subject or is promoted to Subject and whether the Object is agreed with. This likens the Kazym dialect (and specifically its Passive) to languages with direct/inverse systems [Zúñiga 2006]. Thus, according to Muravyev, only the Passive voice is available in (28) regardless of information structure because the patient *mašaj-en* ‘Masha’ outranks the agent *wot-ən* ‘wind’ on the animacy hierarchy (animate > inanimate²⁷).

- (28) KAZYM DIALECT OF NORTHERN KHANTY

- a. *wot-ən* *mašaj-en* *ił* ***pǎwət-s-a***
 wind-LOC M.-POSS.2SG down fell-PST-PASS[3SG]

- b. **wot-en* *mašaj-en* *ił* ***pǎwt-əs***
 wind-POSS.2SG M.-POSS.2SG down fell-PST[3SG]

‘The wind knocked Masha off her feet.’ (adapted with translation from [Muravyev 2022b: 51])

Similarly, the person hierarchy constrains the availability of Passive with 1st and 2nd person pronoun agents (speech act participant > third person). As it turns out, these pronouns do not form the Locative Case at all, which is the case assigned to demoted participants, so that they may never be demoted regardless of any other considerations (29). This might be seen as an instance of grammaticalization of a person hierarchy effect: the most prominent noun phrases on the hierarchy cannot be demoted.

²⁷ Here and below, I quote only the relevant parts of the hierarchies in question, following Muravyev. For details see the works cited above and the references there.

- (29) a. *ma waśaj-en χātsə-s-am*
 I V.-POSS.2SG hit-PST-1SG
- b. **waśaj-en <mānemən>²⁸ χātsə-s-i*
 V.-POSS.2SG I.LOC hit-PST-PASS[3SG]
- ‘I hit Vasya.’ (adapted with translation from [Ibid.: 50])

Another trait common to languages with a direct/inverse system is obviation. Based on the similarities of the Northern Khanty Passive to the Inverse of these languages, Muravyev proposes in an unpublished report [2022a] that the Kazym dialect of Northern Khanty also has an obviation system which, crucially for us, includes the Salient Article. I elaborate on this in the next section.

3.3. Obviation and proximate status

One more parallel that I will consider for the Salient Article is with proximate markers in languages with obviation systems such as the Algonquian languages.

Obviation refers to a separate tier of grammar that distinguishes a privileged third-person argument, called the **proximate**, from the other third persons, called **obviatives**. Crucial features of obviation systems [Aissen 2001] involve the condition of “proximate uniqueness” and the condition that only third persons are eligible for proximate/obviative marking, with the first- and second-person pronouns excluded from consideration. **Proximate uniqueness** states that there must be one and only one proximate in an obviation span (which might consist in a single clause or a whole episode of a narrative) [Aissen 2001: 12].

Obviation systems are a common trait of Algonquian languages but are also found in the other language families of the Americas, as well as beyond that region (see [Ibid.] for a preliminary typology). In Algonquian languages, assignment of proximate status is conditioned on the following hierarchies [Ibid.: 6–7]:

- animacy (Anim > Inan, i.e., animates are preferred as proximates);
- semantic role (Agent > Patient);
- topichood (Top > Non-top);
- possessorhood (Possessor > Possessee, in a possessive construction the Possessor is preferred as proximate over the Possessee).

Beyond that language family, mostly the same constraints are relevant, although particular languages may diverge from this set to varying degrees, and some systems also include pronominality (Pron > Common N) as a relevant hierarchy.

As mentioned above, Muravyev [2022a] hypothesizes that the Kazym dialect also has an obviation system which includes the following grammatical devices distinguishing the proximate from obviatives:

- 1) The Passive marks sentences with proximate patients (28);
- 2) The Salient Article marks proximate status;
- 3) Possessive agreement is triggered by proximate lexical Possessors.²⁹

For the purposes of this paper, I forgo a deeper discussion of the Passive and the Possessive agreement, focusing on the Salient Article. And in the remainder of this section, I introduce Heather Bliss’ [2017] analysis of obviation in Blackfoot (< Algonquian) to serve as a standard of comparison when we consider Muravyev’s hypothesis regarding the Salient Article in §§4.3–4.4.

²⁸ Since personal pronouns do not form Locative, a constructed form is provided here in angle brackets.

²⁹ Muravyev cites [Nikolaeva, Bárány 2019] with a similar proposal that Tundra Nenets (< Uralic) possessive agreement with lexical Possessors is conditioned on their proximate status.

In Blackfoot, both Proximate and Obviative receive special morphological marking (30). As expected, proximate uniqueness constrains occurrence of more than one proximate per obviation span (here, clause) (31).

- (30) *Ann-wa Leo íhpok-inihkim-yii-wa ann-yi n-Itán-yi*
 DEM-PROX L. ACCOM-sing.TA-DIR-PROX DEM-OBV 1-daughter-OBV

‘Leo sang with my daughter.’ (adapted from [Bliss 2017: 4])

- (31) **Ann-wa Leo íhpok-inihkim-yii-wa ann-wa n-Itán-wa*
 DEM-PROX L. ACCOM-sing.TA-DIR-PROX DEM-PROX 1-daughter-PROX

Intended: ‘Leo sang with my daughter.’ (adapted from [Ibid.])

Bliss’ paper is concerned with the question of whether obviation in Blackfoot is a primarily syntactic or discourse phenomenon, which has been the subject of intense debate in Algonquian studies (see the summary and references in [Ibid.]). Bliss argues that Blackfoot Proximate and Obviative categories code primarily syntactic distinctions, but the nature of these distinctions makes these categories suitable for “recruitment” for discourse purposes such as main character *vs.* peripheral character marking in narratives [Goddard 1990].

According to Bliss, the core syntactic property coded by Blackfoot Proximate/Obviative marking is syntactic (in)dependence. Proximate nominals exhibit free word order (32) and may be omitted (33). (Examples below are adapted from [Ibid.: 7–8].)

- (32) a. *Ann-wa n-insst-innaan-wa nít-sspommo-a-wa*
 DEM-PROX 1-sister-1PL-PROX 1-help.TA-DIR-PROX

‘I helped our sister.’

- b. *Nítsspommoawa anna nínsstsinaana*³⁰
 Ibid.

- (33) a. *A’páwaawahkaa-wa ann-wa Pióhkomiaaki*
 walk.around.AI-PROX DEM-PROX far.sounding.woman

‘Far Sounding Woman is walking around.’

- b. *A’páwaawahkaawa*
 ‘S/he is walking around.’

On the other hand, the linear position of Obviative nominals is constrained: they cannot occur preverbally (unless resumed by an enclitic pronoun):

- (34) a. *Áókataki-yini ann-yi w-inssts-yi*
 bead.AI-OBV DEM-OBV 3-sister-OBV

‘His sister does beadwork.’

- b. **Anni ónssts áókatakiyini*
 Ibid.

Furthermore, Obviatives cannot be freely omitted (similarly, unless resumed by an enclitic pronoun):

- (35) a. *Áísokssta-yini ann-yi ot-issítsimaan-yi*
 nurse.well.AI-OBV DEM-OBV 3-baby-OBV

‘Her baby is nursing well.’

³⁰ Bliss does not provide glosses for this example but note that *anna nínsstsinaana* is the same expression as the morphologically segmented *ann-wa n-insst-innaan-wa* [DEM-PROX 1-sister-1PL-PROX], namely, ‘our sister (proximate)’. The same remarks apply to examples below.

- b. *Áisokssta-yini-áyi*
 nurse.well.AI-OBV-3SG.PRN
 ‘S/he is nursing well.’
- c. **Áisoksstayini*.
 Ibid.

Bliss suggests that the reason for these distributional differences between Proximates and Obviatives in Blackfoot is that Proximate nominals are adjuncts to the clause, while Obviative nominals are arguments. This directly reflects the intuition that Proximates are syntactically independent, and vice versa for Obviatives.

This claim is supported by the fact that Proximate-marked verbs and nouns can function as independent clauses, while Obviative nominals necessarily function as arguments (dependent on the verb), and the same is true of Obviative-marked verbs which must appear as dependent clauses. See the examples in [Bliss 2017: 10–12].

Having argued for the syntactic nature of obviation in Blackfoot, Bliss also discusses its discourse function. She considers a narrative and shows that Proximate marks the main character in this narrative [Ibid.: 12–15].³¹ Later in the story, when the main character of the story changes, a different noun phrase receives Proximate marking, while peripheral characters are marked Obviative (cf. [Goddard 1990]). This clearly shows that obviation devices can be intentionally deployed by narrators to highlight referents that are central to their story. As mentioned above, Bliss views this as an instance of a recruitment process whereby a syntactic device is utilized for a discourse function.

Furthermore, Bliss suggests that the “Proximate as independent/Obviative as dependent” analysis extends to other obviation systems in Algonquian, citing evidence from a range of other Algonquian languages. For instance, Bliss cites Benjamin Bruening’s analysis of obviation in Passamaquoddy [Bruening 2001; 2009]. Bruening proposes that the Proximate/Obviative distinction works similarly to the Nominative/Accusative distinction in dependent case theory [Marantz 1992] where Accusative is a **dependent case** assigned to a noun phrase in the presence of another structurally prioritized NP (see §4.4 for details). The Obviative is similarly dependent in Passamaquoddy, as it is assigned in the presence of a Proximate NP. Thus, according to Bliss, obviation in Algonquian is a syntactic phenomenon that rests on syntactic (in)dependence, realized differently in different languages.

When we discuss Northern Khanty data, I will argue against a syntactic account of the Salient Article’s distribution (§4.4) despite its similarities to proximate markers in Algonquian.

4. The Salient Article as a definite determiner

Having introduced the relevant theoretical notions and cross-linguistic “standards of comparison”, we are now prepared to consider the Salient Article in detail. In Section 4.1, I show that the Salient Article requires both uniqueness and familiarity — the defining property of definite determiners (§3.1) — but these conditions are not sufficient. In Section 4.2, I argue that the availability of the Salient Article does not depend on information-structural distinctions or on syntactic role of the NP. In Sections 4.3 and 4.4, I consider the Salient Article as a proximate marker and argue against a syntactic analysis.

³¹ Bliss uses the terms “topic/non-topic” for “main/peripheral character” which I don’t use here in order to avoid confusion with the information-structural topic in Nikolaeva’s sense.

4.1. Uniqueness and familiarity

The Salient Article demonstrates some of the basic properties of definite determiners. Consider the marking possibilities of noun phrases referring to the soldier in a small narrative-like sequence in the following three examples (based on the example from [Nikolaeva 2003: 139–140]).

- (36) *ma* *χot-a* *λuη-s-əm.* *śāta* *sāldat-([#]en)* *oməs-λ.*
 I house-DAT enter-PST-1SG there.LOC soldier-POSS.2SG sit-NPST[3SG]
 ‘I entered a house. There was a soldier sitting there.’
- (37) *ma* *sāldat-([%]en)* *χuś-a* *wana* *mān-s-əm,* *puśkan-ən* *śāś-s-əm*
 I soldier-POSS.2SG at-DAT closer go-PST-1SG gun-LOC show-PST-1SG>SG
 ‘I came closer to the soldier and raised my gun at him.’
- (38) *sāldat-[#](en)* *pakn-əs.*
 soldier-POSS.2SG get.frightened-PST[3SG]
 ‘The soldier got frightened.’

Upon first mention of the soldier (36), the Salient Article is barred. Upon second mention (37), where the Subject is still the narrator, and the soldier noun phrase is in an Oblique position (complement of a postposition), the bare form is preferred, although the Salient Article is at least acceptable for some speakers (signified by the percent sign). Finally, in (38), where the soldier is the Subject, the Salient Article is obligatory for all the speakers I consulted.

These data show that the Salient Article is unacceptable with novel referents and that it can be used with familiar referents. Based on this, we may propose that the Salient Article requires familiarity, although it does not seem to be a sufficient condition, as suggested by (37).

In the case of novel unique referents, however, the Salient Article is unacceptable. For instance, it is generally not accepted with superlatives (39), unlike the English Definite Article (17). This suggests that uniqueness is not a sufficient condition for the Salient Article to be used.

- (39) [There is a fishing contest on Fisherman’s Day. I come home from the contest and tell my family about it.]
tām ol *mēt wōn* *χul-([#]en)* *wet-χuś-jāη* *kila-kem*
 this year very big fish-POSS.2SG five-DEC-ten kg-APPR
 ‘This year, the biggest fish was 15 kilograms.’

Let us demonstrate that the Salient Article indeed requires informational uniqueness/maximality. Example (40a) shows that the Salient Article is acceptable with maximal plural referents that were introduced in prior context. In the same context, a non-maximal NP does not admit the Salient Article (40b). The Partitive Article POSS.3SG must be used instead.³²

- (40) [‘I was walking along the street when I saw two dogs.’]
 a. *amp-ηλ-an* *ma* *peλ-am-a* *χurāt-ti* *pit-s-əηən*
 dog-DU-POSS.2SG I towards-POSS.1SG-DAT bark-NFIN.NPST become-PST-3DU
 ‘The dogs started barking at me.’
 b. *i* *amp-əλ/[#]-en* *ma* *peλ-am-a*
 one dog-POSS.3SG/-POSS.2SG I towards-POSS.1SG-DAT
χurāt-ti *pit-əs*
 bark-NFIN.NPST become-PST[3SG]
 ‘One of the dogs started barking at me.’

³² The partitive article function is quite often found for 3SG possessives in Uralic languages, e.g., in Udmurt [É. Kiss, Tánzos 2018], Komi Izhem, and Meadow Mari [Simonenko 2017]. É. Kiss and Tánzos argue that the partitive article in Udmurt is not merely a function of the POSS.3SG but is an independent marker. The same argument can be made for the Kazym Khanty Partitive Article, see [Mikhailov 2021a].

This suggests that the Salient Article presupposes uniqueness which gives rise to infelicity in (40b).

Further support for this proposal comes from the obligatory use of the Salient Article in examples like (41). Here, the bare form is barred because, judging by my consultants' comments, it gives rise to an anti-familiarity/anti-uniqueness inference, i.e., the dog referred to is not the unique familiar dog introduced in prior context. (Cf. the obligatoriness of the English Definite Article in (17) from §3.1.)

- (41) ["I was walking along the street when I saw a dog."]
 amp-[#](en) ma peλ-am-a χurət-ti pit-əs
 dog-POSS.2SG I at-POSS.1SG-DAT bark-NFIN.NPST become-PST[3SG]
 'The dog started barking at me.'
 Consultant's comment on Ø: "then it's some other dog, not clear which".

One way to account for such inferences is by appealing to Heim's pragmatic principle *Maximize Presupposition!* [Heim 1991], which enforces the use of definite articles in contexts where their (uniqueness and familiarity) presuppositions are satisfied. According to my proposal (presented in §5), the Salient Article presupposes informational uniqueness and weak familiarity (in Roberts' sense (14)), and failing to use it in a context where its presuppositions are satisfied leads the addressee to infer that its use would not be felicitous in this context, e.g., because the intended referent is **not** unique/familiar.

So far it seems that the Salient Article is much like the English Definite Article or, perhaps, the narrower Akan Definite Article. Is our job here done? No, because the Salient Article is still narrower than both these markers! It differs from uniqueness-based definites in that it is not used with superlatives (39) and it differs from anaphoricity-based definites in that strong familiarity is not a sufficient condition on its use (e.g., in (37) the bare form is preferred with a strongly familiar referent).

Example (42), repeated with adjustments from (7), also shows that strong familiarity is not enough. Here a passport was introduced in the preceding context, which makes it strongly familiar (even if the story digresses between the two mentions of the passport). Nevertheless, the Salient Article is excluded here, and the Associative POSS.1SG must be used instead (cf. §2.3). Thus, strong familiarity and uniqueness cannot be all there is to Salient Article's conditions of use.

- (42) ["I found somebody's passport in the street. I went to the town administration. Met a friend there and talked to her for some time."]
 nɛm nɛpek-ɛm[#]-en suwet-ən χǎj-s-ɛm
 name paper-POSS.1SG/-POSS.2SG council-LOC leave-PST-1SG>SG
 '[Then] I left the passport at the administration. [Let them find the owner.]'

One candidate for another condition on the Salient Article is the requirement of salience, as proposed by Barlew [2014] for the Salient Article of Bulu (§3.1.3). For example, it seems reasonable to assume that one important difference between (42), where the Kazym Khanty Salient Article is barred, and (41), where it is obligatory, is that in the latter the referent is salient to a high degree but in the former it is not.

However, a requirement of salience (of some positive degree) by itself, which was enough for the Bulu Salient Article, still wouldn't be sufficient for the Kazym Khanty Salient Article. Recall that according to Roberts and Barlew a factor determining salience is relevance of the referent to the current question under discussion (QUD). Even though the passport cannot be assumed to be at the center of the addressee's attention in the context immediately preceding (42), the QUD "What did you do with the passport?" presumably still looms somewhere in the stack of relevant questions under discussion at that point, which ensures that the passport is salient to some positive degree, even if not to a high one. The same applies to the narrative examples (36)–(38): the soldier referent arguably becomes relevant to the story upon his introduction in (36) which guarantees that he is salient to some degree. Nevertheless, the Kazym Khanty

Salient Article is still dispreferred upon second mention of the soldier in (37) and is barred in (42), which one may attribute to the fact that the soldier has not yet attained a **sufficiently high** degree of salience and the passport has already lost it by the time it is mentioned for the second time.

What this discussion suggests is that, perhaps, unlike the Salient Article of Bulu [Barlew 2014: 630–631], the Kazym Khanty Salient Article does care to which degree the NP referent is salient. Before we develop this idea in some detail, let us consider some further possible factors.

One candidate suggested in [Mikhailov 2021a] is information structure. There, I proposed that the Kazym Khanty marker is a “topic marker”. Following this suggestion, it is reasonable to check if perhaps it marks topics in Nikolaeva’s [2003] sense? Another candidate is syntactic role. In all the examples above, except the one where the Salient Article is unavailable (42), the NP with the Salient Article is the Subject. I address these two possibilities in the following section.

4.2. Information structure and syntactic role

In the preceding section I argued that the Salient Article is a definite determiner which must have some additional requirements besides informational uniqueness and existence. In this section I show that neither syntactic role nor information structure provide the needed requirements of the Salient Article.

Let us consider a set of examples from an elicited dialogue about a thief stealing a computer from the local museum. Examples in (43) show that the Salient Article is used with both Subjects and Objects. (Note that the context in these examples ensures that the thief is topical and in the theme of the utterance, as defined in §3.2.)

(43) [“— A computer was stolen from our museum. — Did they find the thief yet?”]

- a. *pa muj, mułχatəł ɭolmaχ-en wəjət-s-a,*
 ADD what yesterday thief-POSS.2SG find-PST-PASS[3SG]
kampjuter-ew juχli mǎ-s-i
 computer-POSS.1PL back give-PST-PASS[3SG]

‘You betcha! Yesterday, the thief was found, and the computer has been returned.’

- b. *pa muj, ma mułχatəł ɭolmaχ-en wəjət-s-em*
 ADD what I yesterday thief-POSS.2SG find-PST-1SG>SG

‘You betcha! Yesterday, I found the thief.’

The Salient Article may also be used with non-core syntactic roles such as Demoted Agent in the Locative (44) and Possessor (45).

(44) [“— A computer was stolen from our museum. — Did they return the computer yet?”]

- kampjuter-ew ɭolmaχ-[#](en)-ən tinij-əm*
 computer-POSS.1PL thief-POSS.2SG-LOC sell-NFIN.PST[PASS.3SG]

‘It turns out that the computer was sold somewhere by the thief.’^{33,34}

(45) [“— A computer was stolen from our museum. — Did they find the thief yet? — You betcha! Yesterday, I found the thief. — What did they do to him in the end?”]

³³ The non-finite form used here functions as a Mirative Past Tense.

³⁴ Note that here the question under discussion (“What happened to the computer?”) ensures that the thief is in the rheme of the utterance, anticipating the discussion below that the Salient Article is not restricted to utterance theme. On the other hand, I assume that the thief is still salient in (44) by virtue of bridging. A robbery entails the existence of a thief. Since the robbery is the topic of the dialogue, the thief is salient as its agent.

Even though the computer is also salient here, it cannot be marked with the Salient Article since it is marked with a Proper Possessive which is in complementary distribution with the Salient Article.

λολμαχ-en mašinaj-əλ milcaj-ən nuχ wH-s-i
 thief-POSS.2SG car-POSS.3SG police-LOC up take-PST-PASS[3SG]

‘The thief’s car was taken by the police. [And he himself was put to jail.]’

I conclude from these data that the Salient Article has no special restrictions on syntactic role.

Now we turn to (the lack of) information-structural restrictions. Recall from §3.2 that in the Obdorsk dialect of Northern Khanty there is a strict link between primary topics and the Subject position and secondary topics and the Agreeing Object (O2) position as argued by [Nikolaeva 2001]. Thus, in agent rheme sentences primary topic patients are obligatorily promoted to Subject via Passivization (and rhematic agents are obligatorily demoted). Narrow argument rheme on the Subject or the O2 is impossible. In other words, in utterances that do have an explicit theme, the Subject NP is obligatorily a part of the theme (cf. footnote 24). If another NP is also topical, it is obligatorily in the O2 position.

Is there such a strict correspondence between information structure and the Salient Article in the Kazym dialect? I argue no.

In most of the examples considered so far, the NP with the Salient Article was indeed either a primary or a secondary topic. However, example (44) already shows that the Salient Article may be obligatory even with a rhematic NP.

To this we may add example (46) where a NP is under narrow argument rheme and is nevertheless obligatorily marked with the Salient Article.

- (46) [We are putting on a play at the school theatre. Two girls have not yet been assigned a role. We discuss their strengths to decide who will play the sun: “— The girl on the left is tall. — The girl on the right is a good singer. So, who will play the sun?”]

jām pelək-ən oməs-ti ew-[#](en) at junt-λ
 good side-LOC sit-NFIN.NPST girl-POSS.2SG OPT play-NPST[3SG]

‘Let the girl on the right play [the sun].’

The same observation may be drawn from example (47) where a demonstrative NP is under narrow contrastive rheme and is also obligatorily marked with the Salient Article.

- (47) [I point at a boy and ask: “Who’s that?” My addressee answers: “This boy’s name is Petya.” Our friend corrects them.]

ši aj_ik-[#](en) χən pet’a, tum aj_ik-en pet’a
 DEM boy-POSS.2SG NEG.EMPH P. that boy-POSS.2SG P.

‘This boy is not Petya, that one is.’

Table 2 summarizes the distribution of the Salient Article with respect to information structure as compared to Obdorsk dialect Subjects in argument or predicate rheme utterances (cf. Section 3.2).

Table 2

Independence of the Kazym dialect Salient Article from information-structural status as compared to the Obdorsk dialect Subjects and Agreeing Objects (O2) [Nikolaeva 2001]

Information-structural status	Kazym Salient Article	Obdorsk Subjects / Agreeing Objects
Narrow rheme	+	—
Narrow contrastive rheme	+	—
Predicate rheme, non-topical referent	+	—
Theme	+	+

Thus, I suggest that whether an NP is in the theme or in the rheme of the utterance is irrelevant for the Salient Article as long as its referent itself is salient in the given context. In all the

examples in this section where the Salient Article is obligatory, the referent of the marked NP is salient by virtue of the preceding context: the referent is either the primary topic of the target utterance, or it has been the primary topic of the preceding utterances (ensuring salience), or its salience is derived from bridging to another topic of the stretch of discourse in question.

The only example where I marked the Salient Article as optional — the second sentence of the soldier example (37) — was an example where the context is underdetermined with respect to salience of the target referent and, thus, there is some ambiguity as to the speaker's intentions: whether the speaker intends the addressee to attend to the referent in question to a significant degree or not. I consider this to be the reason for the Salient Article's optionality in cases like this one.

4.3. Obviation

Finally, let us consider Muravyev's [2022a] hypothesis that the Salient Article is a proximate marker much like those found in Algonquian languages (see §3.3).

Recall that two of the core properties of obviation systems is the proximate uniqueness constraint [Aissen 2001] and the condition that speech act participants are not considered for proximate/obviative marking. Both properties turn out to be observed by the Salient Article.

Firstly, only one third person NP may be marked with the Salient Article within a single clause, as (48) and (49) show. In both examples, the less topical of the two NPs must be marked with the Associative POSS.3SG instead (cf. §2.3). In (48), the boy is associated with the girl via the preceding context. In (49), one may argue that the thief is associated with the computer under discussion since he stole it. What is crucial for our purposes is that the Salient Article is unavailable for both these referents, even though the boy is the secondary topic in (48) and the thief is salient in (49) (cf. footnote 34).³⁵

- (48) ["I was walking along the street when I saw a boy and a girl."]

ew-en aj_ik-el / #aj_ik-en χătś-as-λe
girl-POSS.2SG boy-POSS.3SG / boy-POSS.2SG hit-PST-3SG>SG

'The girl hit the boy.'

- (49) ["A computer was stolen from our museum. But everything worked out."]

wasaj-en λoλmax-əl/#-en wəjət-s-əλe
V.-POSS.2SG thief-POSS.3SG/-POSS.2SG find-PST-3SG>SG

'Vasya found the thief [and returned the computer].'

Compare (49) with the minimally different (50) where the other NP is an indefinite pronoun. An indefinite referent is obviously less salient than the thief, so the thief is marked with the Salient Article as the proximate third person.³⁶

- (50) ["A computer was stolen from our museum. But everything worked out."]

λoλmax-en χuj-at-ən wəjət-s-a,
thief-POSS.2SG who-INDEF-LOC find-PST-PASS[3SG]

'Somebody found the thief [and returned the computer].'

³⁵ According to my assumption from §2.3 (see [Mikhailov 2023]), *wasaj-en* 'Vasya' is marked with the Proprial Article here, and not with the Salient Article. Still, Vasya is arguably more salient than the thief, which would make him the proximate, and this excludes the Salient Article on the thief per Muravyev's hypothesis. Exactly the same is observed with personal pronouns: the presence of a personal pronoun excludes the Salient Article on the other NP. I do not include the relevant data here for reasons of space.

³⁶ Note that in all the examples based on the thief story, Associative POSS.3SG is also a viable marking option for the NP referring to the thief, although, when the Salient Article is available, as in (50), it is preferred by most speakers.

Secondly, if the first NP refers to an interlocutor in the thief examples, the second NP must be marked with the Salient Article (51) (repeated from (43)). Just as expected if the Salient Article marks the proximate third person.

- (51) [“— A computer was stolen from our museum. — Did they find the thief yet?”]

pa muj, ma mułχatəl ʎolmaχ-en wəjət-s-əm
 ADD what I yesterday thief-POSS.2SG find-PST-1SG>SG

‘You betcha! Yesterday, I found the thief.’

So far, the Salient Article fits the profile of proximate marking perfectly. The natural question arises: should the Salient Article be analyzed in a similar way to proximate markers in Algonquian languages (cf. §3.3), i.e., as a marker of syntactic independence [Bliss 2017]? In the following section I argue against such an analysis.

4.4. Against a syntactic account of the Salient Article

Recall from §3.3 that Heather Bliss [2017] proposed to analyze proximate markers in Algonquian languages as markers of syntactic independence (and obviative markers as markers of syntactic dependence). According to Bliss, this distinction is realized differently in different obviation systems across the language family, e.g., in Blackfoot syntactic independence corresponds to adjunct/independent constituent status, while in Passamaquoddy it roughly corresponds to the nominative case as opposed to the accusative [Bruening 2001].

The question is whether we should account for the distribution of the Salient Article observed in the preceding section in a similar way. I would like to argue against this line of analysis.

First, consider again the generalizations about the Salient Article that we discussed so far. In §4.2, I have argued that the Salient Article is not restricted to any particular syntactic role(s). In general, I have found no special syntactic restrictions on NPs with the Salient Article as compared to NPs without it found within the same clause. If the presence/absence of the Salient Article were to correspond to the Algonquian proximate/obviative distinction (under Bliss’ analysis), we should find an underlying syntactic distinction that would drive the salience effects observed in the preceding sections. In my current data, there is no evidence to that effect.

Second, there are data that would significantly complicate a syntactic account. As we have seen above, the Salient Article is also used with NPs with demonstratives. It turns out that with demonstrative NPs, the Salient Article is no longer subject to proximate uniqueness. Thus, in (52), two demonstrative NPs with the Salient Article are perfectly felicitous within the same clause. Compare (48) above where two NPs with the Salient Article are infelicitous without demonstratives. (This observation is due to Nikita Muravyev [2022a].³⁷)

- (52) *tām ik-en tum im-en šiwəl-əs*
 this man-POSS.2SG that woman-POSS.2SG notice-PST[3SG]

‘This man saw that woman.’ (adapted from [Muravyev 2022a: ex. 9])

To see why this observation presents a problem for syntactic accounts, let us consider two possible lines of analyses in more detail.

The literature presents at least two syntactic approaches to proximate uniqueness. The first one is the optimality-theoretic (OT) account by Judith Aissen [2001].³⁸

According to Aissen, obviation can be modeled via a set of markedness constraints which ban the occurrence of either obviative third person NPs (*Obviative), proximate third person NPs

³⁷ Muravyev, however, does not provide any theoretical account but merely discusses preliminary observations.

³⁸ For an introduction to Optimality Theory see [McCarthy 2008].

(*Proximate) or two (or more) proximates (Proximate Uniqueness) within a single obviation span [Ibid.: 10–12]. The generator component of Aissen’s model generates a candidate set that contains tuples of third persons NPs each assigned either proximate or obviative status. Next, the evaluator component applies to the candidates the hierarchy of constraints to find the optimal candidate. The hierarchy of constraints that correctly rules out two proximates within a single obviation span is given in (53).

- (53) AN OPTIMALITY-THEORETIC HIERARCHY OF CONSTRAINTS FOR OBVIATION (based on [Aissen 2001])
Proximate Uniqueness » *Obviative » *Proximate

To see how this works, consider Tableau 1 that models a basic example of proximate uniqueness effects, e.g., our example (48) above.

Tableau 1

Proximate Uniqueness in Optimality Theory (based on [Aissen 2001: 12])

Input:	<x, y> x, y = 3 rd persons	Proximate Uniqueness	*Obviative	*Proximate
(a)	P _x P _y	*!		**
(b)	O _x O _y		*!*	
(c)	☐ [☐] P _x O _y		*	*

The generator component supplies three candidates: (a) with two proximates, (b) with two obviatives, and (c) with one proximate and one obviative. In Northern Khanty terms, this would, roughly speaking, correspond to (a) a clause with two NPs with the Salient Article, (b) a clause with no NPs with the Salient Article, (c) a clause with one NP with the Salient Article.³⁹ The (a) candidate is ruled out since it violates Proximate Uniqueness, the highest ranked constraint. And the optimal candidate is (c), which, unlike (b), violates the second highest ranked constraint only once. Thus, Aissen’s account correctly derives the observed pattern in cases **without** demonstratives.

It is not clear, however, how this analysis could be extended to cases **with** demonstratives like (52). One possibility is to say that NPs with demonstratives form an independent obviation span. This proposal seems problematic. There does not seem to be any reason why demonstrative NPs would form a separate obviation span. After all, obviation spans are clauses or larger units of discourse (as per Aissen’s definition [1997: 713–714] which is based on much preceding work on Algonquian). There do not seem to be cases where an obviation span is smaller than a clause. Aissen even states explicitly that “it seems impossible to initiate a new obviation span within a clause” [Ibid.].

Therefore, it seems that an Aissen-style OT account of obviation effects in the Salient Article would require a modification of the notion of obviation span that is both ad hoc and contradicts the Algonquian data, which is why I will not pursue this line of analysis any further.

The second syntactic approach to proximate uniqueness effects was proposed by Bruening [2001] for Passamaquoddy within a Minimalist Program (MP) generative syntactic framework and later applied to Tundra Nenets (< Uralic) data by [Bárány, Nikolaeva 2021] (cf. footnote 29).

In Bruening’s system [2001: 119ff.], all NPs bear a syntactic proximate feature [P] which may be either valued [+P] or unvalued [P]. First and second persons are inherently [+P]. Third persons are not inherently valued but may become valued [+P] from context and in opposition

³⁹ This is an oversimplification since at least proper nouns and personal pronouns also appear to compete for proximate status in Northern Khanty, even though they are not marked with the Salient Article (cf. footnote 35).

to another third person NP. If two third person NPs co-occur, one will become [+P], while the other will remain unvalued [P] and receive an additional obviative feature [Obv] which is spelled out as obviative morphology. (Note that in Passamaquoddy there is no proximate morphology, unlike Blackfoot.)

Both variants of the proximate feature [+P]/[P] are uninterpretable and need to be checked off by functional heads in the syntax (which is a standard set of assumptions in MP generative syntax): [P] is checked off by the v^0 (voice) head, while [+P] must be checked off by some higher head which Bruening calls H^0 . This essentially means that all NPs need to be licensed in a particular structural configuration. In Passamaquoddy, this setup allows to model movement of the proximate to the left of the verb and agreement of the verb with the proximate.

More formal detail than that need not concern us here, but the general idea is that proximate status of a third person NP may only be received in competition with another third person NP. This entails that the only third person that co-occurs with a second or first person will be neither proximate nor obviative in Bruening's model. (Recall that the proximate does not receive any overt morphological marking in Passamaquoddy.) And there is a good reason for this assumption with respect to Passamaquoddy data.

In a Passamaquoddy sentence with a first or second person and a third person, only the former is indexed by an agreement prefix on the verb and appears to the left of it. In a sentence with two third persons, either one may be indexed with the same agreement prefix and appear to the left of the verb. Thus, it seems that the bare third person NP in the first case indeed is **not** proximate as it cannot be indexed by the agreement prefix and appear to the left of the verb. On the other hand, it is also not obviative, as it does not bear obviative morphology. This pattern may be summarized in terms of features as follows:

(54) PASSAMAQUODDY OBVIATION IN BRUENING'S MODEL [Bruening 2001: 119–124]

- (a) 1st/2nd person proximate & 3rd person non-proximate: [1/2, +P] ... [3, P]
- (b) 3rd person proximate & 3rd person obviative: [3, +P] ... [3, P, Obv]

At this point, it is already obvious that Bruening's approach does not derive correct predictions for the Salient Article, since the Salient Article freely appears in the (a) case, see (55) repeated from (51).

(55) [“— A computer was stolen from our museum. — Did they find the thief yet?”]

pa muj, ma mułxatəł ɔɔɔmaɣ-en wəjət-s-em
 ADD what I yesterday thief-POSS.2SG find-PST-1SG>SG

‘You betcha! Yesterday, I found the thief.’

If the Salient Article were associated with proximate status, which corresponds to the [+P] feature in Bruening's model, then it must have been barred in (55) according to (54), which is not the case. If we were to allow [+P] to be freely assigned to any third person, we would lose Bruening's account of proximate uniqueness which is wholly grounded in competition between two local third persons.

On the other hand, it seems easy to account for violations of proximate uniqueness with demonstrative NPs (52) in Bruening's model. One has only to assume that demonstratives are inherently valued [+P], just like first and second person pronouns. This, of course, is stipulative but at least does not require any additional assumptions beyond the stipulations already made by Bruening himself.

Still, Bruening's approach to proximate uniqueness makes wrong predictions in the case of (55), which is why I also reject it as a model of the Salient Article.

Another problem with both the OT and the MP approaches is that they have nothing to say about the Salient Article's status as a definite determiner, which I argued for in §4.1. In the next section I sketch a semantic analysis of the Salient Article that both reflects its status as a definite and makes correct predictions for its distribution with respect to proximate uniqueness without unmotivated stipulations.

5. Toward an analysis

Let us sum up what generalizations an analysis of the Salient Article must account for:

- 1) The Salient Article is a definite determiner as it requires (at least) informational uniqueness and familiarity in the sense of [Roberts 2003] but it does not fit the general profiles of uniqueness and familiarity-based determiners (§4.1).
- 2) The Salient Article is used with demonstratives (examples (2), (6), (47)).
- 3) The Salient Article is subject to a kind of proximate uniqueness constraint [Aissen 2001] such that there may be at most one NP with the Salient Article per clause (§4.3).
- 4) If a NP with the Salient Article has a demonstrative, it is no longer subject to proximate uniqueness (§4.4).

In the preceding section, I argued that neither of the two existing syntactic accounts of proximate uniqueness work for the Salient Article. Thus, the Salient Article cannot be reasonably said to be syntactically proximate in any sense. Instead, I propose a semantic account based on the intuition voiced in the preceding sections that the Salient Article requires salience of the discourse referent in question.

Recall from §§3.1–3.2 that we understand salience as a function of attention capture [Roberts 2011; Barlew 2014]. The salient discourse referents are those that the interlocutors attend to, be that in virtue of relevance to the interlocutors' goals or due to the referents' perceptual prominence. Assuming that the Salient Article requires salience as well as informational uniqueness and weak familiarity, this already accounts for the data in §§4.1–4.2.

Furthermore, following general consensus in the work on demonstratives, in particular [Diesel 2006],⁴⁰ I assume that demonstratives serve to coordinate the interlocutors' joint attention. Speakers use demonstratives and deictic pointing gestures to focus the addressee's attention on a particular referent. Given that the demonstrated referent comes into addressee's attention, this ensures that the referent is salient. And this invites the use of the Salient Article as the demonstrative fulfils the Salient Article's salience requirement on the discourse referent.

Thus far we have said nothing to account for the obviation facts. I propose that the Salient Article requires **maximal salience** of the discourse referent among the salient discourse referents in a given context. This proposal follows in spirit the discourse-based approaches to the Algonquian proximate category which state that the proximate marks the more salient discourse referent among the referents under discussion (see the references in [Aissen 1997; Bliss 2017]). My proposal for the semantics of the Salient Article, based on Roberts' analysis of definites (14), is summarized in (56) (with the added part highlighted).

(56) SEMANTICS OF THE NORTHERN KHANTY SALIENT ARTICLE (first version)

Given a context C , the use of a NP_i with the Salient Article presupposes that it has as antecedent a discourse referent x_i which is:

- a) weakly familiar in C ,
- b) unique among discourse referents in C in being contextually entailed to satisfy the descriptive content of NP_i , and
- c) **the most salient discourse referent in C excluding interlocutors.**

Let us discuss it in detail.

The difference between my proposal and Roberts' analysis lies in the condition (c) which accounts for the proximate uniqueness effects. Consider again (48) repeated as (57). Here, only the Subject NP *ew-en* 'girl' may be marked with the Salient Article even though the preceding context does not make either the girl or the boy more salient.⁴¹

⁴⁰ I thank Valeria Marinina (p.c.) for introducing me to Diessel's paper.

⁴¹ An anonymous referee asks whether linear order affects the marking possibilities in (57). I have no evidence for the relevance of linear order, but syntactic role does have an effect here according

- (57) [“I was walking along the street when I saw a boy and a girl.”]

ew-en *aj_ik-eł* / *#aj_ik-en* *χătś-əs-łe*
 girl-POSS.2SG boy-POSS.3SG / boy-POSS.2SG hit-PST-3SG>SG
 ‘The girl hit the boy.’

I suggest that in cases like this the speaker intends one referent (the girl) to be more salient than the other one and uses the Salient Article, which presupposes maximal salience of this referent, to convey this intention to the addressee. Seeing how the Salient Article’s presupposition is not satisfied in the context but is nevertheless plausible, the addressee accommodates it and shifts the focus of her attention to the referent marked with the Salient Article.⁴²

Since only one referent may be maximally salient in a particular context at a particular point in time, marking the second referent (the boy) with the Salient Article would lead to presupposition failure. This gives the observed infelicity of using the Salient Article two times per clause in (57). Thus, my proposal accounts for the proximate uniqueness effects observed in the Salient Article.

Finally, consider again the case with two demonstrative NPs with the Salient Article (repeated from (52)):

- (58) *tām ik-en* *tum im-en* *šiwəł-əs*
 this man-POSS.2SG that woman-POSS.2SG notice-PST[3SG]
 ‘This man saw that woman.’ (adapted from [Muravyev 2022a: ex. 9])

What would a typical utterance of a sentence like (58) look like? The speaker would first point at the man, uttering *tām iken* ‘this man’, and then at the woman, uttering the rest of the sentence *tum imen šiwəłəs* ‘saw that woman’. The addressee would follow with her gaze the first pointing gesture to the man and then the second pointing gesture to the woman. Thus, it is fair to say that at different moments during the locutionary act of (58) two different referents are maximally salient, i.e., in focus of the interlocutors’ joint attention. And this is why the use of two Salient Articles per clause is possible with demonstratives: demonstratives allow for the interlocutors’ joint attention to shift during the utterance.

I amend my semiformal analysis in (59) to explicitly mention moments of time that maximal salience of the referent is evaluated at.

- (59) SEMANTICS OF THE NORTHERN KHANTY SALIENT ARTICLE (final version)

Given a context *C* and time *t*, the use of a NP_{*i*} with the Salient Article presupposes that it has as antecedent a discourse referent *x_i* which is:

- a) weakly familiar in *C*,
- b) unique among discourse referents in *C* in being contextually entailed to satisfy the descriptive content of NP_{*i*}, and
- c) the most salient discourse referent in *C* at *t* excluding interlocutors
 (where *t* may be either the utterance time *t_{UT}* or the time of the pointing gesture *t_{DEM}* when a demonstrative is present).

To conclude the presentation of my analysis, let me discuss the final part of the condition in (c). As per (c), the Salient Article is only concerned with salient discourse referents to the exclusion

to preliminary data. Thus, if the sentence is passivized and the girl demoted to Oblique, the preferred marking pattern is vice versa (given schematically as glosses): [boy-POSS.2SG] [girl-POSS.3SG-LOC] [hit-PST-PASS[3SG]]. I plan to investigate this further in future work.

⁴² An anonymous referee notes that this reasoning might suggest that the salience of the referent is asserted rather than presupposed. I would disagree because that would predict the Salient Article to have a far wider distribution than it in fact has. The presuppositional view instead accounts for its narrow distribution, and the reasoning here fits neatly into the general workings of presupposition accommodation, see (16), as well as §3.1 for examples from the English Definite Article.

of the interlocutors. This is a necessary condition since it ensures that the Salient Article is still available when the other NP is first or second person (cf. §§4.3–4.4). But is there any motivation for excluding the interlocutors or is it an ad hoc condition that we cannot do without? I would like to suggest that there is motivation for this assumption.

One of the existing views on the semantics of first and second person pronouns⁴³ treats them as indexicals that refer directly to the speaker and the addressee of the given context and not to the available discourse referents. Under this view, the context is understood as a tuple consisting of the interlocutors, the common ground, the set of discourse referents, and the utterance time.⁴⁴ Unlike third person pronouns and noun phrases that are interpreted as variables denoting discourse referents, the first and second person pronouns are interpreted as constants referring directly to the interlocutors. Thus, under the indexical view, the interlocutors are not even contained in the set of weakly familiar discourse referents and will not be considered for the use of the Salient Article as it is already restricted to discourse referents. Strictly speaking, we can do without the addition to condition (c) that excludes the interlocutors, but I leave it for the sake of explicitness.⁴⁵

To conclude this section, I have proposed a semantic analysis of the Northern Khanty Salient Article that correctly accounts for the nuances of its distribution outlined in the preceding sections and does so without unmotivated stipulations.

6. Conclusion

I have argued that the Salient Article is a definite determiner that marks the most salient discourse referent in the given context. As such, it represents a hitherto unattested definite type, different from uniqueness-based and familiarity-based definites [Schwarz 2009; Arkoh, Matthewson 2013] and from the Salient Article of Bulu [Barlew 2014].

In pursuing this analysis, I have considered and rejected syntactic alternatives based on the similarity of the Salient Article to the proximate markers of the Algonquian languages. The argument rested on applying to the Salient Article two existing syntactic analyses of proximate uniqueness effects [Aissen 2001; Bruening 2001]. This yielded wrong predictions, so the analyses were rejected. It would be interesting to see whether the semantic analysis of the Salient Article proposed here may be productively applied to (any of) the Algonquian data, which is, however, a task for future work.

If the analysis proposed here is on the right track, it lends further support to the view that salience, understood as a function of the interlocutors' attentional states, is a crucial dimension for the semantics of definite expressions, as argued by [Gundel et al. 1993; Barlew 2014; Roberts 2022], among others.

Finally, as I mentioned in the introduction, there has recently been a trend in Uralic linguistics set by [É. Kiss 2018; É. Kiss, Táncoz 2018; Halm 2018; Serdobolskaya et al. 2019] of analyzing non-possessive uses of Uralic possessives as independent markers in a theoretically informed fashion. The current paper supports this trend, with the hope that more work of this kind will follow.

⁴³ See David Kaplan's seminal paper [Kaplan 1989] and much subsequent work, e.g., [Kratzer 2009].

⁴⁴ Other parameters, such as, e.g., place of the utterance, may also be added.

⁴⁵ There are other views on the semantics of first and second persons, in particular the proposal by [Sudo 2012], which do not directly support my line of reasoning. For the lack of space, I leave the comparison of various theoretical proposals pertaining to this issue for another occasion.

ABBREVIATIONS

1, 2, 3 — first, second, third person
 ACC — accusative case
 ACCOM — accompaniment
 ADD — additive particle
 AI — animate intransitive
 APPR — approximative
 COP — copula
 DAT — dative case
 DEC — numeral suffix for 11–17
 DEM — demonstrative
 DIR — direct
 DU — dual number
 EMPH — emphatic particle
 FAM — Akan Definite Article
 INDEF — indefinite
 LOC — locative case
 NFIN — general nonfinite form
 NPST — non-past tense

NSG — non-singular number
 O1/O2 — Obdorsk Non-agreeing/Agreeing Object
 OBV — obviative
 OPT — optative mood
 PASS — passive voice
 PAST, PST — past tense
 PL — plural number
 PN₁ — pronoun of class 1
 POSS — possessive
 PRN — pronoun
 PROX — proximate
 REL — relative
 SG — singular number
 SUBJ — subject
 TA — transitive animate
 TE — Bulu Salient Article
 TOP — topic

REFERENCES

- Aissen 1997 — Aissen J. On the syntax of obviation. *Language*, 1997, 73(4): 705–750.
 Aissen 2001 — Aissen J. The obviation hierarchy and morphosyntactic markedness. *Linguistica Atlantica*, 2001, 23: 1–34.
 Aristova 2023 — Aristova M. *Linguistic situation and language shift in the Kazym Khanty-speaking community*. MA thesis. Moscow: HSE Univ., 2023.
 Arkoh, Matthewson 2013 — Arkoh R., Matthewson L. A familiar definite article in Akan. *Lingua*, 2013, 123: 1–30.
 Bárány, Nikolaeva 2021 — Bárány A., Nikolaeva I. On adjoined possessors. *Linguistic Inquiry*, 2021, 52(1): 181–194.
 Barlew 2014 — Barlew J. Salience, uniqueness, and the definite determiner *-te* in Bulu. *Semantics and Linguistic Theory*, 2014, 24: 619–639.
 Bliss 2017 — Bliss H. A. Dependencies in syntax and discourse: Obviation in Blackfoot and beyond. *Working Papers of the Linguistics Circle of the University of Victoria*, 2017, 27(1): 1–26.
 Bombi 2018 — Bombi C. Definiteness in Akan: Familiarity and uniqueness revisited. *Proc. of the 28th Semantics and Linguistic Theory Conf.* Maspong S., Stefánsdóttir B., Blake K., Davis F. (eds.). Cambridge (MA): Massachusetts Institute of Technology, 2018, 141–160.
 Bruening 2001 — Bruening B. *Syntax at the edge: Cross-clausal phenomena and the syntax of Passamaquoddy*. Ph.D. diss. Cambridge (MA): Massachusetts Institute of Technology, 2001.
 Bruening 2009 — Bruening B. Algonquian languages have A-movement and A-agreement. *Linguistic Inquiry*, 2009, 40(3): 427–445.
 Christophersen 1939 — Christophersen P. *The articles: A study of their theory and use in English*. Copenhagen: E. Munksgaard, 1939.
 Clark 1975 — Clark H. H. Bridging. *Theoretical issues in natural language processing*. Schank R. C., Nash-Webber B. L. (eds.). Cambridge (MA): Association for Computational Linguistics, 1975, 169–174.
 Coppock 2022 — Coppock E. On definite descriptions: Can familiarity and uniqueness be distinguished? *Linguistics meets philosophy*. Altshuler D. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2022, 109–136.
 Coppock, Beaver 2015a — Coppock E., Beaver D. Novelty and familiarity for free. *Proc. of the 20th Amsterdam Colloquium*. Brochhagen T., Roelofsen F., Theiler N. (eds.). Amsterdam: Institute for Logic, Language and Computation, 2015, 50–59.
 Coppock, Beaver 2015b — Coppock E., Beaver D. Definiteness and determinacy. *Linguistics and Philosophy*, 2015, 38(5): 377–435.

- Diessel 2006 — Diessel H. Demonstratives, joint attention, and the emergence of grammar. *Cognitive Linguistics*, 2006, 17(4): 463–489.
- É. Kiss 2018 — É. Kiss K. Possessive agreement turned into a derivational suffix. *Boundaries crossed, at the interfaces of morphosyntax, phonology, pragmatics and semantics*. Bartos H., Den Dikken M., Bánrét Z., Váradi T. (eds.). Cham: Springer, 2018, 87–105.
- É. Kiss, Tánčzos 2018 — É. Kiss K., Tánčzos O. From possessor agreement to object marking in the evolution of the Udmurt *-jez* suffix: A grammaticalization approach to morpheme syncretism. *Language*, 2018, 94(4): 733–757.
- Fraurud 2001 — Fraurud K. Possessives with extensive use: A source of definite articles? *Dimensions of possession*. Baron I., Herslund M., Sørensen F. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2001, 243–267.
- Frege 1892 — Frege G. Über Sinn und Bedeutung. *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*, 1892, 100(1): 25–50.
- Givón 2001a — Givón T. *Syntax: An introduction. Vol. II*. Amsterdam: John Benjamins, 2001.
- Givón 2001b — Givón T. *Syntax: An introduction. Vol. I*. Amsterdam: John Benjamins, 2001.
- Goddard 1990 — Goddard I. Aspects of the topic structure of Fox narratives: Proximate shifts and the use of overt and inflectional NPs. *International Journal of American Linguistics*, 1990, 56(3): 317–340.
- Grosz et al. 1995 — Grosz B. J., Joshi A. K., Weinstein S. Centering: A framework for modeling the local coherence of discourse. *Computational Linguistics*, 1995, 21(2): 203–225.
- Gundel et al. 1993 — Gundel J. K., Hedberg N., Zacharski R. Cognitive status and the form of referring expressions in discourse. *Language*, 1993, 69(2): 274–307.
- Halliday 1985 — Halliday M. *An introduction to functional grammar*. London: Edward Arnold, 1985.
- Halm 2018 — Halm T. From possessive suffix to affective demonstrative suffix in Hungarian: A grammaticalization analysis. *Morphology*, 2018, 28(2–3): 359–396.
- Haspelmath 2010 — Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies. *Language*, 2010, 86(3): 663–687.
- Heim 1982 — Heim I. *The semantics of definite and indefinite noun phrases*. Ph.D. diss. Amherst: Univ. of Massachusetts Amherst, 1982.
- Heim 1991 — Heim I. Artikel und Definitheit. *Semantik*. Von Stechow A., Wunderlich D. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 1991, 487–535.
- Heim 2019 — Heim I. Definiteness and indefiniteness. *Semantics — noun phrases and verb phrases*. Portner P., von Stechow A., Maienborn C. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2019, 33–69.
- Kaksin 2010 — Kaksin A. D. *Kazymskii dialekt khantyiskogo yazyka* [Kazym dialect of the Khanty language]. Khanty-Mansiysk: Informational Publishing Center of the Yugra State Univ., 2010.
- Kaplan 1989 — Kaplan D. Demonstratives: An essay on the semantics, logic, metaphysics and epistemology of demonstratives and other indexicals. *Themes from Kaplan*. Almog J., Perry J., Wettstein H. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 1989, 481–563.
- Karttunen 1976 — Karttunen L. Discourse Referents. *Syntax and Semantics 7: Notes from the Linguistic Underground*. McCawley J. D. (ed.). New York: Academic Press, 1976, 363–385.
- Koshkareva 2002 — Koshkareva N. B. Kommunikativnaya paradigma khantyiskogo predlozheniya (na materiale kazym'skogo dialekta) [Communicative paradigm of Khanty sentence (based on the Kazym dialect data)]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri: sbornik nauchnykh trudov*. Koshkareva N. B., Oktyabr'skaya I. V. (eds.) No. 12. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ., 2002, 29–44.
- Kratzer 2009 — Kratzer A. Making a pronoun: Fake indexicals as windows into the properties of pronouns. *Linguistic Inquiry*, 2009, 40(2): 187–237.
- Kripke 1980 — Kripke S. A. *Naming and necessity*. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 1980.
- Kuznetsova 2003 — Kuznetsova A. Kumulyatsiya grammaticheskikh znachenii v agglutinativnykh pokazatelyakh: deikticheskie funktsii posessiva v ural'skikh yazykakh [Cumulation of grammatical values in agglutinating markers: Deictic functions of the possessive in the Uralic languages]. *Mezhdunarodnyi simpozium po deikticheskim sistemam i kvantifikatsii v yazykakh Evropy i severnoi i tsentral'noi Azii: sbornik statei*. Suihkonen P., Comrie B. (eds.). Izhevsk: Udmurt State Univ.; Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2003, 249–259.
- Lambrecht 1994 — Lambrecht K. *Information structure and sentence form: Topic, focus, and the mental representations of discourse referents*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994.
- Lewis 1979 — Lewis D. Scorekeeping in a language game. *Journal of Philosophical Logic*, 1979, 8: 339–359.
- Link 1983 — Link G. The logical analysis of plurals and mass terms: A lattice theoretical approach. *Meaning, use, and interpretation of language*. Bäuerle R., Schwarze Ch., von Stechow A. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 1983, 302–323.

- Marantz 1992 — Marantz A. Case and licensing. *Proc. of ESCOL '91: The Eastern States Conf. on Linguistics (University of Maryland, Baltimore, Oct. 11–13, 1991)*. Westphal G., Ao B., Chae H.-R. (eds.). Columbus: Ohio State Univ., 1992, 234–253.
- Matthewson 2004 — Matthewson L. On the methodology of semantic fieldwork. *International Journal of American Linguistics*, 2004, 70(4): 369–415.
- McCarthy 2008 — McCarthy J. J. *Doing optimality theory: Applying theory to data*. Oxford: Blackwell, 2008.
- Mikhailov 2021a — Mikhailov S. Against monosemic approaches to Northern Khanty extended possessives. *Typology of Morphosyntactic Parameters*, 2021, 4(1): 118–146.
- Mikhailov 2021b — Mikhailov S. K. 2-v-1: dve possessivnye konstruksii v odnoi paradigme severnokhantyiskikh suffiksov [2-in-1: Two possessive constructions in one Northern Khanty paradigm of suffixes]. *Malye yazyki v bol'shoi lingvistike*. No. 3. Semenova Ks. P. (ed.). Moscow: Buki Vedi, 2021, 106–117.
- Mikhailov 2023 — Mikhailov S. K. Severnokhantyiskaya possessivnost' i tipologiya determinatsii [Northern Khanty possessives and determiner typology]. *Rodnoi yazyk*, 2023, 2: 6–51.
- Muñoz 2019 — Muñoz P. The proprial article and the semantics of names. *Semantics and Pragmatics*, 2019, 12: 1–36.
- Muravyev 2022a — Muravyev N. A. *Obviatsiya v kazymskom khantyiskom* [Obviation in Kazym Khanty]. Field report. Ms. 2022.
- Muravyev 2022b — Muravyev N. A. Severnokhantyiskii kak yazyk s chertami akkuzativnogo i ierarchicheskogo kodirovaniya [Northern Khanty as a language with the features of accusative and hierarchical alignment]. *Ural-Altaic Studies*, 2022, 46(3): 43–62.
- Muravyev, Zhornik 2023 — Muravyev N. A., Zhornik D. O. Parametricheskaya model' zaloga v obsko-ugorskikh yazykakh [Parametric model of the voice in the Ob-Ugric languages]. *Vestnik ugrovedeniya*, 2023, 13(1): 112–124.
- Nikolaeva 2001 — Nikolaeva I. Secondary topic as a relation in information structure. *Linguistics*, 2001, 39: 1–49.
- Nikolaeva 2003 — Nikolaeva I. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: Evidence from Uralic. *Mezhdunarodnyi simpozium po deikticheskim sistemam i kvantifikatsii v yazykakh Evropy i severnoi i tsentral'noi Azii: sbornik statei*. Suihkonen P., Comrie B. (eds.). Izhevsk: Udmurt State Univ.; Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2003, 130–145.
- Nikolaeva, Bárány 2019 — Nikolaeva I., Bárány A. Proximate possessors. *Prominent internal possessors*. Bárány A., Bond. O., Nikolaeva I. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2019, 228–258.
- Prince 1992 — Prince E. F. The ZPG letter: Subjects, definiteness, and information-status. *Discourse description*. Thompson S. A., Mann W. C. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1992, 295–325.
- Reinhart 1981 — Reinhart T. Pragmatics and linguistics: An analysis of sentence topics. *Philosophica*, 1981, 27(1): 53–94.
- Roberts 2003 — Roberts C. Uniqueness in definite noun phrases. *Linguistics and Philosophy*, 2003, 26(3): 287–350.
- Roberts 2011 — Roberts C. Solving for interpretation. *Workshop on Meaning and Understanding at the Centre for Advanced Study, Oslo*. Ms. 2011.
- Roberts 2012 — Roberts C. Information structure in discourse: Towards an integrated formal theory of pragmatics. *Semantics and Pragmatics*, 2012, 5: 1–69.
- Roberts 2019 — Roberts C. Topics. *Semantics — Sentence and information structure*. Portner P., Maienborn C., von Stechow K. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2019, 381–412.
- Roberts 2022 — Roberts C. Coherence, salience and anaphora. *The 2016 NASSLLI/Rutgers workshop on Coherence and Anaphora, organized by D. Altshuler and S. Cumming*. Ms., 2022.
- Russell 1905 — Russell B. On denoting. *Mind*, 1905, 14: 479–493.
- Sámmol Ánte 2022 — Sámmol Ánte L. S. Proto-Uralic. *The Oxford guide to the Uralic languages*. Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2022, 3–27.
- Schwarz 2009 — Schwarz F. *Two types of definites in natural language*. Ph.D. diss. Amherst: Univ. of Massachusetts Amherst, 2009.
- Schwarz 2019 — Schwarz F. Weak vs. strong definite articles: Meaning and form across languages. *Definiteness across languages*. Aguilar-Guevara A., Pozas Loyo J., Vázquez-Rojas Maldonado V. (eds.). Berlin: Language Science Press, 2019, 1–37.
- Serdobolskaya 2017 — Serdobolskaya N. V. Invariant opredelennosti i differentsirovanoe markirovanie pryamogo dopolneniya v besermyanskom udmurtskom [The invariant of definiteness and differential object marking in Beserman Udmurt]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2017, 13(3): 76–122.

- Serdobolskaya et al. 2019 — Serdobolskaya N., Usacheva M., Arkhangelskiy T. Grammaticalization of possessive markers in the Beserman dialect of Udmurt. *Possession in languages of Europe and North and Central Asia*. Johanson L., Mazzitelli L. F., Nevskaya I. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2019, 291–311.
- Simonenko 2017 — Simonenko A. Towards a semantic typology of specific determiners. *Proc. of the 21st Amsterdam Colloquium*. Cremers A., van Gessel T., Roelofsen F. (eds.). Amsterdam: Institute for Logic, Language and Computation, 2017, 425–434.
- Stalnaker 1974 — Stalnaker R. Pragmatic presuppositions. *Semantics and philosophy*. Munitz M. K., Unger P. K. (eds.). New York: New York Univ. Press, 1974, 197–219.
- Strawson 1950 — Strawson P. F. On referring. *Mind*, 1950, 59: 320–344.
- Strawson 1964 — Strawson P. F. Identifying reference and truth-values. *Theoria*, 1964, 30(2): 96–118.
- Sudo 2012 — Sudo Y. *On the semantics of phi features on pronouns*. Ph.D. diss. Cambridge (MA): Massachusetts Institute of Technology, 2012.
- Zúñiga 2006 — Zúñiga F. *Deixis and alignment: Inverse systems in indigenous languages of the Americas*. Amsterdam: John Benjamins, 2006.

Получено / received 20.07.2023

Принято / accepted 21.11.2023

Русское дискурсивное *нет* в сопоставительном аспекте

© 2024

Дмитрий Олегович Добровольский

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия;

Институт языкознания РАН, Москва, Россия;

Стокгольмский университет, Стокгольм, Швеция; dobrovolskij@gmail.com

Ирина Борисовна Левонтина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия;

irina.levontina@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается функционирование русских слов *нет* и отчасти *да* на фоне других языков. Обнаруживаются важные особенности семантики и прагматики изучаемых слов. Особое внимание уделяется дискурсивным употреблением русского *нет* и их соответствиям в английском и немецком языках. Предлагается классификация дискурсивных употреблений *нет*, часть которых имеет соответствия в английском и немецком языках, а часть просто опускается при переводе. Интересно, что особенности дискурсивных употреблений во многом определяются тонкой семантикой самых центральных употреблений русских слов *да* и *нет* и их аналогов в других языках. Уже в самых прямых употреблениях *да* и *нет* проявляется особое свойство русского диалога: для говорящего важнее соотносить свою позицию с позицией собеседника, чем с истинным положением дел. К этому свойству восходит все богатство дискурсивных употреблений, в первую очередь представленных у слова *нет*.

Ключевые слова: английский язык, диалог, дискурсивные маркеры, контрастивная лингвистика, немецкий язык, параллельные корпуса, перевод, русский язык

Благодарности: Мы благодарим анонимных рецензентов за конструктивные замечания.

Для цитирования: Добровольский Д. О., Левонтина И. Б. Русское дискурсивное *нет* в сопоставительном аспекте. *Вопросы языкознания*, 2024, 1: 39–59.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.1.39-59

Russian discourse word *net* ‘no’ in a contrastive perspective

Dmitrij O. Dobrovol'skij

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

Stockholm University, Stockholm, Sweden; dobrovolskij@gmail.com

Irina B. Levontina

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

irina.levontina@mail.ru

Abstract: The article examines the functioning of the Russian words *net* ‘no’ and partly *da* ‘yes’ in comparison to other languages. The study identifies important features of the semantics and pragmatics of these words. Special attention is paid to the discursive uses of Russian *net* and their correspondences in English and German. A classification of discursive uses of *net* is proposed, some of which have counterparts in English and German, while others are simply omitted in translation. The specific features

of discursive uses are largely determined by the subtle semantics of the central readings of Russian *da* and *net*. The same holds for English *yes* and *no*, as well as for German *ja* and *nein*. Even in the most direct uses of *da* and *net*, a distinctive characteristic of Russian dialogue is revealed: it is more important for the speaker to align their position with the interlocutor's position than with the actual state of affairs. This characteristic underlies the richness of discursive uses, primarily represented by the word *net*.

Keywords: contrastive linguistics, dialogue, discourse markers, English, German, parallel corpora, Russian, translation

Acknowledgements: We thank anonymous reviewers for constructive comments.

For citation: Dobrovol'skij D. O., Levontina I. B. Russian discourse word *net* 'no' in a contrastive perspective. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 1: 39–59.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.1.39-59

1. Вводные замечания

Все поведение дискурсивных слов, которое на первый взгляд представляется достаточно клишированным и продиктованным узусом, в действительности мотивировано глубокими семантическими в широком смысле причинами — в частности не только семантикой отдельных слов, но и дискурсивными стратегиями, характерными для того или иного языка. Описание семантики в целом опирается на случаи, когда появление той или иной единицы в одних случаях возможно, а в других — нет. Иными словами, описание значения основывается на употреблении, возможности / невозможности взаимозамен и пр. В сопоставительных исследованиях этот принцип выглядит так: в одних случаях слово одного языка переводится на другой язык с помощью X, а в других — с помощью Y, и взаимозамены X и Y невозможны.

Однако часто различия в употреблении имеют характер предпочтений, тенденций, статистических закономерностей. Подобные различия основаны на разнице в семантике. Соотношения такого рода описать гораздо труднее. Их достоверное описание было невозможно до появления корпусов параллельных текстов¹. До этого лингвисты могли делать утверждения о предпочтениях, лишь основываясь на собственной семантической интуиции и отдельных наблюдениях. Конечно, было бы наивно думать, что само наличие параллельных корпусов обеспечивает нас новым уровнем знаний. Корпус является лишь инструментом, который позволяет проверить гипотезы, возникающие в результате семантического анализа. Кроме того, корпуса имеют множество ограничений, связанных с их объемом и составом.

В настоящем исследовании нас интересуют особенности дискурсивных употреблений русского слова *нет* и их соответствия в английском и немецком языках. Некоторые аспекты этой темы мы уже затрагивали ранее; см., например, [Добровольский, Левонтина 2009; Dobrovol'skij, Levontina 2012].

2. ДА и НЕТ: основные значения

Давно замечено, что слова *да* и *нет* и их эквиваленты в разных языках ведут себя по-разному, хотя, казалось бы, они передают простые и квазиуниверсальные смыслы, по крайней мере в своих основных употреблениях. Ср. следующие примеры из параллельных

¹ В работе используется материал параллельных подкорпусов Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

корпусов НКРЯ с английским и немецким языками, в которых *да* и *нет* используются в ответе на вопрос:

- (1) — Да ты разве не слушаешь, мама? — **Нет**, что ты, — я слушаю, я слушаю... [В. В. Набоков. Благодать (1927)]. — “Aren’t you listening, Mother?” “**Why, yes, I am...**” [Vladimir Nabokov. The doorbell (Dmitri Nabokov, Vladimir Nabokov, 1976)].
- (2) — А это впереди, кажется, наш лес? — спросил Аркадий. — **Да**, наш. Только я его продал. В нынешнем году его сводить будут. [И. С. Тургенев. Отцы и дети (1860–1861)]. „Und das Gehölz gegenüber, gehört uns das nicht auch?“ — fragte Arkad. „**Doch**; ich habe es aber eben jetzt verkauft und es wird vor Ende des Jahrs noch geschlagen werden.“ [Ivan Turgenev. Väter und Söhne (Friedrich von Bodenstedt, 1860–1880)].

С одной стороны, это связано с тем, что выбор *да* или *нет* в ответе мотивируется двумя разными параметрами: «удостоверяющая vs. неудоверяющая реакция (реакция, удостоверяющая или неудоверяющая, что факт имел место)» и «согласие vs. несогласие» с собеседником². Выбор конкретного слова зависит также от формы стимула (в частности, содержит ли предшествующий вопрос отрицание или нет)³. Когда значения этих параметров вступают в конфликт (например, говорящий подтверждает истинность пропозиции, но не согласен с собеседником), выбор *да* или *нет* начинает регулироваться некими дополнительными правилами, которые часто оказываются лингвоспецифичными. С другой стороны, разные языки располагают разным набором средств для передачи соответствующих смыслов. Это могут быть два слова (как *да* и *нет* в русском или *yes* и *no* в английском) или же три (как *ja*, *nein*, *doch* в немецком или *oui*, *non*, *si* во французском языке).

Когда в языке есть три слова, выражающих соответствующие реакции, несогласие с репликой, содержащей отрицание, выражается специально предназначенным для этого словом: ср. *doch* в примере (2), употребление которого мотивировано тем, что вопрос Аркадия в немецком переводе содержит отрицание (*gehört uns das nicht auch?*). В русском оригинале немецкому *doch* соответствует *да*, поскольку вопрос в оригинале не содержит отрицания. Если бы вопрос содержал отрицание (*А это впереди, кажется, не наш лес?*), ответ *да, наш* был бы невозможен (правильный ответ в этом случае: *нет, наш*). Интересно, что в переводе такого обмена репликами на английский язык используется *yes*, а не *no*, см. (3). Ср. аналогичный случай в примере (1), где русскому **Нет**, что ты соответствует английское *Why, yes, I am...*

- (3) “And that in front is our forest, isn’t it?” asked Arkady. “**Yes**. Only I have sold the timber. This year they will cut it down” [Ivan Turgenev. Fathers and Children (Constance Garnett, 1917)].

В примере (3) вопрос, соответствующий реплике *А это впереди, кажется, наш лес?* из текста оригинала, содержит типичный для оформления вопроса в английском языке тэг *isn’t it?*, который, собственно, и отвечает за понимание высказывания как вопроса. Хотя тэг содержит отрицание, это не влияет на выбор *yes* в ответной реплике⁴. Важно, что в английском переводе сохранено исходное предположение, что лес наш, поэтому ответ с *yes* естественен.

Эти простые примеры показывают, что выбор слова с семантикой ‘да’ или ‘нет’ в ряде случаев оказывается лингвоспецифичным.

Здесь необходимо некоторое уточнение. Неправильно было бы думать, что в русском языке вообще нет средств, аналогичных немецкому *doch*. Ср. *а вот и да* или *нет, да*.

² Важно, что *да* и *нет* могут быть реакциями не только на вопрос, но и на утверждение.

³ Этот формальный момент содержательно коррелирует с определенными сочетаниями значений названных параметров; подробнее об этом см. [Добрушина 2014: 150].

⁴ Ср. русское *не так ли?*, выполняющее близкую функцию, но не допускающее ответа *да*.

- (4) — Ну, Кать, ты что, твой разве загуляет! — возражаю я совершенно искренне, вспоминая круглую физию Катенькиного мужа с ушами, похожими на кастрюльные ручки. — *А вот и да!* Все одинаковые, Нин Сергеевн! [А. А. Андропова. Вариант нормы (2008)].
- (5) Я внезапно объявляю: «Знаешь что? Я — сумасшедшая!» — «Нет!» — поспешно говорит Гуля, и на ее пухлой мордочке появляется сложное выражение: мольба и страх одновременно. Она уже испугалась, но просит дальше ее не пугать. «*Нет, да!*» — восклицаю я, после чего закатываю глаза, скашиваю их, начинаю трястись, подвывать [Н. И. Ильина. Дороги и судьбы (1957–1985)].

Однако кардинальное отличие этих слов от *doch* состоит в том, что они, во-первых, факкультативны (в отличие от грамматикализованного *doch*), а во-вторых, экспрессивны (в отличие от *doch*, которое может быть совершенно безэмоционально).

Распределение слов с семантикой ‘да’ и ‘нет’ в разных языках описывается в [Роре 1976: 118ff.].

Для обозначения двух семантических параметров, которые определяют выбор конкретного слова в том или ином языке, мы будем пользоваться сокращениями У/НУ (удостоверяющая vs. неудоверяющая реакция) и С/НС (согласие vs. несогласие с репликой собеседника). Для русского языка в [Роре 1976: 118] предлагается следующая схема:

	С	НС
У	да	—
НУ	нет	нет ⁵

Это значит, что когда носитель русского языка подтверждает истинность сказанного и при этом согласен с собеседником, он говорит *да*, а когда он отрицает истинность пропозиции, то независимо от того, согласен он с собеседником или нет, употребляется *нет*. Что касается сочетания положительного суждения с несогласием, то хотя в предлагаемом описании здесь и стоит прочерк, представляется, что в реальной коммуникации говорящий также употребляет в этом случае *нет* (подробнее см. ниже).

Для английского языка эта схема выглядит так:

	С	НС
У	yes	yes (+ tag)
НУ	no	no ⁶

⁵ Другой вариант этой схемы предлагается в [Гришина 2011: 174]. В его основе лежит сочетание признака согласие/несогласие и признака наличия/отсутствия отрицания в стимуле, иллокутивно вынуждающем ‘да’/‘нет’-реакцию.

⁶ Заметим, что эти и подобные схемы несколько упрощают реальную ситуацию. Так, выбор *yes* или *no* в ответе на вопрос, содержащий отрицание, зависит иногда от статуса отрицания — сен-тенциальное это отрицание или нет. В [Роре 1976: 116–117, 128] приводятся соответствующие примеры. В русском языке наблюдается также довольно много отклонений от стандартной версии заполнения клеток схемы. Ср. пример из [Timberlake 2004: 464]: — *Не получится ли так, что ваша фракция останется в одиночестве, а этот союз все равно состоится?* — *Да, это возможно.* При использовании слов типа *наверное* или *конечно* ситуация выбора дополнительно осложняется: — *Ты конечно в срок никак уже не кончишь?* — *Да, наверно не кончу;* — *Ты конечно в срок никак уже не кончишь?* — *Нет, я постараюсь;* — *Они, наверное, не поняли ничего?* — *Нет, вы знаете, поняли, некоторые даже очень поняли.* Примеры из [Timberlake 2004: 464–465] со ссылкой

Запись *yes* (+ tag) означает, что в случае сочетания У+НС одиночного *yes* часто оказывается недостаточно. Использование тэгов в языках типа английского нередко практически обязательно, поскольку в случаях, когда имеется всего два варианта (*yes* и *no*), без тэга высказывание может получиться коммуникативно неоднозначным. Например, ответ *Yes* на вопрос *Didn't you like it?* смотрится странно. Коммуникативно однозначный ответ требует уточнения (тэга): *Yes, I did*. Причем выбор тэга, которому часто для однозначной интерпретации реплики принадлежит решающая роль, в значительной степени лексикализован⁷. Заметим, что аналогичный обмен репликами по-русски потребовал бы использования слова *нет*, а не *да* — и тоже, как правило, с тэгом. Ср.: — *Тебе это не понравилось?* — *Нет, отчего же. Вполне понравилось*. Или: — *Тебе это не понравилось?* — *Нет, вполне*.

Хотя в схеме из [Pore 1976] для русского языка наличие тэгов в определенных сочетаниях У/НУ и С/НС не маркировано как обязательное, в реальной речевой практике они активно используются. Соответствующие примеры обсуждает Добрушина [2003: 182]: — *Мне не звонили?* — *Нет*. Или более однозначно: *Нет, не звонили*. Единственным способом «введения положительной пропозиции в ответ на такие вопросы» она считает повтор глагола без отрицания, например: — *Мне не звонили?* — *Звонили*. Иными словами, в таких случаях «тэг» является не просто обязательным, а может вытеснить само *нет*. Впрочем, и ответ *Нет, не звонили* представляется вполне допустимым.

Основное различие в употреблении слов с семантикой 'да' и 'нет' в английском и русском языках заключается именно в выборе соответствующего слова при сочетании У+НС. Приведем несколько примеров из англо-русского параллельного корпуса. Для иллюстрации этих особенностей употребления английского *yes* для выражения несогласия с предыдущей репликой собеседника при одновременном положительном значении признака 'истинность' особенно хорошо — в силу их краткости и определенности — подходят фрагменты диалогов из «Прощай, оружие!» Э. Хемингуэя. Показательно, что во всех таких случаях в русском переводе Е. Калашниковой на месте английского *yes* появляется *нет*.

- (6) а. “Don’t go.” “**Yes**, we must go.” — Не уходите. — **Нет**, нам пора.
 б. “What are you thinking about now?” “Nothing.” “**Yes** you were.” — О чем ты сейчас думаешь? — Ни о чем. — **Нет**, ты думал о чем-то.
 в. “I like him.” “Oh, I knew it. Sometimes I think you and he are a little that way. You know.” “No, you don’t.” “**Yes**, I do sometimes.” [Ernest Hemingway. Farewell to Arms (1929)]. — Я его очень люблю. — Это я знаю. Мне даже кажется иногда, что вы с ним немножко то самое. Ну, вы знаете. — Ничего вам не кажется. — **Нет**, иногда кажется. [Эрнест Хемингуэй. Прощай, оружие! (Е. Калашникова, 1936)].

Разберем отдельно следующий немецкий пример (7).

- (7) „Du bist kein gelernter Chauffeur, was?“ „**Nein**...“ „Ich auch nicht.“ [Erich Maria Remarque. Drei Kameraden (1936)]. — Ты не профессиональный шофер, верно? — **Да**. — Я тоже нет. [Эрих Мария Ремарк. Три товарища (И. М. Шрайбер, 1981)]

на [Земская 1973: 364]. Гришина [2011: 173] указывает на то, что при наличии слов, выражающих степень уверенности, в живой устной речи, возможны разные варианты.

⁷ Ср. пример на ограничения в выборе потенциально возможных с коммуникативной точки зрения тэгов, приводимый в [Pore 1976: 114]. На вопрос *Did you have very much fun?* в качестве положительного ответа следует сказать *Yes, I did*, но не **Yes, very much*. Интересно, что по-русски как раз этот недопустимый в английском узусе ответ, был бы наиболее приемлем; ср.: — *Ты хорошо повеселился?* — *Да, очень*.

Хотя в ответной реплике оригинального текста — в соответствии в действующими в немецком языке правилами выбора между *ja*, *nein* и *doch* — употребляется *nein*, в переводе, вместо ожидаемого *нет*, используется *да*. Это объясняется тем, что предыдущий вопрос заканчивается уточняющим словом *верно*. Ответ реагирует именно на это *верно* («— Верно, что ты не профессиональный шофер? — Да, верно»), хотя можно было бы ожидать и реакции на отрицание в вопросе. В этом случае в ответе по-русски следовало бы употребить *нет*.

Интересно сопоставить этот пример с примером (3), разобранным выше. Можно заметить, что русское *верно*, функционально похожее на английские тэги типа *isn't it?*, ведет себя принципиально иначе. Оно не грамматикализовано и менее прозрачно в том смысле, что адресат реагирует как непосредственно на него, так и на содержание высказывания. Английское *isn't it?* грамматикализовано и прозрачно: оно служит лишь маркером вопросительности, а адресат в ответе реагирует на собственно содержание вопроса.

В языках, использующих три разных слова для выражения смыслов У/НУ и С/НС в различных комбинациях, существует специальное слово для сочетания У+НС, то есть для несогласия с собеседником при указании на положительное значение признака 'истинность' (ср. нем. *doch* и фр. *si* в приводимых ниже схемах⁸). Это происходит, как правило, в случаях, когда собеседник отрицает истинность пропозиции, а говорящий с ним не соглашается. Часто это отрицательный ответ на вопрос, содержащий отрицание.

Немецкий

	С	НС
У	ja	doch
НУ	nein	nein

Французский

	С	НС
У	oui	si
НУ	non	non

Сходное распределение 'да'/'нет'-реакций наблюдается в других романских и, например, скандинавских языках. В дальнейшем изложении мы, помимо русских, будем использовать только английские и немецкие примеры.

Однозначно задача выбора слова-реакции может быть решена только в том случае, когда в языке есть четыре разных слова для заполнения клеток схемы. Таких языков крайне мало. В [Pore 1976: 123] в качестве примера такого языка называется английский XVI в.

Английский XVI в.

	С	НС
У	yea	yes
НУ	no	nay

Итак, следует различать разные виды реакции на реплику собеседника: реакция может быть «фактологической», мы подтверждаем или не подтверждаем тот факт, указание

⁸ Хотя *doch* и *si* не полностью тождественны.

на который содержится в реплике-стимуле, или она может быть «оценочной», то есть выражать солидарность или отсутствие солидарности с собеседником. В большом числе случаев это противопоставление нерелевантно (— *Он приехал. — Нет, не приехал.* — Это и неподтверждение факта и несогласие с собеседником). Однако во многих случаях это различие становится значимым. Например, по-русски следующий обмен репликами выглядит бессвязным: — *Он что, не приехал?* — **Да, приехал*⁹. Можно сказать: *Нет, приехал* или *А вот и приехал*.

Здесь проявляется особое свойство русского диалога — для говорящего важнее соотносить свою позицию с позицией собеседника, чем с истинным положением дел. По-английски все подобные фразы с *yes* или *of course* звучали бы совершенно естественно.

Русское выражение *а вот и* заслуживает отдельного рассмотрения. Своей полемичностью оно напоминает немецкое *doch*. Ср.:

- (8) — Ха-ха-ха! *Вы его не будете есть.* Дядя Опанас сказал: — *А вот и* буду. И отдал бабушке вожжи [Б. С. Житков. Что я видел (1937)].
- (9) Мне на все наплевать. Я сегодня буду очаровательной. — *Не разыгрывай*, пожалуйста, из себя хэмингуэвскую героиню, — тихо сказал Кянукук. — Что-о? — возмущилась она. (...) — *А вот и* буду *разыгрывать*! Это моя профессия! [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)].

А вот и можно заменить на *нет* в этих примерах, но с *нет* эти фразы будут звучать несколько менее полемично. Отметим еще раз, что *да* здесь совершенно невозможно.

Таким образом, это не просто различие в правилах сочетаемости, а фундаментальное семантическое противопоставление. В русском языке негативная реакция на реплику собеседника больше связана с реакцией несогласия, чем с готовностью или неготовностью удостоверить факт. Поразительно, что в таком важном месте обнаруживается столь значимая специфика русского языка. Поскольку идея несогласия так глубоко залегает в семантике отрицания в русском языке, неудивительно, что *нет* имеет такое огромное количество дискурсивных употреблений.

Здесь необходимо уточнение. В некотором смысле любое употребление *нет* можно назвать дискурсивным, поскольку оно выражает реакцию говорящего на какое-то событие, вербальное и невербальное. Однако здесь мы говорим о дискурсивных употреблении в более узком смысле — как о прагматических маркерах.

3. Дискурсивные употребления *нет*

Слова *нет* и *да* в разных языках имеют специфические употребления, которые описываются в словарях. Слово *да* наиболее подробно описано в «Активном словаре русского языка» [АС, III] (статья написана Е. В. Урысон). Кроме того, дискурсивные употребления слов *да* и *нет* отражены в «Толковом словаре русской разговорной речи» [ТСРРР, I, II].

У *yes* в разных английских словарях выделяются употребления в качестве прагматических маркеров: разные типы поддакивания (— *It was a beautiful day. — It was nice, yes* [COBUILD]), ввод обращения / маркер начала общения (*Yes, sir. How can I help you?* [Macmillan]), вежливый способ ввести реплику, содержащую несогласие с собеседником (— *It's a waste of time. — Yes but there is still some point in going...* [COBUILD]), хезитация и пр. У *no* есть похожие на русское *нет* употребления. Так, с него можно начать высказывание, чтобы показать свою вовлеченность в диалог и подчеркнуть свое согласие с репликой

⁹ В подобных контекстах по-русски несколько затруднены даже такие слова как *конечно* и *разумеется*: — *Он не придет!* — **Конечно <разумеется> придет!*

собеседника, содержащей отрицание (— *It's not difficult, you see. — No, it must be quite easy when you know how* [COBUILD]). *No* используется также для самокоррекции, введения в диалог новой темы или для выражения сильного удивления (— *He drank five pints of beer in an hour. — No! Really?* [Macmillan]).

Немецкое *ja* как дискурсивная частица (как и русское *да*) сильно разошлось с *ja*, образующим подтверждающую реплику, они стали практически омонимами [Добровольский, Левонтина 2010]; ср.: *Das glaubst du ja selbst nicht!* — *Да ты и сам в это не веришь!* А у *net* и *nein* связь между дискурсивными и недискурсивными значениями очень отчетлива. В обоих языках дискурсивные употребления чрезвычайно частотны и разнообразны. Слово *ja* употребляется, например, как указание на нечто известное слушающему в момент речи, при эмфатическом возражении, при дополнительных запросах подтверждения и пр. Ср. также значения *ja*, близкие к семантике русских частиц *ведь, же, и правда, вправду* (*es schneit ja — и правда, снег*). Дискурсивное *nein* употребляется в функции ввода уточнения, самокоррекции, в начале реплики, выражающей удивление и в таких устойчивых словосочетаниях как *nein doch!* — *что ты!; nein, so was!* — *ну и ну!, вот это да!* Ср. соответствующие словарные статьи в [НБНС] и [Добровольский (ред.), в печати].

Отдельно стоит упомянуть финальные употребления *да* и *нет*. Ср. *Ты чего дурак, да?*, *Он уже приехал, нет?* В разных языках в этой позиции употребляются разные единицы, ср., например, немецкое *Bist du blöd, nicht?*, *Ist er schon da, oder?*; по-английски наиболее стандартно в подобных контекстах употребляются тэги типа *isn't he?* См. об этом подробнее [Левонтина 2000; Добрушина 2003].

В этой статье мы в первую очередь рассматриваем дискурсивные употребления русского *нет* в сопоставлении с немецким и английским языками. Материалом служат примеры из НКРЯ, как из основного подкорпуса, так и из параллельных корпусов, где слово *нет* появляется в тексте оригинала или в тексте перевода (причем нередко «стимулом» оказывается совсем другое слово). Особенность русского *нет* в том, что оно совершенно свободно взаимодействует с различными частями высказывания, обращается к импликатурам, иллюкутивным целям, установкам и т. п.

В результате семантического анализа расхождений в употреблении *нет, nein, no* удалось установить, что такие расхождения системно возникают во вполне определенных типах контекстов. У русского *нет* выделяются следующие круги дискурсивных употреблений: несогласие с ходом рассуждений собеседника; реакция на импликатуру, отрицание реальности, неготовность принять происходящее; уточнение, автокоррекция и самокомментарий; настаивание во внутреннем монологе, отметание сомнений; спор во внутреннем диалоге; заход на второй круг с повышением градуса; усиление иллюкутивного эффекта; энергичное согласие, перехват инициативы.

3.1. Несогласие с ходом рассуждений собеседника

Нет может относиться ко всему смыслу предшествующего фрагмента в целом. Имеются в виду употребления типа — *Да какое мне дело до его проблем! Он сам в них виноват. — Нет, нельзя быть таким жестоким.* Здесь *нет* не опровергает никакое из утверждений, оно служит исключительно передаче общей полемической установки. Ср. следующий пример, в котором речь идет о ценностных установках и участники диалога демонстрируют различия в степени критичности:

- (10) — Двадцать пять лет мужику, а все с пацанами запруды на речке ставит... — Ну, и что? — Безобидный он. И все же, действительно сирота, — тихо сказал Климов. — Да что вы такое говорите, Климов? — сказал я с искренним недоумением. Климов

как-то испуганно, торопливо стал объяснять: — **Нет, я что?** Я — ничего... Конечно, они, пьяницы, это самое, родимые пятна... значит. Позор... [Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер. Я, следовательно... (1968)].

Рассмотрим также пример из немецко-русского корпуса.

- (11) „Klar“, schreit Georg zurück. „Das, was man nicht kriegt, scheint immer besser als das, was man hat. Darin liegt die Romantik und die Idiotie des menschlichen Lebens. Prost Riesenfeld!“ „*Ich meine es nicht so roh*“, heult Riesenfeld gegen den Foxtrott. [Erich Maria Remarque. Der schwarze Obelisk (1956)]. — Ясно, — отвечает Георг. — То, чего не можешь заполучить, всегда кажется лучше того, что имеешь. В этом и состоит романтика и идиотизм человеческой жизни. Ваше здоровье, Ризенфельд. — **Нет, я не рассуждаю так грубо**, — орет Ризенфельд, стараясь перекрыть фокстрот. [Эрих Мария Ремарк. Черный обелиск (В. Станевич, 1961)].

Отметим, что в немецком оригинале нет слова *nein*, однако переводчица почувствовала необходимость вставить *нет*. В принципе, слово *нет* здесь не обязательно. Реплика *Я не рассуждаю так грубо* была бы вполне допустима. Однако *нет* здесь напрашивается, оно придает большую связность диалогу, оспаривая само направление мыслей собеседника.

Это свойство русского *нет* ярко проявляется в конфликтном диалоге (о понятии конфликтного диалога см. [Зализняк 2004]). Ср. замечательный пример такого диалога из «Мертвых душ»:

- (12) — Я тебя ни за кого не почитаю, но только играть с этих пор никогда не буду. — **Нет**, ты не можешь отказаться, — говорил Ноздрев, горячась, — игра начата! — Я имею право отказаться, потому что ты не так играешь, как прилично честному человеку. — **Нет**, врешь, ты этого не можешь сказать! — **Нет**, брат, сам ты врешь! — Я не плутовал, а ты отказываться не можешь, ты должен кончить партию! [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1835–1852)]. — “I am not supposing you capable of anything, all that I say is that I will not play with you any more”. “**But** you can’t refuse to,” said Nozdrev”, growing heated, “you see, the game has begun”. “Nevertheless, I have a right not to continue it, seeing that you are not playing as an honest man should do”. “You are lying — you cannot truthfully say that”. “Tis you who are lying”. “But I have NOT cheated, consequently you cannot refuse to play, but must continue the game to a finish”. [Nikolay Gogol. Dead Souls (C. J. Hogarth, 1931)]. „Ich halte dich für gar nichts, aber von jetzt an werde ich niemals mehr spielen.“ „**Nein**, du kannst nicht mehr zurücktreten“, sagte Nosdrjow und geriet in Hitze, „das Spiel ist begonnen!“ „Ich habe das Recht zurückzutreten, weil du nicht so spielst, wie es sich für einen ehrlichen Menschen gehört.“ „**Nein**, du lügst, das darfst du nicht sagen!“ „**Nein**, Bruder, du lügst selbst!“ „Ich habe nicht betrogen, und du kannst nicht zurücktreten, du mußt die Partie zu Ende spielen!“ [Nicolaj Gogol. Die toten Seelen (Michael Pfeiffer, 1978)].

Употребление немецкого *nein* здесь совершенно аналогично русскому *нет*, зато в английском как соответствие дискурсивного *нет* используется *but*, а чаще оно никак не переводится (**Нет, врешь, ты этого не можешь сказать!** — *You are lying — you cannot truthfully say that; Нет, брат, сам ты врешь!* — *Tis you who are lying*).

3.2. Реакция на импликацию

Во многих примерах *нет* реагирует не на само высказывание собеседника, а на импликацию этого высказывания:

- (13) Вот вы говорите: ничего не боится. А может быть, он тоже боится где-то глубоко внутри, но не позволяет себе — понимаете? Я как-то глупо говорю, не умею выразить. — **Нет-нет, говорите.** [И. Грекова. На испытаниях (1967)].

Первый собеседник сомневается в понятности своей речи, а второй собеседник начинает с *нет-нет*, которым он не хочет сказать, что речь понятна, а оспаривает импликацию: раз речь непонятна, то не стоит и говорить¹⁰.

- (14) — Это у тебя приятное тело. — Что, что? — Ты же слышала... — **Нет, повтори.** Выжать из молчуна такой комплиментище — да после этого не страшно всю жизнь числиться в дурнушках! [Владимир Маканин. Отдушина (1977)].

В этом примере *нет* не означает «нет, не слышала», а отрицает импликацию: уже услышанное не нужно повторять.

В рамках этого типа выделяется круг контекстов, в которых говорящий, опасаясь, что слушающий может вывести из сказанного им нежелательную импликацию, заранее пытается предотвратить это. В следующем примере Чичиков, не желая, чтобы Собакевич заподозрил его в чрезмерном интересе к Плюшкину, понижает значимость только что заданного им вопроса о дороге к Плюшкину.

- (15) — Я вам даже не советую дороги знать к этой собаке! — сказал Собакевич. — Извинительней сходить в какое-нибудь непристойное место, чем к нему. — **Нет**, я спросил не для каких-либо, а потому только, что интересуюсь познанием всякого рода мест, — отвечал на это Чичиков. [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1835–1852)]. “I should be sorry to tell you the way to the house of such a cur!” said Sobakevitch. “A man had far better go to hell than to Plushkin’s”. “**Quite so**,” responded Chichikov, “my only reason for asking you is that it interests me to become acquainted with any and every sort of locality”. [Nikolay Gogol. Dead Souls (C. J. Hogarth, 1931)]. „Ich würde Ihnen raten, nicht einmal den Weg zu diesem Hund zu kennen!“ sagte Sobakewitsch. „Es ist verzeihlicher, irgendeinen unanständigen Ort aufzusuchen als ihn.“ „**Nein**, ich habe nicht aus einer bestimmten Absicht heraus gefragt, sondern nur, weil ich mich für Orte jeglicher Art interessiere“, antwortete Tschitschikow darauf. [Nicolaj Gogol. Die toten Seelen (Michael Pfeiffer, 1978)].

Необходимо отметить, что в немецком переводе на месте *нет* появляется *nein*, а в английском — единица с противоположным значением *quite so*.

В следующем примере говорящий эксплицитно исключает появление нежелательной импликации.

- (16) Und wenn auch diese Ratschläge an und für sich nicht entscheidend sein sollten, so werden sie doch, meiner Meinung nach, in Ihrem Besitz von großer Bedeutung sein. Sie sind ja fast ein Advokat. Ich pflege immer zu sagen: Prokurist K. ist fast ein Advokat. **Oh, ich habe keine Sorgen wegen Ihres Prozesses.** Wollen Sie nun aber zu Titorelli gehen? [Franz Kafka. Der Prozess (1914)]. — И если даже эти советы сами по себе ничего не значат, то вам, по моему мнению, они могут очень и очень пригодиться. Ведь вы сами почти адвокат. Я всегда говорю: «Прокурис К. почти что адвокат». **Нет**, за исход вашего процесса я совершенно не беспокоюсь. И все-таки не зайдете ли вы к Титорелли? [Франц Кафка. Процесс (П. Райт-Ковалева, 1965)]. — And even if this advice doesn’t turn out to make all the difference I still think it’ll be very important once you’ve got it. You’re nearly a lawyer yourself. That’s what I always say, Mr. K. the chief clerk is nearly a lawyer. **Oh I’m sure this trial of yours will turn out all right.** So do you want to go and see Titorelli, then? (Translated by David Wyllie).

¹⁰ Об особенностях дублетной формы *нет-нет* см. подробнее [Баранов, Добровольский 2019].

Этот пример интересен тем, что в немецком оригинале *nein* отсутствует, а в русском переводе появляется *нет*. Это говорит о том, что в русском в такой ситуации запрашивается *нет*.

Говорящий в процессе убеждения отступает на шаг, боясь, что его предшествующая реплика может травмировать собеседника (сначала предлагает взять адвоката, потом говорит, что не беспокоится за исход дела, а потом снова предлагает взять адвоката). Вторая часть вводится при помощи *oh / нет*, а третья при помощи *nun aber / все-таки*. В русском переводе вопрос *И все-таки не зайдете ли вы к Титорелли?* содержит отрицание, что указывает на низкую вероятность ожидаемого положительного ответа и тем самым не навязывает предлагаемое решение. В целом в русском переводе эксплицировано то, что не так явно выражено в немецком оригинале, а в английском переводе эти смыслы стерты: переводчик не считает существенным противоречие между тремя частями фрагмента (предложение пойти к адвокату, выражение уверенности в положительном исходе дела и без адвоката и новое предложение пойти к адвокату).

3.3. Отрицание реальности, неготовность принять происходящее

Особенно хорошо этот тип употреблений дискурсивного *нет* виден в рамках монолога, в том числе во внутренней речи, когда говорящий переживает так называемый когнитивный диссонанс:

- (17) (Облокотился на стол, закрыл глаза.) **Нет**, я не могу больше, у меня ноги от ужаса отнимаются... Дожить до седых волос, пройти с человеком рука об руку долгий жизненный путь и вдруг... узнать... (Схватился за голову, зашагал по комнате, остановился.) **Нет, скажите**, что же это?! Что же мне делать?! Ведь я... ведь я даже забыл... честное слово, я забыл, что в таких случаях полагается делать. [А. И. Пантелеев. Анечка (1942)].

Очевидно, что здесь говорящий ни с кем не спорит. Он просто отказывается принять существующее положение дел. В следующем примере дискурсивное *нет* этого типа употребляется в диалоге:

- (18) Леша сказал: «Ну и мудака же ты, Ленья». — «Почему, я же телевизор починил». — «**Нет, ты что**, разыгрываешь меня?» — «Починил, и все. Ты же слышал?» — «А как?» — «А хрен его знает!» И мы стали хохотать. [Леонид Хейфец. Всполохи // «Октябрь», 2013].

Говорящий (Леша) не может поверить, что собеседник (Ленья) действительно починил телевизор. В следующем примере из параллельного корпуса такое *нет* переведено английским *no*¹¹, а в немецком переводе эквивалент отсутствует, хотя в принципе возможен.

- (19) — Фу ты черт, — неожиданно воскликнул мастер, — ведь это, подумать только, — он затушил окурки в пепельнице и сжал голову руками, — **нет, послушай**, ты же умный человек и сумасшедшей не была. Ты серьезно уверена в том, что мы вчера были у сатаны? [Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]. “Pah, the devil!” exclaimed the master unexpectedly. “But, just think, it’s...” he put out his cigarette butt in the ashtray and pressed his head with his hands. “**No, listen**, you’re an intelligent person and have never been crazy... are you seriously convinced that we were at Satan’s yesterday?” [Mikhail Bulgakov. Master and Margarita (Richard Pevear, Larissa Volokhonsky, 1979)]. „Teufel noch eins!“ rief der Meister plötzlich aus. „Wenn man bedenkt, das war

¹¹ Этот перевод вообще отличается стремлением к максимальной дословности.

doch wirklich...“ Er drückte den Stummel im Aschbecher aus und preßte den Kopf in den Händen. „**Höre**, du bist doch eine kluge Frau und warst nie verrückt... Bist du ernsthaft überzeugt, daß wir gestern beim Satan waren?“ [Michail Bulgakow. Der Meister und Margarita (Thomas Reschke, 1968)].

3.4. Уточнение, автокоррекция и самокомментарий

Автокоррекция в чистом виде (*я приеду в пятницу, нет, в субботу*) максимально близка к обычному отрицанию, поскольку говорящий отменяет только что сказанное и утверждает нечто другое (*не в пятницу, а в субботу*). Мы рассмотрим более сложные случаи, когда говорящий не отрицает только что сказанное, но тем не менее использует слово *нет*, чтобы ввести уточнение. Для этого типа употреблений характерно, в частности, сочетание *нет, конечно*. Рассмотрим несколько примеров.

- (20) К себе Дима относился строго. **Нет, конечно**, умея восхищаться многим в окружающем мире, он, случалось, восхищался и собой. [Алексей Слаповский. Гибель гитариста (1994–1995)].

То, что Дима иногда восхищался собой, не отменяет того, что он относился к себе строго.

- (21) Это добро: латунь, медь и бронза — валялось повсюду. **Нет, конечно**, не на открытых местах. Не обязательно на улице или в сквере. [Ефим Гаммер. Звезды в земле // «Ковчег», 2013].

То, что не на открытых пространствах, не отменяет того, что повсюду, а только уточняет расположение объектов. В следующем примере *нет* вводит «дисclaimer», оговорку к высказыванию, которое говорящий еще только собирается сделать:

- (22) **Нет, конечно**, я вас люблю и надеюсь, что мы останемся друзьями, но в дальнейшем вы избавите меня от своих благоразумных советов! [Ирина Васюченко. Хромые на склоне // «Ковчег», 2014].

Такое употребление *нет* бывает трудно для перевода. В следующем примере слово *нет* не переведено. В порядке компенсации часть фрагмента *das ist noch nicht das Wort* (= *мало сказать*) снабжена усилительной частицей *doch*:

- (23) Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности. *Мало сказать: он служил ревностно, — нет, он служил с любовью.* [Н. В. Гоголь. Шинель (1842)]. *Es wäre wohl schwer gewesen, einen Menschen zu finden, der mehr in seinem Berufe lebte. Akaki Akakiewitsch diente mit Eifer, doch das ist noch nicht das Wort: er diente mit Liebe.* [Nicolaj Gogol. Der Mantel (Rudolf Kassner, 1912)].

Замечателен пример (24). В английском переводе эквивалентом *нет* выступает *well*. Это дополнительно подтверждает, что слово *нет* употреблено здесь в функции автокоррекции. Английское *well* часто вводит уточнение: *My job is to make arms and legs — well it's not completely true*.

- (24) Митюшин и Гнушке бросились к нему, заговорили, перебивая друг друга: «Ну и повезло тебе, Антон Петрович! Представь себе, — *господин Берг тоже струсил. Нет, не тоже струсил, а просто: струсил.* Пока мы ждали тебя в трактире, вошли его секунданты, сообщили, что Берг передумал». [В. В. Набоков. Подлец (1927)]. — *Mityushin and Gnushke rush to him and begin to talk, interrupting each other. “You lucky fellow! Just imagine Mr. Berg also lost his nerve. Well, not also, but lost his nerve anyhow. While we were waiting for you at the tavern, his seconds came in and announced that Berg*

had changed his mind". [Vladimir Nabokov. An affair of honor (Dmitri Nabokov, Vladimir Nabokov, 1966)].

Поняв, что высказывание с *тоже* может оказаться обидным для собеседника, поскольку подразумевает, что он струсил, говорящий тут же исправляется и повторяет эту фразу без *тоже*.

Есть и случаи, когда не предполагается никакое исправление сказанного ранее, а говорящий оценивает содержание своего высказывания:

- (25) Und für wen führe ich diesen schweren Kampf? Für — *es ist fast lächerlich, es auszusprechen* — für Block. [Franz Kafka. Der Prozess (1914)]. Вот ради кого я веду эту трудную борьбу! Ради — *нет, просто смешно сказать* — ради Блока! [Франц Кафка. Процесс (Р. Райт-Ковалева, 1965)].

3.5. Настаивание во внутреннем монологе. Отметание сомнений

В этом типе употреблений *нет* связь с отрицанием намного меньше, чем в 3.4. *Нет*, используемое в функции настаивания, в некоторых контекстах можно заменить на *да*. Внутри этого типа можно выделить два близких варианта: либо говорящий колеблется (26), спорит сам с собой, либо он получает лишнее подтверждение своей правоты (27).

- (26) Стоп! Ты так уверен, что одна? Он вскочил, сел на диван и стал быстро листать книжку. *Нет, конечно*, все-таки, конечно, одна. Иначе она сказала бы, Кларе, например, обязательно бы сказала. А, впрочем, с нее все станется. Может быть, и не одна. [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978)].

Если бы *нет* в этом контексте понималось как опровержение, текст стал бы бессвязным: — Ты уверен, что она одна. — *Нет, конечно, одна*. Здесь же это не опровержение, а отметание сомнений, которые, впрочем, в последующем фрагменте вновь появляются. В следующем же примере никаких сомнений у говорящего нет, а он находит все новые подтверждения своей версии:

- (27) Про себя же подивился происшедшему. Хороша случайность, чтобы именно на этой лесной дороге пересеклись пути двух человек, расставшихся полвека назад! А если прибавить сюда же встречу с няней, то никакая теория вероятностей не справится. *Нет, извините*, тут не иначе как вмешалась чертовщина. [Даниил Гранин. Зубр (1987)].

Когда один и тот же русский текст имеется в нескольких переводах, хорошо видно, насколько этот тип *нет* близок к *да*. Рассмотрим фрагмент из «Идиота» Достоевского и его переводы на немецкий и английский языки (из корпусов AAC (Austrian Academy Corpus) и НКРЯ). Мы взяли четыре немецких перевода (вообще «Идиот» переводился на немецкий с учетом фрагментов 22 раза). Это самый первый полный перевод Э. К. Разин (псевдоним Лесс (Элизабет) Керрик), и еще три известных перевода разных лет: Х. Рёля, Х. Хербота и наиболее точный перевод С. Гайер. Мы рассмотрели также английский перевод Э. Мартин.

1. *Нет*, Рогожин на себя клеветает; у него огромное сердце, которое может и страдать и сострадать. [Ф. М. Достоевский. Идиот (1868–1869)].
2. *Ja*. Rogoschin verleumdet sich selbst; er hat ein großes Herz, das zu leiden und mitzuleiden vermag. (пер.: С. Гайер, 1995).
3. *Doch* Rogoschin verleumdete sich selbst; er hatte ein weites Herz, das sowohl leiden als auch mitleiden konnte. (пер.: Х. Хербот, 1986).

4. *Nein*, Rogoshin verleumdet sich selbst: er hat ein großes, ein so großes Herz, ein Herz, das Leid und auch Mitleid zu empfinden versteht. (пер.: Э. К. Разин).
5. *Nein*, Rogoschin verleumdet sich selbst; er hat ein großes Herz, das leiden und Mitleid empfinden kann. (пер.: Х. Рёль, 1920).

Эта реплика соотносится с предшествующим фрагментом, который находится в тексте достаточно далеко: *Он говорит, что любит ее не так, что в нем нет сострадания, нет «никакой такой жалости». Правда, он прибавил потом, что «твоя жалость, может быть, еще пуще моей любви», — но он на себя клеветает.* В нашем примере Мышкин еще раз повторяет, что Рогожин на себя клеветает, но начинает это подтверждающее высказывание с *нет*. Здесь *нет* одновременно отрицает предположение Рогожина о самом себе и предваряет более уверенный повтор. Естественно поэтому, что переводчики выбирают разные варианты в соответствии с разными аспектами значения *нет*. Вариант *ja* содержит подтверждение того, что клеветает, вариант с *nein* — несогласие с самооценкой Рогожина, а вариант *doch* отвергает тот факт, что в Рогожине нет сострадания.

К этому стоит добавить, что в английском переводе Эвы Мартин русскому *нет* соответствует *yes*, причем оформленное как отдельное высказывание.

6. *Yes*. Rogojin is not fair to himself; he has a large heart; he has aptitude for sympathy. [Fedor Dostoevsky. The Idiot (Eva Martin, 1915)].

В следующем примере Чичиков, размышляя, как подступиться к Собакевичу, в диалоге с ним получает лишнее подтверждение его плохих отношений с властями города:

- (28) — И лицо разбойниче! — сказал Собакевич. — Дайте ему только нож да выпустите его на большую дорогу — зарежет, за копейку зарежет! Он да еще вице-губернатор — это Гога и Магога! — *Нем*, он с ними не в ладах, — подумал про себя Чичиков. [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1835–1852)]. “He has the face of a robber”! said Sobakevitch. “Were you to give him a knife, and to turn him loose on a turnpike, he would cut your throat for two kopecks. And the same with the Vice-Governor, the pair are just Gog and Magog”. “*Evidently* he is not on good terms with them,” thought Chichikov to himself [Nikolay Gogol. Dead Souls (C. J. Hogarth, 1931)]. „Er hat auch das Gesicht eines Räubers!“ sagte Sobakewitsch. „Geben Sie ihm nur ein Messer und stellen Sie ihn an der Poststraße auf, und er wird Ihnen den Hals abschneiden, wegen einer einzigen Kopeke den Hals abschneiden! Er und der Vizegouverneur, das sind Gog und Magog!“ *Nein*, er steht sich nicht gut mit ihnen, dachte Tschitschikow bei sich. [Nicolaj Gogol. Die toten Seelen (Michael Pfeiffer, 1978)].

Немецкий перевод передает *нет* буквально, тогда как английский использует на этом месте слово со значением ‘очевидно’, что вполне соответствует идее отметания сомнений.

Особый случай отметания сомнений представлен в примерах типа *Нет, я все-таки скажу*, где только само *нет* и указывает на то, что реплике предшествовали сомнения.

- (29) Письмо начиналось *очень решительно*, именно так: «*Нем*, я должна к тебе писать»! Потом говорено было о том, что есть тайное сочувствие между душами. [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1835–1852)]. Beginning *abruptly* with the words “*I MUST write to you*”! The letter went on to say that between a certain pair of souls there existed a bond of sympathy. [Nikolay Gogol. Dead Souls (D. J. Hogarth, 1931)]. Der Brief fing *sehr entschneiden* an, und zwar folgendermaßen: „*Nein*, ich muß Dir schreiben!“ Dann war die Rede davon, daß es eine geheime Sympathie der Seelen gebe. [Nicolaj Gogol. Die toten Seelen (Michael Pfeiffer, 1978)].

Для письма это весьма неконвенциональное начало, однако лирические стихотворения часто начинаются именно с такого *нет*: *Нем, я не дорожу мятёжным наслажденьем; Нем, я не Байрон, я другой...; Нем, не тебя так пылко я люблю.*

В подобных случаях *нет* указывает на некий левый контекст, которого нет эксплицитно. Для лирической поэзии, которой свойственна суггестивность, это очень естественно: минимальными средствами создается картина душевных терзаний.

3.6. Спор во внутреннем диалоге

Внутренний монолог часто переходит во внутренний диалог, когда человек уже спорит не сам с собой, а с воображаемым оппонентом, которому адресуется слово *нет*. В [ТСРРР] приводится такой пример: «Она получает 50 000 + отец отдает алименты, **нет**, ей всё мало и мало (Блоги, 2012)». Это значение толкуется как «однако ж, при всем том». Как кажется, идея здесь другая. Говорящий как бы выстраивает внутренний диалог, где сам он приводит разумные аргументы, на которые сам себе возражает от имени «неразумного» оппонента. Синонимами *нет* выступают здесь *так нет* и *так нет же*.

- (30) Неугомонен и черт проклятый: носил бы уже свитку без одного рукава; **так нет**, нужно же добрым людям не давать покою. [Н. В. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки (1831–1832)]. Auch dieser verdammte Teufel ist mir zu unruhig: er könnte doch wirklich den Kittel ohne einen Ärmel tragen: **aber** er muß den Leuten keine Ruhe gönnen. [Nikolaj Gogol. Abende auf dem Vorwerke bei Dikanjka und andere Erzählungen (Alexander Eliasberg, 1921)].
- (31) Юля — великолепная волшебница-аналитик (...). Но кумир ее — Тигренок, волшебница-оборотень, боевой маг. Нет бы ей подражать доброй старушке Полине Васильевне (...). **Нет**, кумиром стала Тигренок. [Сергей Лукьяненко. Ночной дозор (1998)]. Julia ist eine vorzügliche Analytikerin (...). Aber ihr Idol ist Tigerjunges, die Tierfrau, die Kampfmagierin. Weder eifert sie der guten alten Polina Wassiljewna nach (...). **Nein**, sie wählt sich Tigerjunges zum Idol. [Sergej Lukianenko. Wächter der Nacht (Christiane Pöhlmann, 2005)].
- (32) Можно было зло на женах и мужьях вымещать — **так нет**, он детей выбирает. [Александра Маринина. Стечение обстоятельств (1993)]. Er hätte seine Wut auch an den Ehepartnern auslassen können, **aber nein**, er nimmt sich die Kinder vor. [Alexandra Marinina. Widrige Umstände (Ganna-Maria Braungardt, 2003)].
- (33) — Добро бы, еще сказать, пьян; **так нет же**, не пьян. Ей-богу, не пьян! [Н. В. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки (1831–1832)]. — Wenn ich wenigstens betrunken wäre; **aber** ich bin gar nicht betrunken, bei Gott, ich bin nicht betrunken! [Nikolaj Gogol. Abende auf dem Vorwerke bei Dikanjka und andere Erzählungen (Alexander Eliasberg, 1921)].

Немного иначе устроен следующий пример:

- (34) Из-за нее две дамы, большие приятельницы и даже родственницы, перессорились совершенно, именно за то, что одна из них как-то манкировала контрвизитом. И уж как ни старались потом мужья и родственники примирить их, **но нет**, оказалось, что все можно сделать на свете, одного только нельзя: примирить двух дам, поссорившихся за манкировку визита. [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1835–1852)]. So sacred that on one occasion two closely related ladies who had also been closely attached friends were known to fall out with one another over the mere fact of an omission to return a social call! Yes, in spite of the best efforts of husbands and kinsfolk to reconcile the antagonists, it became clear that, though all else in the world might conceivably be possible, never could the hatchet be buried between ladies who had quarrelled over a neglected visit. [Nikolay Gogol. Dead Souls (C. J. Hogarth, 1931)]. Wegen einer Visitenkarte hatten sich

einmal zwei Damen überworfen, die gute Freundinnen und sogar miteinander verwandt waren, und zwar, weil eine von ihnen der anderen keinen Gegenbesuch gemacht hatte. Und wie sehr sich dann auch die Männer und Verwandten darum bemühten, sie wieder miteinander auszusöhnen — nichts half, es zeigte sich, daß alles auf der Welt zu vollbringen ist, nur eines nicht: Zwei Damen miteinander auszusöhnen, die sich wegen eines ausgebliebenen Gegenbesuchs überworfen haben. [Nicolaj Gogol. Die toten Seelen (Michael Pfeiffer, 1978)].

Здесь рассказчик не участвовал в событиях, а комментирует их извне, как бы отчасти разыгрывая эпизод по ролям. В английском и немецком переводе это *no net* пропущено.

3.7. Заход на второй круг с повышением градуса

Этот тип представлен в часто встречающихся фразах *нет, правда; нет, ты представь себе* и т. п. От предыдущего этот круг употреблений отличается тем, что у говорящего и не было никаких сомнений и он не получает никаких дополнительных подтверждений своей правоты, а он просто «нагнетает». В [ТСРРР] этот тип употреблений описывается следующим образом: «Используется для усиления эмоциональности и подчеркивания важности предыдущего высказывания. *Вот дура! Нет, ну какая дура!* (Запись устной речи, 2014); — *Почему вокруг так серо?* — *вдруг спросил мальчик. Молодец. Нет, какой молодец* (С. Лукьяненко. Ночной дозор)».

Немецкое *nein* может употребляться в подобных контекстах совершенно аналогично:

- (35) „Habe ich es etwa nötig, kleine Kinder auszurauben?“ Und dann würden alle den Jungen ansehen und schreien: „Das ist doch der Gipfel! Verleumdet erwachsene Menschen! *Nein, die Jugend von heute ist doch zu frech!*“ [Erich Kästner. Emil und die Detektive (1929)]. «Неужели я похож на человека, который грабит маленьких детей?» И сразу собирается толпа, все уставятся на мальчика и будут возмущаться: «Дожили! Так клеветать на взрослых! *Нет, что ни говори, современная молодежь никуда не годится!*» [Эрих Кестнер. Эмиль и сыщики (Л. Лунгина, 1971)].

Ср. похожий английский пример, где отрицание отсутствует:

- (36) But imagine if a man each day should have to try to kill the sun? *We were born lucky*, he thought. [Ernest Hemingway. The Old Man and the Sea (1951)]. «Ну, а если человеку пришлось бы каждый день охотиться за солнцем? *Нет, что ни говори, нам еще повезло*», — подумал он. [Эрнест Хемингуэй. Старик и море (Е. Голышева, Б. Изаков, 1955)]¹².

Впрочем, в немецком языке тоже встречаются похожие примеры, в которых *nein* отсутствует в оригинале, но появляется в русском переводе:

- (37) Hören Sie, Kruse, das werde ich Ihrer Frau wiedererzählen. Ich habe Sie immer für einen anständigen Menschen gehalten, und nun sagen Sie so was wie das da von Kikeriki. *Die Mannsleute sind doch immer noch schlimmer, als man denkt.* [Theodor Fontane. Effi Briest (1894–1895)]. Знаете, Крузе, надо будет рассказать об этом вашей жене! А я-то считала вас серьезным человеком! А вы, оказывается, вон ведь какие шуточки откалываете, тоже еще сказали... «кукареку». *Нет, я вижу, мужики куда хуже, чем о них говорят.* [Теодор Фонтане. Эффи Брист (Ю. Светланов, Г. Эгерман, 1960)].

¹² О сложностях перевода русского выражения *что ни говори* на английский и немецкий языки см. [Добровольский, Шмелев 2018].

- (38) Ihr solltet mal hören, wie sie einen Ehestreit nachmacht. *Lotte ist fabelhaft!* [Erich Maria Remarque. Der schwarze Obelisk (1956)]. Вы бы послушали, как она изображает супружескую ссору! **Нет**, *Лотта* — это что-то легендарное. [Эрих Мария Ремарк. Черный обелиск (В. Станевич, 1961)].

В таких контекстах употребления *нет* связь с отрицанием просматривается очень слабо. Это подтверждается тем, что в ряде случаев отрицательное *нет* может быть заменено, например, уступительным *все-таки*. Ср. усилительное употребление немецкого *doch* в примере (37), допустимое также в (38).

Чрезвычайно важен следующий тип употреблений *нет*, в котором *нет* часто оказывается практически обязательным.

3.8. Усиление иллюкутивного эффекта

Показателен следующий пример. В нем говорящий видит, что его предыдущее высказывание не достигло коммуникативной цели и дублирует его, вводя повтор с помощью *нет* и *nein*. Этим он надеется усилить иллюкутивный эффект. Заметим, что в этом примере *нет* и *nein* прагматически почти обязательны (о понятии прагматической обязательности см. [Levontina, Shmelev 2005]).

- (39) Er sah mich mißtrauisch an, fast gekränkt, und ich sagte rasch: „**Nein wirklich**, Папа, großartig.“ [Heinrich Böll. Ansichten eines Clowns (1963)]. Он недоверчиво, почти с обидой, взглянул на меня, и я поспешно добавил: — **Нет, действительно**, папа, ты бесподобен. [Генрих Бёлль. Глазами клоуна (Л. Б. Черная, 1964)].

В еще большей степени русское *нет* обязательно как маркер повторного требования:

- (40) „*Kommen Sie mit*“, sagte K., „zeigen Sie mir den Weg, ich werde ihn verfehlen, *es sind hier so viele Wege*.“ „*Es ist der einzige Weg*“, sagte der Gerichtsdienner nun schon vorwurfsvoll, „ich kann nicht wieder mit Ihnen zurückgehen, ich muss doch meine Meldung vorbringen und habe schon viel Zeit durch Sie versäumt“. „*Kommen Sie mit!*“ wiederholte K. jetzt schärfer, als habe er endlich den Gerichtsdienner auf einer Unwahrheit ertappt. [Franz Kafka. Der Prozess (1914)]. — Пойдемте со мной, — сказал К., — покажите мне дорогу, не то я запутаюсь, здесь столько входов и выходов. — Нет, это единственный выход, — уже с упреком сказал служитель, — а вернуться с вами я не могу, мне еще надо передать поручение, я и так потерял с вами уйму времени. — **Нет пойдемте!** — уже резче сказал К., словно наконец уличил служителя во лжи. [Франц Кафка. Процесс (Р. Райт-Ковалева, 1965)].

По-русски важно показать, что говорящий услышал предыдущую реплику и на нее реагирует. Иначе нарушается связность диалога. Заметим, что в немецком оригинале *nein* отсутствует не только в последней реплике, но и в предшествующей реплике служителя *Es ist der einzige Weg* — **Нет**, это единственный выход.

Усиление иллюкутивного эффекта при помощи русского *нет* характерно и для вопроса:

- (41) “What a lovely country,” she said. “Isn’t it grand?” “Let’s go and have breakfast!” “*Isn’t it a grand country?*” [Ernest Hemingway. Farewell to Arms (1929)]. — Какая прекрасная страна, — сказала она. — Правда, замечательная? — Пойдем скорей завтракать. — **Нет, правда замечательная страна?** [Эрнест Хемингуэй. Прощай, оружие! (Е. Калашникова, 1936)].

В английском *no* отсутствует, а в русском переводе *нет* прагматически совершенно обязательно. Собеседник, не отвечая на вопрос, заговаривает о другом, но собеседница настаивает на ответе.

Здесь особенно интересно рассмотреть пример из Набокова:

- (42) — Я пришел к тебе, чтобы ты был моим секундантом, — начал Антон Петрович и смутно почувствовал, что в его словах есть безграмотность, но не был в силах это поправить. — Понимаю, — сказал Митюшин, косясь на шахматную доску, над которой нависла, шевеля пальцами, рука Гнушке. — **Нем, ты слушай меня**, — с тоской воскликнул Антон Петрович. — **Нем, ты слушай!** Не будем больше пить. [В. В. Набоков. Подлец (1927)].

В этом примере первое *нет* относится, разумеется, не к буквальному смыслу предшествующей реплики *понимаю*, а к недостаточно серьезному отношению собеседника к словам героя. Антон Петрович видит, что Митюшин его не слушает, а продолжает думать над шахматным ходом, и хочет все-таки донести до него всю драматичность ситуации. То есть *нет* — это реакция не на содержание реплики, а на поведение собеседника, на эмоциональное несовпадение. *Нем* повторяется еще раз в следующей реплике **Нем, ты слушай!**

Для этого рассказа есть и авторский перевод на английский:

- (43) “I want you to be my second,” began Anton Petrovich, and was dimly aware that the phrase sounded oddly truncated but could not correct that flaw. “Second what?” said Mityushin absently, glancing askance at the chessboard, over which Gnushke’s hand hung, its fingers wriggling. “**No, you listen to me**,” Anton Petrovich exclaimed with anguish in his voice. “**You just listen!** Let us not drink any more”. [Vladimir Nabokov. An affair of honor (Dmitri Nabokov, Vladimir Nabokov, 1966)].

В переводе автор стремится максимально сохранить истерический дискурс оригинала, и тут перед нами редкий случай, когда по-английски в подобном контексте используется *no*. Но в повторной реплике *no* отсутствует, а используется другой усилитель *just*. Заметим, что перевод вообще не буквальный. Где по-русски собеседник отвечает равнодушным *понимаю*, в английском переводе возникает языковая игра, которая показывает, что он как раз не понимает: — *I want you to be my second [секундант]*. — *Second what?*

3.9. Энергичное согласие, перехват инициативы

Особенно интересны примеры, где *нет* используется в речевом акте согласия и идея отрицания в нем отсутствует полностью. Нам не удалось обнаружить в корпусе примеров этого употребления, поскольку в письменном виде они выглядят абсурдно, хотя для русского устного дискурса очень типичны. В работе [Добровольский, Левонтина 2009] мы обсудили некоторое количество таких диалогов (они были записаны в реальном дискурсе и немного отредактированы без изменения функции *нет*) и проверили приемлемость использования *nein* в их переводах на немецкий. Носители языка сочли такое использование *nein* недопустимым:

- (44) — Давай напишем статью вместе! — **Нем**, я тоже уже об этом думал.
— Schreiben wir einen Artikel zusammen! — ***Nein**, ich habe auch dran gedacht.
- (45) — Поедем лучше на машине! — **Нем**, да, это намного дешевле.
— Fahren wir lieber mit dem Auto! — ***Nein**, ja, das ist viel billiger.
- (46) — Мне нужно обязательно поесть. Я ведь только вечером окажусь дома.
— **Нем**, правда. В поезде нормально не поешь.
— Ich muss unbedingt was essen. Denn ich komme erst am Abend nach Hause.
— ***Nein**, stimmt. Im Zug kriegt man nichts Vernünftiges.

- (47) — Мы должны позвонить Пете. — *Hem*, правильно. А то он опоздает.
— Wir müssen noch Peter anrufen. — **Nein*, richtig. Sonst kommt er zu spät.
- (48) — Он правильно поступил. — *Hem*, точно. Он молодец.
— Er hat richtig gehandelt. — **Nein*, sicher. Gut gemacht.

Наши информанты — носители немецкого языка в некоторых случаях вообще не понимали, что имеется в виду.

Парадоксальным образом русское отрицание *нет* в диалоге часто используется для выражения энергичного согласия с собеседником. Это можно связать с тем, что человек настолько согласен с собеседником, что торопится перебить его, перехватить инициативу и высказаться. Отрицание, таким образом, в русском непринужденном дискурсе может служить сигналом turn-taking.

Заключение

Мы рассмотрели функционирование русского слова *нет* на фоне других языков. Были обнаружены важные особенности семантики и прагматики изучаемого слова. В основном мы сосредоточились на дискурсивных употреблениях русского *нет* и их соответствиях в английском и немецком языках. Интересно, что особенности дискурсивных употреблений во многом определяются тонкой семантикой самых центральных употреблений русских слов *да* и *нет* и их аналогов в других языках. Такие слова в своих базовых употреблениях выражают два основных вида реакции на реплику собеседника: реакция может быть «фактологической» (говорящий подтверждает или не подтверждает факт) или она может быть «оценочной» (говорящий выражает солидарность или отсутствие солидарности с собеседником). Уже в самых прямых употреблениях *да* и *нет* проявляется особое свойство русского диалога: для говорящего важнее соотнести свою позицию с позицией собеседника, чем с истинным положением дел. К этому свойству восходит все богатство дискурсивных употреблений, представленных у слова *нет*.

Нам удалось классифицировать дискурсивные употребления *нет* и установить, каким из них находятся соответствия в английском и немецком языках, а какие просто опускаются при переводе. Было выделено девять основных типов:

- отрицание реальности (раздел 3.1, немецкое *nein* способно использоваться сходным образом, в английском же русскому *нет* соответствует скорее *but*);
- реакция на импликатуру (раздел 3.2, в немецком такое тоже возможно, хотя для русского более характерно, а в английском такое употребление затруднено);
- отрицание реальности (раздел 3.3, в английском и немецком такое тоже возможно, хотя и менее типично);
- уточнение, автокоррекция и самокомментарий (раздел 3.4, в немецком такое употребление *нет* чаще всего оставляется без перевода, в английском обычно переводится словом *well*);
- настаивание во внутреннем монологе (раздел 3.5, на немецкий это переводится многообразно: *ja*, *nein*, *doch*, а на английский — словом *yes* или различными усилительными единицами);
- спор во внутреннем диалоге (раздел 3.6, в английском и немецком такое *нет* обычно опускается при переводе, хотя в немецком на этом месте иногда используется *nein* или *aber*);
- заход на второй круг с повышением градуса (раздел 3.7, такое *нет* очень далеко отходит от идеи отрицания, в переводах на немецкий ему может соответствовать *nein* или *doch*, чаще же в немецком, как и в английском, оно при переводе опускается);

- усиление иллюкутивного эффекта (раздел 3.8, здесь *нет* также слабо связано с идеей отрицания и при переводах легко опускается, хотя немецкое *nein* также способно употребляться аналогичным образом);
- энергичное согласие, перехват инициативы (раздел 3.9, это наиболее специфичный тип употребления русского *нет*, часто встречающийся в устном дискурсе; в английском и немецком такое не фиксируется).

Итак, как мы видим, немецкое *nein* во многих случаях ведет себя похоже на русское *нет*, английское же *no* с точки зрения дискурсивных употреблений гораздо дальше от русского *нет*. Конечно, для получения более полной картины необходимо аналогичным образом исследовать и дискурсивные употребления *да* и его переводных эквивалентов, однако это дело будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- АС, III — *Активный словарь русского языка*. Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. Т. 3. М.: Нестор-История, 2017. [*Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [Active dictionary of Russian]. Under general guidance of Yu. D. Апресян. Vol. 3. Moscow: Nestor-Istoriya, 2017.]
- Баранов, Добровольский 2019 — Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Идиоматичность дублетных форм. *Вопросы языкознания*, 2019, 6: 51–67. [Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. Idiomatichnost' of reduplicated forms. *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 6: 51–67.]
- Гришина 2011 — Гришина Е. А. Да в русском устном диалоге. [Grishina E. A. *Da* 'yes' in dialogue in spoken Russian.] *Russian Linguistics*, 2011, 35(2): 169–207.
- Добровольский (ред.), в печати — Добровольский Д. О. (ред.). *Немецко-русский словарь актуальной лексики*. М.: Азбуковник, в печати. [Dobrovol'skij D. O. (ed.). *Nemetsko-russkii slovar' aktual'noi leksiki* [German-Russian dictionary: Present-day lexis]. Moscow: Azbukovnik, in press.]
- Добровольский, Левонтина 2009 — Добровольский Д. О., Левонтина И. Б. 500 способов сказать «нет» (русско-немецкие соответствия). *Логический анализ языка. Ассерция и негация*. Арутюнова Н. Д. (отв. ред.). М.: Индрик, 2009, 400–410. [Dobrovol'skij D. O. 500 ways to say 'no': Russian–German correspondences. *Logicheskii analiz yazyka. Assertsiya i negatsiya*. Arutyunova N. D. (ed.). Moscow: Indrik, 2009, 400–410.]
- Добровольский, Левонтина 2010 — Добровольский Д. О., Левонтина И. Б. Диалогические частицы: русско-немецкие соответствия. *Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах*. Арутюнова Н. Д. (отв. ред.). М.: Индрик, 2010, 93–103. [Dobrovol'skij D. O., Levontina I. B. Dialogical particles: Russian–German correspondences. *Logicheskii analiz yazyka. Mono-, dia-, polilog v raznykh yazykakh i kul'turakh*. Arutyunova N. D. (ed.). Moscow: Indrik, 2010, 93–103.]
- Добровольский, Шмелев 2018 — Добровольский Д. О., Шмелев А. Д. Русские лингвоспецифичные единицы, работа с ними при разных стратегиях перевода и русская конструкция *что ни говори*. *Вопросы языкознания*, 2018, 5: 34–48. [Dobrovol'skij D. O., Shmelev A. D. Russian language-specific items and their correlates in translation: The case of *chto ni govori* 'say what you will'. *Voprosy Jazykoznanija*, 2018, 5: 34–48.]
- Добрушина 2003 — Добрушина Е. Р. Что значит *нет*? Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. Киселёва К. Л., Пайяр Д. (сост.). М.: Азбуковник, 2003, 146–193. [Dobrushina E. R. What does *net* 'no' mean? *Diskursivnye slova russkogo yazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo*. Kiseleva K. L., Paillard D. (comps.). Moscow: Azbukovnik, 2003, 146–193.]
- Добрушина 2014 — Добрушина Е. Р. Что значит слово *нет*? Корпусные исследования по морфемной, грамматической, лексической семантике русского языка. Добрушина Е. Р. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2014, 142–198. [Dobrushina E. R. What does the word *net* 'no' mean? *Korpusnye issledovaniya po morfemnoi, grammaticheskoi, leksicheskoi semantike russkogo yazyka*. Dobrushina E. R. Moscow: St. Tikhon's Orthodox Univ. of Humanities, 2014, 142–198.]
- Зализняк 2004 — Зализняк Анна А. Реконструкция «истинного смысла» реплик в конфликтном диалоге: постановка проблемы. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам Международной конференции Диалог'2004*. М.: РГГУ, 2004, 205–210. [Zalizniak Anna A.

- Reconstructing the ‘true sense’ of utterances in a conflict dialogue: Problem statement. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the International Conf. “Dialogue 2004”*. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2004, 205–210.]
- Земская 1973 — Земская Е. А. (отв. ред.). *Русская разговорная речь*. М.: Наука, 1973. [Zemskaya E. A. (ed.). *Russkaya razgovornaya rech’* [Russian colloquial speech]. Moscow: Nauka, 1973.]
- Левонтина 2000 — Левонтина И. Б. Русское финальное *a*? : портрет невидимки. *Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна*. Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. (отв. ред.). М.: Языки славянской культуры, 2000, 144–153. [Levontina I. B. Russian final *a*? : A portrait of an invisible. *Slovo v tekste i v slovare: Sbornik statei k 70-letiyu akademika Yu. D. Apresjana*. Iomdin L. L., Krysin L. P. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul’tury, 2000, 144–153.]
- НБНС — *Новый большой немецко-русский словарь*. В 3 т.: около 500 000 лексических единиц. Под общ. рук. Д. О. Добровольского. М.: АСТ, 2008–2010. [*Novyi bol’shoi nemetsko-russkii slovar’* [New big German–Russian dictionary]. In 3 vols. About 500,000 entries. Under general guidance of D. O. Dobrovol’skij. Moscow: AST, 2008–2010.]
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Russian National Corpus]. <http://www.ruscorpora.ru>
- ТСРРР — *Толковый словарь русской разговорной речи*. Т. 1–4. Крысин Л. П. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2014–2021. [*Tolkovyi slovar’ razgovornoj russkoi rechi* [Russian colloquial speech dictionary]. Vols. 1–4. Krysin L. P. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul’tury, 2014–2021.]
- COBUILD — *Collins COBUILD English language dictionary*. London; Glasgow: Collins, 1987.
- Dobrovol’skij, Levontina 2012 — Dobrovol’skij D. O., Levontina I. B. Russian *net* vs. German *nein* ‘no’: A semiotic approach. *Russian Linguistics*, 2012, 36: 213–219.
- Levontina, Shmelev 2005 — Levontina I. B., Shmelev A. D. The particles one cannot do without. *East — West encounter. 2nd International Conf. on Meaning ⇔ Text Theory*. Apresjan Ju. D., Iomdin L. L. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul’tury, 2005, 258–267.
- Macmillan — *Macmillan English dictionary*. Oxford: Macmillan, 2002.
- Pope 1976 — Pope E. N. *Questions and answers in English*. Hague: Mouton, 1976.
- Timberlake 2004 — Timberlake A. *Reference grammar of Russian*. West Nyack (NY): Cambridge Univ. Press, 2004.

Антонимия в русском жестовом языке

© 2024

Виолетта Евгеньевна Гусакова

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия;
ve_gusakova@mail.ru

Светлана Игоревна Буркова

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; Новосибирский государственный
технический университет, Новосибирск, Россия; burkova_s@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются жесты-антонимы в русском жестовом языке с точки зрения того, как визуальная модальность, в которой существует этот язык, влияет на их внутреннюю структуру. Показано, что в русском жестовом языке связь между структурой и семантикой антонимичных жестов строится прежде всего на иконичности и возможности использования при передаче информации трехмерного пространства. В этом проявляется уникальность антонимических отношений в жестовых языках в сопоставлении с одноименными отношениями в звуковых языках.

Ключевые слова: антонимия, визуальная модальность, жестовые языки, иконичность, русский жестовый язык.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках Государственного задания «Кинетические и вокальные аспекты коммуникации: параметры варьирования» (проект № FMNE-2022-0015) в Институте языкознания РАН.

Для цитирования: Гусакова В. Е., Буркова С. И. Антонимия в русском жестовом языке. *Вопросы языкознания*, 2024, 1: 60–84.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.1.60-84

Antonymy in Russian Sign Language

Violetta E. Gusakova

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia; ve_gusakova@mail.ru

Svetlana I. Burkova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Novosibirsk State
Technical University, Novosibirsk, Russia; burkova_s@mail.ru

Abstract: The article discusses signs-antonyms in Russian Sign Language from the point of view of how visual modality in which this language exists affects their internal structure. The article shows that the correlation between the structure and semantics of antonymous gestures in Russian Sign Language is built primarily on iconicity and the use of three-dimensional space. This reveals the uniqueness of antonymic relations in sign languages in comparison with those in spoken languages.

Keywords: antonymy, iconicity, Russian Sign Language, sign languages, visual modality.

Acknowledgements: The current research was a part of the research within the State Assignment “Kinetic and vocal aspects of communication: parameters of variation” (project No FMNE-2022-0015) at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Gusakova V. E., Burkova S. I. Antonymy in Russian Sign Language. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 1: 60–84.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.1.60-84

Введение

В настоящей статье анализируются жесты-антонимы в русском жестовом языке (далее — РЖЯ)¹ и проводится исследование влияния визуальной модальности, в которой существует этот язык, на их внутреннюю структуру. С семантической точки зрения отношения антонимии признаются одними из самых важных парадигматических отношений в лексике. Они свойственны всем естественным языкам. В лингвистике звуковых языков антонимы определяются как слова, «относящиеся к одной части речи и имеющие противоположные значения» [Кронгауз 2005: 146]. Также отмечается, что эти лексические единицы имеют общий компонент в своей семантической структуре, относясь при этом к нейтральному регистру и находясь на одном иерархическом уровне [Лаврова 2017].

Антонимии в жестовых языках лингвисты дают похожее определение: это отношение между жестами, значения которых противоположны. При этом подчеркивается, что это отношение бинарное — в него одновременно могут вступать только два жеста [Valli, Lucas 2000: 153]. Однако данное явление в жестовых языках к настоящему времени остается малоизученным, а работ, посвященных исследованию антонимии на материале РЖЯ, практически нет.

Статья состоит из трех частей. В первой части приводятся сведения о структуре жеста в жестовых языках, необходимые для дальнейшего изложения. Вторая часть представляет собой краткий обзор подходов к квалификации и классификации антонимов в существующей литературе по звуковым и жестовым языкам. В третьей части рассматривается антонимия в РЖЯ.

Исследование проводилось нами на основе сплошной выборки антонимов из тематического словаря РЖЯ [Фрадкина 2001], словаря РЖЯ [Базоев и др. 2020], международного онлайн-словаря жестовых языков [Spreadthesign] и онлайн-корпуса русского жестового языка [Корпус РЖЯ 2012–2015]², а также материалов, полученных путем элицитации. Всего нами было выявлено 266 антонимических пар. В число носителей РЖЯ, участвовавших в элицитации, вошли глухие (шесть человек), слабослышащие (один человек) и CODA³ (два человека) обоих полов в возрасте от 23 до 50 лет.

¹ РЖЯ распространен на всей территории Российской Федерации. Часть носителей проживают за границей — в бывших советских республиках (Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, Белоруссии и Молдавии). Небольшое число носителей имеется также в США, Германии и Израиле — это эмигранты или дети эмигрантов из России последних десятилетий. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. численность носителей РЖЯ составляет около 120 500 человек, однако по данным Всероссийского общества глухих она превышает 300 000 человек [Рухледев 2014]. Информация о численности носителей РЖЯ за пределами Российской Федерации отсутствует. Большинство носителей РЖЯ — глухие и слабослышащие; почти все они билингвы, т. е. могут в той или иной степени пользоваться звуковым русским языком в его письменной и/или устной форме. С 2012 г. РЖЯ официально признан в Российской Федерации, его статус отражен в Федеральном законе № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

² Корпус РЖЯ был создан в рамках проекта «Корпусное исследование морфосинтаксиса и лексики русского жестового языка» (грант РФФИ № 12-06-00231, 2012–2014 гг.). В онлайн-версию корпуса (<http://rsl.nstu.ru/>) вошло около 190 текстов, записанных от 45 носителей РЖЯ, мужчин и женщин в возрасте от 17 до 63 лет с разной степенью глухоты: глухих, слабослышащих и CODA. Для доступа к материалам онлайн-корпуса требуется регистрация.

³ CODA — аббревиатура выражения *Child of Deaf Adult* — слышащий ребенок глухих родителей, для которого первым родным языком является жестовый.

1. Типы жестов и внутренняя структура жеста в жестовых языках

Жестовые языки — это языки визуальной модальности⁴, информация в них передается в трехмерном пространстве при помощи движений рук, головы, корпуса и мышц лица. Выделяются три основных типа жестов⁵ в зависимости от используемых говорящим⁶ артикуляторов: мануальные, комбинированные и немануальные.

Мануальные жесты исполняются руками. Далее они могут быть разделены на три подтипа в зависимости от количества и роли артикуляторов: одноручные (например, жест грамотный⁷, рис. 1); двуручные, в которых активны (т. е. движутся) обе руки (например, жест здоровый, рис. 2); двуручные, в которых одна рука является активной, а другая пассивной (неподвижной, но, тем не менее, принимающей участие в исполнении жеста, поскольку ее положение в пространстве относительно активной руки имеет значение, см., например, жест больной на рис. 3).

Рис. 1. Жест грамотный⁸

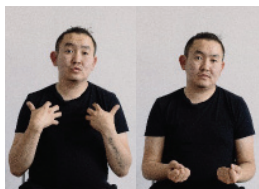

Рис. 2. Жест здоровый

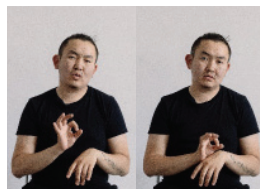

Рис. 3. Жест больной

К немануальным жестам относятся движения и положения мышц лица, направление взгляда, маусинг (беззвучная артикуляция слов / частей слов звукового языка), жесты рта (артикуляция некоторых звуков, движения губ и языка, вдох/выдох ртом; в отличие от маусинга жесты рта не обусловлены влиянием звукового языка), движения и положения головы и корпуса тела. В качестве самостоятельных языковых единиц немануальные жесты встречаются редко. Некоторые из них совпадают с жестами, которые используются слышащими людьми (например, повороты головы из стороны в сторону в значении отрицания). Обычно немануальные движения выступают в комбинации с мануальными жестами или с последовательностями жестов, выполняя различные функции. В фонологической функции они являются частью структуры комбинированных жестов (см. о последних ниже). Выполняя морфологическую функцию, они выражают различные адъективные и адвербиальные значения (например, жест РЖЯ легко может исполняться в сочетании с выпяченным кончиком языка, в этом случае он выражает значение 'совсем легко'). В синтаксической функции немануальные движения маркируют вопросы разных типов, отрицание,

⁴ Термин «модальность» в данном случае используется в значении, принятом для него в психологии и нейрофизиологии — как указание на принадлежность ощущения к определенной сенсорной системе.

⁵ Под жестом понимается единица жестовой речи, являющаяся аналогом слова в звуковых языках.

⁶ В англоязычной литературе используется специальный термин «signer».

⁷ Здесь и далее глоссы жестов по принятой в жестовой лингвистике традиции обозначаются маленькими прописными буквами. Используемые в глоссах условные обозначения см. в конце настоящей статьи.

⁸ Для жестов, содержащих движение, на фото приводятся начальная, конечная и, при необходимости, средняя фазы исполнения жеста. Авторы выражают благодарность носителю РЖЯ Иннокентию Сергучеву и фотографу Елизавете Денисовой за помощь в подготовке иллюстраций.

условие, тему и т. д., а также границы просодических единиц. Во всех этих случаях их обычно называют не жестами, а немануальными показателями или немануальными маркерами (далее — НММ).

К комбинированным относятся жесты, в структуру которых, помимо движения рук, обязательно входит НММ. Например, в одном из жестов РЖЯ, выражающих значение ‘мочь’, движение руки обязательно сопровождается жестом рта — артикуляцией [лр].

В структуре мануального жеста выделяются четыре компонента или, в другой терминологии, параметра: конфигурация, ориентация, локализация и движение. Конфигурация — это форма кисти руки. Для описания конфигурации жестов-антонимов в последующих разделах значение имеют позиция пальцев (конфигурация суставов кисти руки) и выбранные пальцы. В работах [Brentari 1998; 2011] Дайан Брентари предложила выделять две основных позиции пальцев — закрытую и открытую; далее возможно более дробное деление: а) полностью открытая — палец полностью выпрямлен; б) изогнутая (закрытая) — согнуты только межфаланговые суставы; в) плоско-открытая — пястно-фаланговые суставы согнуты менее чем на 90° ; г) плоско-закрытая — пястно-фаланговые суставы согнуты на 90° ; д) согнутая открытая — пястно-фаланговые и межфаланговые суставы согнуты без контакта пальцев; е) согнутая закрытая — пястно-фаланговые и межфаланговые суставы согнуты с контактом; ж) полностью закрытая — все суставы полностью согнуты (см. рис. 4). Выбранные пальцы составляют особую конфигурацию руки в определенном жесте. Они могут двигаться во время исполнения жеста, и, таким образом, визуально более заметны по сравнению с невыбранными пальцами, которые неподвижны, менее заметны и служат фоном для выбранных. Например, в жесте грамотный (рис. 1) выбранными являются большой и указательный пальцы; они находятся в полностью открытой позиции, тогда как невыбранные пальцы — средний, безымянный и мизинец — находятся в полностью закрытой позиции.

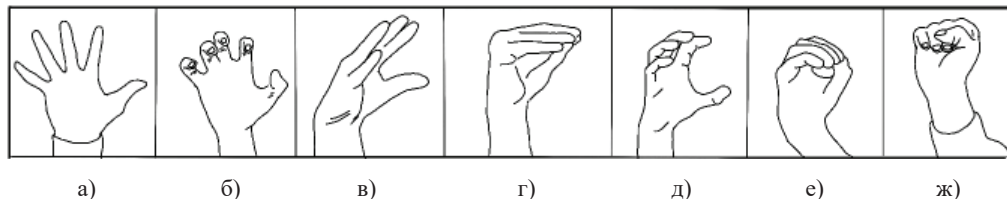

Рис. 4. Конфигурации суставов кисти руки

Ориентация — это положение ладони и пальцев в пространстве по отношению к корпусу тела говорящего и, в двуручных жестах, положение рук по отношению друг к другу. Например, в жесте РЖЯ грамотный (рис. 1) кисть руки развернута ладонью к корпусу говорящего; пальцы направлены вверх.

Локализация представляет собой место исполнения жеста в пределах жестового пространства — области, используемой для артикуляции. Вертикальная граница ее начинается чуть выше головы и заканчивается у талии, а горизонтальная граница пролегает от одного локтя до другого при свободном расположении рук. Локализация включает в себя два признака: место исполнения и сеттинг. Место исполнения — это одна из нескольких крупных областей в области жестового пространства: голова, корпус, пассивная рука, нейтральное жестовое пространство (пространство перед говорящим, в котором жест выполняется без контакта руки с телом, исключая контакт кистей рук между собой). Сеттинг уточняет местоположение жеста внутри этой крупной области. Например, в пределах места исполнения «голова» можно выделить такие сеттинги, как «лоб», «висок», «подбородок», «нос», «щека», «ухо». В отношении локализации важно также различать контактные и бесконтактные жесты. Контактные жесты «привязаны» к определенной области на теле говорящего, их локализацию нельзя изменить, в противном

случае жест не будет понятен⁹. Например, жест ГРАМОТНЫЙ (рис. 1) выполняется в области лица у виска, жест БОЛЬНОЙ (рис. 3) — на тыльной стороне ладони пассивной руки, жест РАДОСТНЫЙ (рис. 5) — у груди. Бесконтактные жесты могут сдвигаться в пределах жестового пространства, т. е. выполняться правее или левее, выше или ниже; например, бесконтактными являются жесты ДОМ (рис. 6), ОКНО (рис. 7).

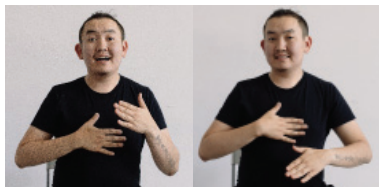

Рис. 5. Жест РАДОСТНЫЙ

Рис. 6. Жест ДОМ

Рис. 7. Жест ОКНО

Движение — наиболее сложный и внутренне неоднородный параметр жеста. Выделяются два основных типа движения: траекторное и внутреннее. Траекторное движение — это перемещение руки от одной локализации к другой; основными его характеристиками являются направление (относительно вертикальной, горизонтальной и сагиттальной осей) и характер (по прямой, по дуге, по зигзагу, резкое/плавное и т. д.). Например, в жесте РАДОСТНЫЙ (рис. 5) руки поочередно совершают дугообразные движения сверху вниз параллельно корпусу говорящего. Внутреннее движение — это изменение конфигурации или ориентации кисти руки. Например, в начальной точке исполнения жеста ЗДОРОВЫЙ (рис. 2) пальцы расправлены и слегка согнуты, кисти рук ориентированы ладонями к говорящему кончиками пальцев вверх, а в конечной точке исполнения пальцы сжаты в кулаки, ладони расположены горизонтально пальцами в направлении от говорящего¹⁰.

Еще в ранних работах по жестовой лингвистике [Stokoe 1960; Battison 1978] было показано на материале американского жестового языка (ASL), что подобно тому, как слова английского языка строятся из ограниченного набора фонем, жесты в ASL представляют собой комбинации конфигурации, ориентации, локализации и движения. По своим функциям параметры во внутренней структуре жеста действительно обнаруживают много сходств с фонемами в звуковых языках. Не случайно в описаниях жестовых языков часто используются термины «фонетика» и «фонология» применительно к внутренней структуре жеста. Однако полностью отождествлять параметры жеста и фонемы все же нельзя. Одним из эффектов визуальной модальности является то, что во многих (хотя и не во всех) жестах один или несколько его параметров иконически мотивированы. Например, жесты, обозначающие различные когнитивные процессы (думать, понимать, забыть и т. п.), обычно имеют локализацию в области лба, там, где расположен мозг; в жесте ТИГР конфигурация рук и локализация у носа изображают усы животного, в жесте КОФЕ конфигурация рук и движение активной руки изображают процесс помола кофе ручной мельницей. При этом, хотя в некоторых жестах те или иные параметры оказываются семантически нагруженными, их нельзя отождествлять и с морфемами. Они не удовлетворяют такому критерию морфемы, как повторяемость и воспроизводимость в плане выражения и в плане содержания. Например, локализацию у лба имеют и жесты, не связанные с обозначением когнитивных процессов: МАЛЬЧИК, ЧЕРНЫЙ, ТУАЛЕТ¹¹.

⁹ В англоязычной литературе — body-anchored signs.

¹⁰ Подробнее о типах жестов и параметрах жеста см., например, [Буркова, Киммельман 2019: 120–141].

¹¹ Подробнее см., например, [Mandel 1977; van der Kooij 2002; Sutton-Spence, Woll 2007: 165–171; Буркова, Киммельман 2019: 145–148].

Как мы увидим ниже, и в области антонимии в РЖЯ те или иные параметры многих жестов в антонимической паре, а точнее даже, противопоставления этих параметров оказываются иконически мотивированными. Это один из эффектов визуальной модальности.

2. Антонимия в звуковых и жестовых языках

В основе антонимии лежит ассоциация по контрасту, в которой отражаются существенные различия однородных предметов, явлений, действий, качеств и признаков. Как отмечается во введении к Словарю антонимов русского языка, антонимия — это одна из важнейших лингвистических универсалий, одно из существенных измерений лексико-семантической системы различных языков [Новиков 1984]. Антонимы имеют общий компонент в своей семантической структуре. Семантическая общность, в обязательном порядке присущая им, проявляется в «соотносительности значений», или в принадлежности к одной «лексико-семантической парадигме», или в том, что они выражают одно и то же родовое понятие. При этом антонимы относятся к нейтральному регистру и стоят на одном иерархическом уровне [Шанский 1964/2009; Шмелев 1966; Лаврова 2017]. Ученые также указывают на то, что антонимы необходимо характеризовать с двух точек зрения — парадигматической и синтагматической. Парадигматические свойства антонимов подразумевают, что данные лексические единицы могут иметь не только противоположные, но и обратные, однако не противоречащие значения, имеющие семантическую общность. К синтагматическим свойствам относится хотя бы частичное совпадение сочетаемости или возможность хотя бы частичной взаимозамены в одном и том же контексте [Апресян 1995].

В работах по звуковым языкам антонимы классифицируются по различным основаниям. Прежде всего, существует классификация, которая опирается на уровень языка, к которому принадлежат антонимичные единицы: лексические (словесные) и фразеологические антонимы [Миллер 1990]. Кроме того, здесь же, в зависимости от типа языковых единиц, могут быть также выделены грамматические антонимы [Апресян 1995]. В статье [Лаврова 2017], посвященной типологии антонимов, в числе прочего предлагается деление антонимов на канонические и неканонические. Первые морфологически просты, имеют прямые, а не переносные значения, часто употребляются в различных видах дискурса и в устойчивых словосочетаниях. Вторые морфологически сложны и представлены преимущественно переносными значениями слов. Там же говорится, что, по аналогии с синонимами, в антонимии по критерию «зависимость от контекста» можно также выделить логические и прагматические антонимы. Логические выражают противоположность вне зависимости от контекста. Прагматические антонимы всегда контекстуально обусловлены, причем в данном случае под контекстом в большей степени подразумеваются экстралингвистические факторы. Предмет нашей статьи составляет лексическая антонимия, и далее мы сосредоточимся именно на ней.

Для лексической антонимии выделяются три основных классификации — структурная, функционально-деривационная и семантическая. Структурная классификация основывается на морфологической структуре антонимов, деля их на две большие группы — однокоренные и разнокоренные (альтернативные названия этих групп — лексико-грамматические и собственно лексические антонимы) [Апресян 1995]. Примерами однокоренных антонимов могут служить пары *собирать* — *разбирать*, *грамотный* — *неграмотный* [Новиков 1984: 22]. К разнокоренным можно отнести такие пары, как *глупый* — *умный*, *мириться* — *ссориться*. В работе [Tamm et al. 2017] отмечается, что одно и то же слово в языке может иметь как однокоренной, так и разнокоренной антонимы, которые могут иметь отличия в денотативном значении и/или разные коннотации. При этом разнокоренные антонимы более характерны для выражения каких-либо

конкретных физических свойств, а однокоренные — для абстрактных логических отношений. Есть языки, для которых свойственно использование однокоренных антонимов для выражения большинства значений (например, литовский и русский), в то время как некоторые другие языки (например, индонезийский и юкатекский) вообще не используют стратегию словообразования в области антонимии. Еще одной разновидностью антонимии в рамках структурной классификации является энантиосемия (внутрисловная антонимия, или Janus words [Murphy 2003]), подразумевающая противоположность значений одного и того же многозначного слова, например *одолжить* кому-нибудь денег — *одолжить* у кого-нибудь денег.

Функционально-деривационная классификация антонимов основана на их «глубинных» функциональных связях. В ключе рассуждений о функционально-деривационной классификации вполне допускается, что большое разнообразие антонимических отношений может быть сведено к ограниченному числу исходных противопоставлений (*большой* — *маленький*, *начало* — *конец*, *хороший* — *плохой*, взаимная противопоставленность и взаимное дополнение противоположностей и т. д.) [Новиков 1984: 18].

Семантическая классификация антонимов является самой распространенной, она основана на выражаемом ими типе противоположности. Согласно ей, антонимы можно разделить на три основных группы: контрарные, комплементарные и векторные.

Контрарные (в другой терминологии — градуальные) антонимы выражают качественную противоположность. Их можно представить в виде ‘меньше X’ — ‘больше X’, а само явление контрарной антонимии — в виде шкалы, содержащей несколько пар антонимов [Кронгауз 2005: 146]. Антонимы, находящиеся в пределах этой шкалы, характеризуются различной степенью проявления одного и того же признака, например: *легкий* (*простой*, *пустяковый*) — *нетрудный* — *средней трудности* — *нелегкий* — *трудный*. Существует целый ряд контрарных противопоставлений, где средний член является точкой отсчета, не имея при этом специального выражения в языке: *грубый* — (0) — *нежный*; *слава* — (0) — *позор* [Новиков 1984: 23].

Комплементарные (в другой терминологии — контрадикторные) антонимы, соответствующие схеме ‘X’ — ‘не X’, выражают дополнительность — то есть это противоположные лексические единицы, дополняющие друг друга до целого, исчерпывая существующие возможности [Новиков 1984; Кронгауз 2005]. В этот класс, как правило, входит не так много слов. На шкале противопоставления находятся всего два противоположных члена (не считая их синонимов). В результате отрицания одного из таких антонимов мы получаем значение другого — между ними нет ничего среднего, например: *война* — *мир*; *живой* — *мёртвый*; *можно* — *нельзя*; *истинный* — *ложный*.

Векторные (направительные) антонимы выражают противоположную направленность действий, свойств и признаков. Данный вид основывается на логической противоположности, например: *разрешать* — *запрещать*; *забывать* — *вспоминать*; *исчезать* — *появляться*; *заболевать* — *выздоровливать*; *увеличивать* — *уменьшать*; *восход* — *закат* и т. п. Векторные антонимы, в свою очередь, могут быть разделены на три группы: собственно направительные, конверсивные (реляционные) и реверсивные [Murphy 2003; Лаврова 2017]. Собственно направительные антонимы содержат смысловые компоненты «вертикаль» — «горизонталь», «право» — «лево». Конверсивные отражают одну и ту же ситуацию с разных точек зрения (с позиций разных актантов), во многих случаях описывая отношения между людьми (профессиональные, внутрисемейные, деловые и т. д.), например: *учитель* — *ученик*; *муж* — *жена*; *купить* — *продать*. Третий подвид векторных антонимов — реверсивные антонимы — обозначает противоположные друг другу результаты действий, например: *запаковать* — *распаковать*; *окрасить* — *обесцветить* и т. д. [Murphy 2003; Лаврова 2017].

Необходимо заметить, что у исследователей нет единой точки зрения как в целом в отношении приведенной классификации, так и в отношении того, какие противопоставления следует считать антонимией, а какие нет. Например, исследователи по-разному

относятся к конверсии. Дж. Лайонз рассматривал конверсию как один из основных типов антонимии, а не как подтип векторной [Lyons 1977]. Другие лингвисты изучают конверсию вообще отдельно от явления антонимии, в качестве самостоятельных парадигматических отношений, см., например, [Valli, Lucas 2000; Кронгауз 2005]. В работах [Cruse 1987; Lyons 1977] комплементарные отношения противоположности отделяются от понятия собственно антонимии. М. Л. Мёрфи отмечает, что в семантической классификации категории зачастую накладываются одна на другую, так что одна антонимическая пара может одновременно принадлежать более чем к одной группе. Кроме того, она выделяет неклассифицируемые антонимы (unclassified antonyms) и сложные антонимы (complex antonyms). Неклассифицируемые антонимы проблематично отнести к какой-либо категории. Например, глаголы *спросить* — *ответить* на первый взгляд выглядят как конверсивы, но в то же время нельзя сказать, что это одно и то же действие с двух разных точек зрения, это два абсолютно разных действия. Примерами сложных антонимов могут служить слова, обозначающие пол, — Лайонз считал эти слова комплементарными антонимами, однако Мёрфи оспаривает эту точку зрения, поскольку ‘не мужской’ далеко не всегда означает ‘женский’, как требует того схема комплементарной антонимии. Подобные трудности возникают и со словами *ад* и *рай* [Murphy 2003]. М. А. Кронгауз, говоря о классификациях антонимов, не выделяет подтипов внутри контрарной, комплементарной и векторной антонимии, но акцентирует внимание на том, что помимо них могут быть выделены и другие типы противопоставления — в том числе это может быть конкретизация в рамках одного из основных видов. К примеру, векторная антонимия может включать в себя отношения между лексическими единицами, которые возможно выразить схемой ‘действие X’ — ‘уничтожение результата действия X’ (*слепить* — *разлепить*) [Кронгауз 2005: 147].

Как уже было сказано во введении к настоящей статье, в жестовых языках антонимия изучена пока очень слабо. Это не удивительно, поскольку жестовая лингвистика представляет собой относительно молодое направление в языкознании — она начала развиваться только с 60-х годов прошлого века. Краткий обзор антонимии в американском (ASL) и австралийском (Auslan) жестовых языках представлен в общих описаниях этих языков [Valli, Lucas 2000; Johnston, Schembri 2007]. Клэйтон Валли и Сейл Лукас называют два основных вида антонимии в ASL: градуальную и неградуальную, понимая под последней все остальные виды антонимии, упомянутые нами выше на материале звуковых языков и не входящие в понятие контрарности [Valli, Lucas 2000: 153]. Тревор Джонстон и Адам Шембри выделяют три вида антонимии в Auslan, два из которых (комплементарные и градуальные) совпадают с упомянутыми выше одноименными типами антонимов в звуковых языках. Третий вид носит название «реляционные антонимы» (relational antonyms). Это такие лексические единицы, которые описывают одну и ту же ситуацию с двух разных точек зрения (например, FATHER ‘отец’ — DAUGHTER ‘дочь’), или, иными словами, состоят в отношениях конверсии [Johnston, Schembri 2007: 231–232]. Валли и Лукас, впрочем, тоже уделяют внимание описанию конверсивов, однако они отделяют их от понятия антонимии [Valli, Lucas 2000: 155]. Авторы обеих работ отмечают важное свойство некоторых жестов-антонимов в ASL и Auslan: они способны отражать противоположность не только в семантике, но и в своей формальной структуре. В качестве примера в ASL приводятся антонимичные жесты *good* ‘хороший’ и *bad* ‘плохой’. Эти жесты разделяют общую структуру NMH (Hold-Movement-Hold), соответствующую линейной последовательности сегментов удержания, движения и удержания¹², общие конфигурацию и локализацию. Однако они обнаруживают

¹² Одной из моделей описания линейной структуры жеста в жестовых языках является Модель движения — удержания Лидделла — Джонсона (The Movement-Hold Model). Основная идея этой модели заключается в том, что, подобно тому как слоги в звуковых языках состоят из последовательностей согласных и гласных, жесты состоят из последовательностей сегментов движения

противоположность в конечной ориентации ладони, которая повернута вверх при завершении исполнения жеста GOOD и вниз при завершении исполнения жеста BAD [Idid.]. В Auslan это явление проиллюстрировано антонимичными парами WANT — NOT.WANT ‘хотеть’ — ‘не хотеть’, где совпадают все параметры, кроме движения, которое направлено вниз и вверх соответственно, и HAVE — NOT.HAVE ‘иметь’ — ‘не иметь’, где исполнение первого жеста начинается с открытой конфигурации, а второго — с закрытой [Johnston, Schembri 2007: 231].

В еще более ранней работе на материале ASL Уильям Стоуки описывает жест, соответствующий английскому глаголу *second* ‘поддерживать’ и употребляемый в контексте парламентских собраний, и называет в качестве антонимичного ему жест с такой же конфигурацией, но с противоположно направленным движением, имеющий значение ‘я следующий’. То есть в этом примере он называет антонимичными жесты, которые противоположны не по содержанию, а по форме. В то же время Стоуки в этой работе упоминает жесты BORROW ‘брать взаймы’ и LEND ‘давать взаймы’ — в этот раз противоположные и по направлению движения, и по семантике [Stokoe 1960: 39, 48].

ASL также обнаруживает антонимию в области особых немануальных маркеров, относящихся к области рта. Например, НММ *pressed*, представляющий собой сжатые губы и имеющий семантику сосредоточенного внимания, антонимичен НММ *th*, в котором язык помещен между зубами и который несет в себе семантику небрежности, рассеянного внимания [Bickford, Fraychineaud 2006].

В израильском жестовом языке исследователи тоже отмечают жесты, которые структурно отражают противоположность: жест со значением ‘толстеть’ и его антоним ‘худеть’ имеют противоположно направленное движение. То же самое наблюдается в парах со значениями ‘расти’ / ‘становиться выше’ — ‘укорачиваться’ / ‘становиться ниже’ и ‘краснеть’ — ‘бледнеть’ [Meir 2006].

Кроме перечисленных работ имеется типологическое исследование [Börstell, Lepic 2019], в котором авторы проанализировали выборку антонимических пар из 32 различных жестовых языков. В фокусе их внимания были лексические единицы, противопоставленные по признаку «положительные — негативные коннотации», и их связь с такими компонентами, как локализация и направление движения. В результате сопоставления было установлено, что положительная коннотация семантической структуры жестов коррелирует с направлением движения вверх и от корпуса тела и никак не связана со статическим местоположением — локализацией жеста.

В тайваньском жестовом языке отмечается образование антонимов при помощи отрицательного суффикса (LIKE ‘нравиться’ — LIKE-NOT ‘не нравится’) или корневой морфемы, содержащей отрицание (в результате чего получается жест-компаунд: CLEAR ‘ясный’ — CLEAR^NO ‘неясный’). При этом акцентируется внимание на значимости контраста в немануальном компоненте, различающего жесты в антонимической паре [Tsai, Myers 2009].

Упоминания антонимов в жестовых языках встречаются также в контекстах описаний онлайн-корпуса каталанского жестового языка [Gabbato-Lopez 2017] и мультимедийного словаря греческого жестового языка [Dimou et al. 2014].

Таким образом, существующие работы по жестовым языкам демонстрируют, что антонимичные отношения лексических единиц в различных жестовых языках могут быть выражены иконически и с помощью использования пространства, обнаруживая корреляцию формы и содержания семантически противопоставленных жестов.

и удержания [Liddell, Johnston 1989]. Например, жест РЖЯ ОТЕЦ имеет структуру НМН (он начинается с удержания руки у лба (Н), затем рука движется вниз (М), и жест заканчивается вторым удержанием у подбородка (Н)); жест один имеет структуру (Н); жест сколько — структуру (М); жест я — структуру (МН).

3. Антонимия в русском жестовом языке

В этом разделе мы, с опорой на структурную и семантическую классификацию антонимов, представим результаты анализа антонимичной лексики в РЖЯ. В рамках семантической классификации мы прежде всего будем уделять внимание роли иконичности и возможности использования трехмерного пространства в выражении антонимичных противопоставлений в РЖЯ. Антонимия в жестовых языках отличается от одноименного явления в звуковых языках благодаря эффектам визуальной модальности, и это представляет особый интерес. На ранних этапах изучения лингвистами жестовых языков большинство работ фокусировалось на том, чтобы продемонстрировать сходство в своих фундаментальных чертах жестовых языков со звуковыми. Сейчас это сходство уже очевидно, и гораздо важнее выявлять различия между звуковыми и жестовыми языками для понимания того, какие свойства человеческого языка являются универсальными, а какие обусловлены модальностью, в которой существует язык.

3.1. Антонимы в РЖЯ с точки зрения их структурной классификации

Структурная классификация антонимов в русском звуковом языке основывается на их морфологической структуре и подразделяет их на разнокоренные и однокоренные [Апресян 1995]. Однокоренные антонимы могут быть образованы двумя способами: при помощи антонимических аффиксов и путем прибавления к слову аффикса, придающего ему противоположный смысл. В жестовых языках, в частности в РЖЯ, очень продуктивна не-сегментная морфология, поэтому корень как отдельная морфема зачастую не выделяется, а аффиксация в целом не характерна для жестовых языков¹³. Тем не менее приведенная выше структурная классификация в своих общих чертах применима и к РЖЯ. Однако вместо терминов «разнокоренные и однокоренные антонимы» мы будем использовать их эквиваленты «собственно лексические антонимы» и «лексико-грамматические антонимы». Во-первых, хотя аффиксация не продуктивна в жестовых языках, некоторые жесты могут проявлять тенденцию к превращению в аффиксы. Например, в РЖЯ это касается служебного отрицательного жеста NEG (рука с раскрытой ладонью отводится в сторону), занимающего позицию после лексического жеста¹⁴. В РЖЯ обнаруживаются антонимы, образованные при помощи жеста NEG, выступающего в них в качестве аффикса или проявляющего тенденцию к превращению в аффикс. Такие антонимы образованы по принципу, сходному со вторым из названных выше способов образования однокоренных антонимов в звуковых языках. Во-вторых, антонимы в РЖЯ довольно часто образуются путем словосложения¹⁵. К знаменательному жесту либо присоединяется жест-показатель экзистенциального

¹³ Подробнее о морфологии жестовых языков см., например, [Aronoff et al. 2005; Буркова, Киммельман 2019: 169–212].

¹⁴ Морфологизация жеста NEG чаще всего проявляется в отсутствии паузы между знаменательным и служебным жестами, редукции знаменательного жеста и ассимиляции NEG знаменательному жесту по конфигурации (например, в случае, когда у знаменательного жеста полностью закрытая конфигурация — крепко сжатый кулак, — она может быть использована и в жесте NEG). Жест NEG морфологизирован при жестах нужно, можно, важный и проявляет тенденцию к превращению в аффикс при жестах помнить, чувствовать, счастливый и некоторых других.

¹⁵ Словосложение представляет собой очень продуктивный способ образования новых слов в жестовых языках. Во многих чертах он сходен с одноименным процессом в звуковых языках. Подробнее см., например, [Буркова, Киммельман 2019: 173–175].

отрицания (отсутствовать, ноль, пустой, дефицит)¹⁶, либо к одному и тому же знаменательному жесту присоединяются антонимичные знаменательные жесты. В результате получаются сложные жесты-компаунды, и эти способы тоже соотносимы с теми, которые свойственны для образования однокоренных антонимов в звуковых языках.

В целом структурную классификацию антонимов в РЖЯ можно представить в следующем виде.

1. Собственно лексические антонимы (антонимические пары, представленные разными жестами): а) «простой жест — простой жест»; б) «простой жест — компаунд». Для собственно лексических антонимов в РЖЯ особенно важно выделить эти подгруппы, поскольку именно для тех пар, в которых оба антонима простые, целесообразно производить далее сопоставительный анализ параметров жестов с точки зрения формального отражения противоположности.

Примеры антонимических пар из первой подгруппы собственно лексических антонимов («простой жест — простой жест»): мягкий — твёрдый; беда — счастье; разрешить — запретить; чистый — грязный; свобода — зависимость; ломать — строить и т. д. Эта подгруппа представлена наибольшим числом антонимов в нашем материале.

Вторая подгруппа («простой жест — компаунд») содержит такие антонимы, как, например: видеть^хороший — слепой ('зрячий' — 'слепой'); лицо^одинокий — толпа ('индивидуальный' — 'общий'); умный — ум^камень ('умный' — 'глупый'); деньги^живой — карта (наличные — безналичные); пустой — люди^толпа ('безлюдный' — 'людный'); настоящий — idx.лицо^два ('искренний' — 'лицемерный')¹⁷.

2. Лексико-грамматические антонимы (антонимические пары, в основе которых один и тот же жест): а) антонимы, образованные путем аффиксации; б) антонимы, образованные путем словосложения («простой жест — отрицательный компаунд, образованный от того же жеста»); в) антонимы, образованные путем словосложения («компаунд — компаунд, образованный от того же жеста»).

Для лексико-грамматических антонимов, образованных путем аффиксации, одним из ярких примеров является пара важный — важный-NEG (рис. 8), где во второй лексической единице отсутствует пауза между знаменательным и отрицательным жестами, сохраняется конфигурация «500»¹⁸ при исполнении отрицательного компонента и наблюдается редукция знаменательного жеста (в отличие от жеста важный, в его антонимическом соответствии отсутствует круговое траекторное движение).

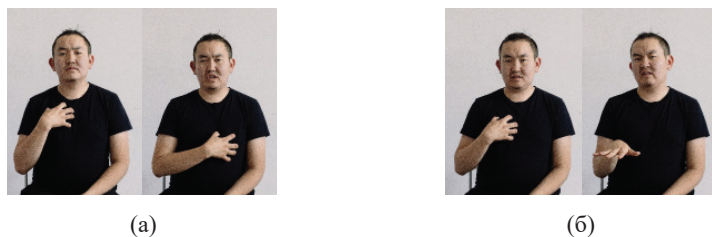

Рис. 8. Жесты (а) ВАЖНЫЙ (б) ВАЖНЫЙ-NEG

¹⁶ Жесты ноль, пустой, дефицит, помимо использования их в лексической функции, часто выступают в качестве показателей экзистенциального отрицания.

¹⁷ Второй жест в этой паре образован путем калькирования семантической структуры слова русского языка *деуличный*.

¹⁸ В работах по жестовым языкам распространенным способом обозначения конфигурации многих (хотя и не всех) жестов является отсылка к конфигурациям жестов дактильного алфавита или жестов-числительных.

Тенденция к аффиксации наблюдается в таких антонимических парах, как ИНТЕРЕСНЫЙ — ИНТЕРЕСНЫЙ-NEG (здесь не происходит ассимиляции по конфигурации, однако наблюдается и отсутствие паузы, и редукция знаменательного жеста), НУЖНЫЙ — НУЖНЫЙ-NEG (здесь ассимиляция по конфигурации тоже проявляется не всегда, однако присутствуют остальные признаки), СЧАСТЬЕ — СЧАСТЬЕ-NEG (имеют место и отсутствие паузы, и редукция знаменательного жеста, конфигурация же меняется из закрытой в открытую в соответствии с самой формой жеста СЧАСТЬЕ и остается таковой, плавно переходя в аффикс -NEG).

Лексико-грамматические антонимы, образованные путем словосложения и структурно сопоставляемые как «простой жест — отрицательный компаунд», достаточно распространены, и примеры разнообразны: ПОЛЬЗА — ПОЛЬЗА^НОЛЬ ('полезный' — 'бесполезный'); ТАЛАНТ — ТАЛАНТ^ПУСТОЙ ('талантливый' — 'бездарный'); ОПЫТ — ОПЫТ^ДЕФИЦИТ / ОПЫТ — ОПЫТ^ОТСУТСТВОВАТЬ ('опытный' — 'неопытный').

Среди лексико-грамматических антонимов, которые тоже образованы путем словосложения и представляют собой два компаунда, можно перечислить такие, как ЛИЦО^КРАСИВЫЙ — ЛИЦО^СТРАШНЫЙ ('прекрасный' — 'уродливый'); ОРУЖИЕ^ЕСТЬ — ОРУЖИЕ^ОТСУТСТВОВАТЬ ('вооруженный' — 'безоружный'); ВКУС^КРЕПКИЙ — ВКУС^НЕЖНЫЙ ('крепкий' — 'слабый', если речь идет, например, о кофе или чае).

3.2. Антонимы в РЖЯ с точки зрения их семантической классификации

3.2.1. Векторные антонимы

Векторные антонимы в нашем материале составляют 34 % (89 антонимических пар). В данной группе, по сравнению с другими видами антонимов, наиболее отчетливо проявляется иконическая связь между формой жеста и выражаемым типом противоположности. Семантически мотивированным здесь обычно является направление траекторного движения. Формальное отражение противоположной направленности действий/свойств при помощи этого признака обнаруживается примерно в 40 % пар от общего числа проанализированных нами векторных жестов-антонимов. При этом среди них существует целый ряд антонимических пар, где все остальные параметры полностью совпадают: таким образом, во-первых, иконически проявляется семантическая общность, по определению обязательно присущая антонимам одной и той же пары; во-вторых, за счет этого противоположная направленность визуально ярче выражена и очевидна. Подавляющее большинство векторных антонимов, для которых справедливо это наблюдение, принадлежат, по нашим данным, к группе конкретной лексики, т. е. соотносятся с явлениями, доступными непосредственному восприятию. Приведем некоторые примеры таких антонимичных пар. ВДОХ — ВЫДОХ; НАЗАД — ВПЕРЕД; ОСТАВАТЬ — ОБГОНЯТЬ: во всех трех парах движение относительно сагиттальной оси направлено к говорящему — от говорящего соответственно.

ВОСХОД — ЗАКАТ (рис. 9): движение направлено по дуге вправо-вверх и влево-вниз соответственно.

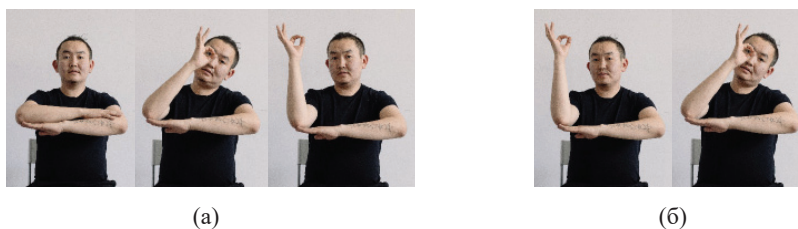

Рис. 9. Жесты (а) восход и (б) закат

УМЕНЬШАТЬ — УВЕЛИЧИВАТЬ (рис. 10); ВСТРЕЧАТЬСЯ — РАССТАВАТЬСЯ (рис. 11): в каждой паре руки движутся по направлению друг к другу в первом жесте и в разные стороны во втором.

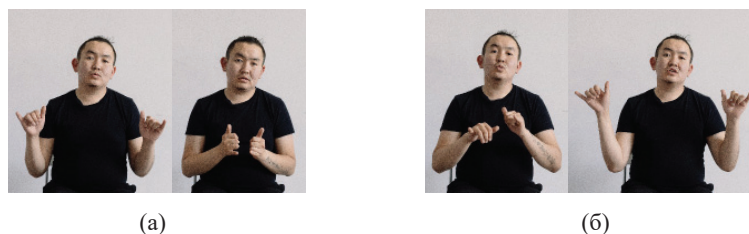

Рис. 10. Жесты (а) уменьшать и (б) увеличивать

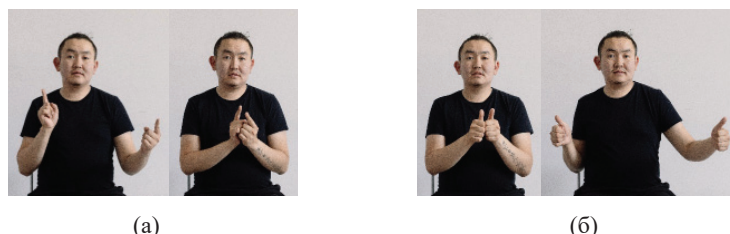

Рис. 11. Жесты (а) ВСТРЕЧАТЬСЯ и (б) РАССТАВАТЬСЯ

В каждой паре классификаторных жестов¹⁹ CLF(ы:летательный.аппарат)-ПРИЗЕМЛЯТЬСЯ — CLF(ы:летательный.аппарат)-ВЗЛЕТАТЬ²⁰; CLF(л:прямоходящий)-СПУСКАТЬСЯ — CLF(л:прямоходящий)-ПОДНИМАТЬСЯ²¹ движение направлено по диагонали вниз в первом

¹⁹ Классификаторные жесты представляют собой особый класс лексических единиц в жестовых языках. В отличие от жестов базового словаря, в которых все или большинство параметров не обладают значением, в классификаторных жестах все параметры значимы. Конфигурация руки в них обозначает отнесенность референта к определенному классу: двуногих существ, плоских предметов, узких длинных предметов, транспортных средств и т. д. Классификаторные конфигурации в сочетании с разнообразными локализациями, ориентациями и типами движения могут указывать на движение или местоположение определенного объекта, те или иные операции с определенными объектами, а также на размеры и форму объекта. Например, жест с конфигурацией CLF(Ж:машина) в зависимости от характера других параметров может выражать значения 'машина подъезжает / отъезжает / стоит / врежется в стену / едет по кругу и т. д'. Подробнее см., например, [Буркова, Киммельман 2019: 188–190, 223–229].

²⁰ Например, в контекстах 'самолет приземляется' — 'самолет взлетает'.

²¹ Например, в контекстах 'человек спускается с горы' — 'человек идет в гору'.

жесте и по диагонали вверх во втором соответственно. В классификаторных жестах со значениями ‘опускать’ и ‘поднимать’ в зависимости от объекта действия конфигурация и ориентация могут быть разными, однако внутри одной пары они всегда будут совпадать, а направление движения всегда будет противоположным — вниз и вверх соответственно.

Противоположность в случае векторной антонимии может быть иконически выражена не только траекторным, но и внутренним движением. Например, в паре *гаснуть*₁ — *загораться*,²² (рис. 12) и в одном из вариантов, выражающих значения ‘худеть’ — ‘толстеть’, конфигурация руки переходит из открытой в закрытую в первом жесте и наоборот во втором. В парах жестов *открыть.окно* — *закрыть.окно*, *открыть.дверь* — *закрыть.дверь* (рис. 13) конфигурация пальцев в каждой паре остается неизменной, но кисть руки разгибается и сгибается в запястье. В паре *открыть.кран* — *закрыть.кран* кисть руки разворачивается по часовой стрелке в первом жесте и против часовой стрелки во втором.

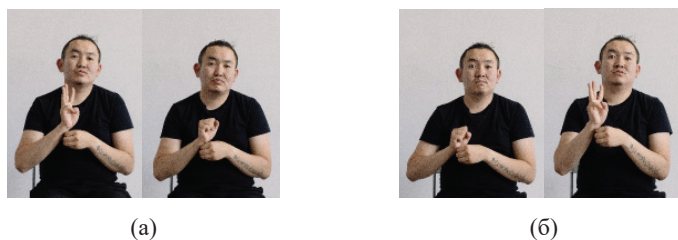

Рис. 12. Жесты (а) *гаснуть* и (б) *загораться*

Рис. 13. Жесты (а) *открыть.дверь* и (б) *закрыть.дверь*

Среди векторных антонимов РЖЯ встречаются, конечно, и такие пары, которые не обнаруживают иконически выраженную противоположность ни в одном из параметров, хотя их формы при этом все равно зачастую соотносимы. Например, у жестов *войти* (в помещение) и *выйти* (из помещения) одинаково направленное движение и конфигурация, но жест *войти* выполняется над, а жест *выйти* — под пассивной рукой (рис. 14).

Рис. 14. Жесты (а) *войти* и (б) *выйти*

²² Глоссы упоминаемых в данной статье разных жестов, соответствующих в переводе одному и тому же русскому слову, обозначены под номерами.

Немануальные компоненты тоже могут различаться в антонимических парах в рамках векторной антонимии. Например, жесты влюбиться — разлюбить, различающиеся по целому ряду параметров (первый жест двуручный — второй одноручный; конечная ориентация ладони к говорящему — от говорящего соответственно; начальный сеттинг выше в первом жесте — ниже во втором), довольно выражено отличаются друг от друга по немануальному компоненту: в первом жесте он включает в себя поднятые брови, широко открытые глаза, улыбку, а во втором — опущенные брови, суженные глаза, сжатые вытянутые губы и отрицательное покачивание головой.

В материалах, полученных путем элицитации, отмечаются также лексические единицы, для которых некоторые информанты испытывали трудности в подборе точного антонимичного жеста и приводили не один жест, а целые словосочетания с противоположным значением, либо жест, который не является конкретным антонимичным соответствием, а имеет довольно обобщенную семантику. Такие пары составляют небольшой процент от общего числа проанализированных векторных антонимов, однако тоже представляют интерес. Например, для жеста влюбиться в качестве антонимов помимо жеста разлюбить в нашем материале обнаруживаются два варианта словосочетаний: влюбиться — сердце любовь пустой; влюбиться — любовь сердце исчезнуть. Также стоит указать пару, где в качестве антонима было предложено словосочетание (которое, однако, тяготеет к тому, чтобы стать жестом, образованным путем аффиксации): соглашаться — принимать-NEG.

Таким образом, в области векторной антонимии противоположное направление траекторного движения наиболее часто иконически отражает разнонаправленность действий, свойств и признаков. Кроме траекторного движения векторная антонимия может быть выражена и внутренним движением (изменением конфигурации или ориентации кисти руки). То, что иконическое отражение векторной антонимии характерно для жестов, обозначающих конкретные объекты, объясняется тем, что параметр движения в самих этих жестах зачастую иконичен.

3.2.2. Комплементарные антонимы

Комплементарные антонимы в нашем материале составляют 28 % (75 антонимических пар). Для комплементарных антонимов обнаруживаются формальные проявления семантической противоположности, чаще всего коррелирующие с наличием/отсутствием внутреннего повтора в жесте (для примерно 44 % пар от общего числа антонимов в данной группе)²³. Внутренний повтор и его отсутствие соответствуют схеме комплементарной антонимии 'X — не X': временный — постоянный, одинаковый — разный, обыкновенный — необыкновенный, туманный — ясный, фальшивый — настоящий и др. При этом в определенных комплементарных парах наблюдаются и другие интересные проявления противоположности на структурном уровне, обусловленные эффектами визуальной модальности. Так же, как и в предыдущей группе векторных антонимов, направление движения тоже может быть формальным отражением противоположности. Например, в упомянутой выше паре одинаковый — разный²⁴ (рис. 15) при совпадении всех остальных параметров руки движутся друг к другу и в разные стороны соответственно.

²³ Внутренний повтор представляет собой повтор движения, входящий во внутреннюю структуру жеста в его словарной форме. Например, жест обыкновенный не может быть исполнен с однократным круговым движением рук по направлению друг к другу, он обязательно включает в себя неоднократное повторение этого движения.

²⁴ Нужно заметить, что каждый из этой пары жестов, как и некоторые другие пары жестов, приводимые в данной статье, — лишь один из вариантов выражения соответствующих значений. В некоторых случаях это связано с территориально и социально обусловленной вариативностью РЖЯ, а в других — с отличным от окружающего русского звукового языка членением той или иной

В другой упомянутой выше паре обыкновенный — необыкновенный (рис. 16) наблюдается то же самое формальное различие, однако при этом у этих жестов еще и противоположные ориентация ладоней (к себе — от себя) и локализация (ниже — выше). Точно так же друг к другу и в разные стороны соответственно движутся руки в двуручных жестах туманный — ясный; точно так же к себе и от себя соответственно в них ориентированы ладони. Нельзя также не упомянуть, что в этой паре различается и немануальный компонент — в первом жесте глаза прищурены, а во втором широко раскрыты (рис. 17).

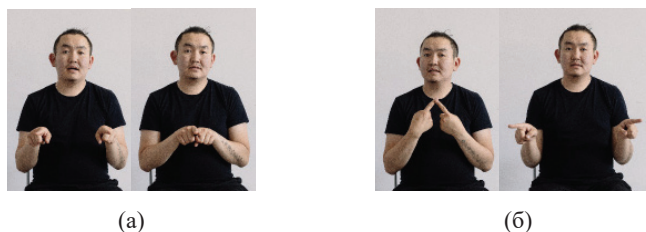

Рис. 15. Жесты (а) одинаковый и (б) разный

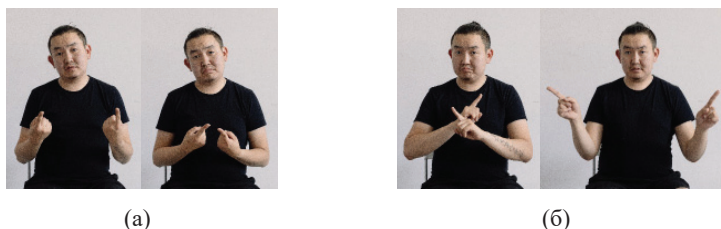

Рис. 16. Жесты (а) обыкновенный и (б) необыкновенный

Различия в немануальном оформлении (в первом жесте нахмурены брови и прищурены глаза, а во втором брови приподняты и глаза широко раскрыты) наблюдается также в паре ТЁМНЫЙ — СВЕТЛЫЙ, которая во многом похожа на векторную антонимическую пару ГАС-НУТЬ₁ — ЗАГОРАТЬСЯ₁ (вместе с направлением движения вниз и вверх соответственно меняется конфигурация из открытой в закрытую и наоборот).

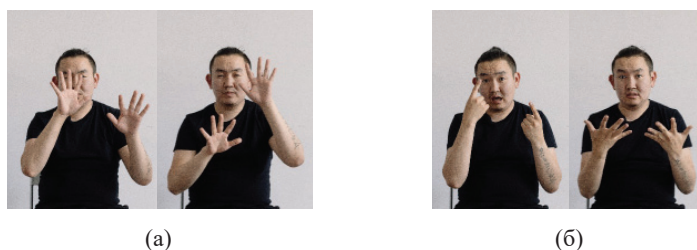

Рис. 17. Жесты (а) туманный и (б) ясный

В паре СВОБОДА — ЗАВИСИМОСТЬ противоположность отражается за счет наличия/отсутствия движения и отсутствия/наличия контакта рук между собой. В жесте СВОБОДА руки

семантической зоны. См., например, обсуждение в п. 3.2.2 двух жестов, соответствующих слову *слабослышащий*.

движутся друг от друга, как бы разрывая оковы. В жестах со значением ‘зависимость’ движение отсутствует, руки соединены между собой²⁵.

В ряде случаев сеттинг (например, относительно пассивной руки) может формально отражать комплементарную противоположность: так, жест внешний (наружный) исполняется с тыльной стороны ладони пассивной руки, а внутренний — с внутренней.

Как и в случае векторной антонимии, не во всех выявленных нами комплементарных парах можно обнаружить иконическое отражение противоположности; жесты могут просто различаться по целому ряду параметров, как, например, в классической комплементарной паре живой — мёртвый (рис. 18 а-б) или в парах свой — чужой (рис. 18 в-г), смелый — трусливый, правда — ложь и др., хотя при этом сами жесты зачастую иконичны²⁶.

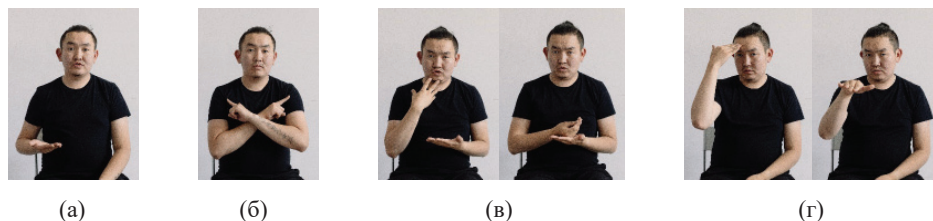

Рис. 18. Жесты (а) живой, (б) мертвый, (в) свой, (г) чужой

В выражении комплементарных антонимических отношений в РЖЯ используются также и словообразовательные процессы. Жесты могут быть образованы путем аффиксации или при помощи служебных жестов, проявляющих тенденцию к аффиксации (важный — важный-NEG; счастье — счастье-NEG). Достаточно частотны жесты, образованные путем словосложения: оружие^есть — оружие^отсутствовать / оружие^пустой (‘вооруженный’ — ‘безоружный’); польза — польза^ноль (‘полезный’ — ‘бесполезный’); талант — талант^пустой / талант^ноль (‘талантливый’ — ‘бездарный’).

Таким образом, двучленная оппозиция, где отрицание одного члена дает значение другого, чаще всего формально выражается в наличии и отсутствии внутреннего повтора в пределах одной комплементарной антонимической пары. Другие признаки тоже способны выражать противоположность в данной группе антонимов, в разной степени соответствия схеме комплементарной антонимии.

3.2.3. Контрарные антонимы

Группа контрарных антонимов в нашем материале представлена наибольшим количеством пар — 102 (38 %).

В антонимичных контрарных парах противоположность может иконически отражаться в различных компонентах жеста — например, в локализации выше и ниже в паре высокий — низкий.

Кроме того, сеттинг тоже может выражать градуальную противоположность: например, в паре полный — пустой совпадают практически все параметры, включая крупную область жестового пространства, где локализованы эти два жеста, однако в первом активная рука расположена над пассивной, а во втором — под пассивной рукой. Таким образом

²⁵ В нашем материале обнаруживаются два жеста, используемые в качестве антонимов жеста свобода. В первом руки сцеплены между собой согнутыми указательными пальцами (этот жест также означает ‘связь’); во втором правая рука обхватывает запястье левой.

²⁶ Например, в жесте мёртвый руки скрещены на груди, в жесте трусливый рука изображает трясущиеся от страха ноги.

в положении относительно пассивной руки отражаются крайние степени проявления признака (максимальная величина и абсолютное отсутствие чего-либо).

Закрытая и открытая конфигурация руки, визуально уменьшающая и увеличивающая размер кисти, коррелирует как с семантикой жестов мало — много, так и с семантикой жестов дешёвый — дорогой. Последняя пара интересна тем, что второй жест начинается с такой же конфигурации, как и первый (согнутая закрытая для двух выбранных пальцев, полностью закрытая для невыбранных), однако затем ладонь раскрывается в полностью открытую для всех пальцев конфигурацию — тем самым очевидна семантическая общность двух жестов и полярная оппозиция между ними.

Конечная ориентация ладони в жесте тяжёлый (вниз) противоположна ориентации ладони в жесте лёгкий (вверх), т. е. ориентация здесь семантически мотивирована — всё, что имеет большую массу, тяготеет вниз (рис. 19).

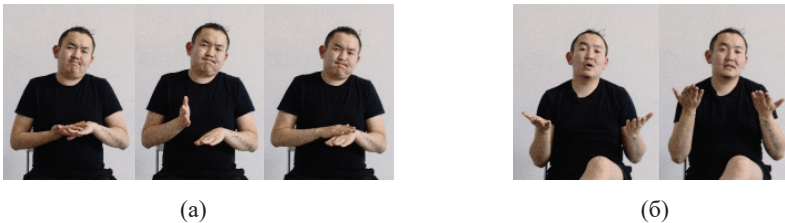

Рис. 19. Жесты (а) тяжелый и (б) легкий

Так же, как у векторных и комплементарных, у некоторых контрарных антонимов мы обнаруживаем противоположное направление движения: большой — маленький, длинный — короткий, узкий — широкий и др.

Тип и характер движения и немануальный компонент тоже могут быть иконически мотивированы. Это можно проиллюстрировать парой контрарных антонимичных жестов тесный — просторный (рис. 20). Руки в жесте тесный расположены вплотную друг к другу и тесно контактируют (соответственно, сеттинг тоже семантически мотивирован), а внутреннее движение — смена ориентации не ладоней, а только пальцев — наравне с отсутствием траекторного движения отражает семантику недостаточного пространства. В жесте просторный, напротив, обнаруживается траекторное движение (руки движутся в стороны от говорящего по диагонали), а внутреннее движение является более полным (ладони разворачиваются кнаружи). При этом немануальный маркер в первом жесте — прищуренные глаза, сжатые зубы, в то время как во втором жесте выражение лица нейтрально, мышцы лица расслаблены.

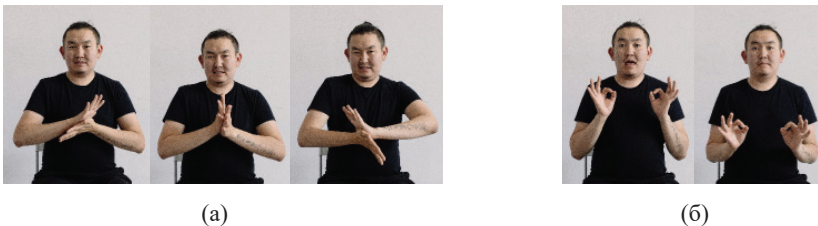

Рис. 20. Жесты (а) тесный и (б) просторный

Еще одно важное различие, которое обнаруживается достаточно часто (в 41 % контрарных антонимических пар) — это противопоставление по наличию и отсутствию внутреннего повтора. Оно может быть связано с большей/меньшей степенью проявления какого-либо свойства: например, в паре дорогой — дешёвый в первом жесте есть внутренний

повтор; ДАВНО — НЕДАВНО, где в первом жесте, обозначающем большее количество прошедшего времени, тоже есть внутренний повтор. Противопоставление по наличию/отсутствию внутреннего повтора может также коррелировать с наличием чего-либо в максимальной степени / полным отсутствием чего-либо: так, в паре ГРЯЗНЫЙ — ЧИСТЫЙ первый жест, выражающий значение «покрытый грязью», содержит внутренний повтор, в отличие от жеста ЧИСТЫЙ, обозначающего ее полное отсутствие; в парах ВСЕГДА₁ — НИКОГДА₁ и ВСЕГДА₂ — НИКОГДА₂ можно наблюдать внутренний повтор в обоих вариантах первого жеста, обозначающего «во всякое время», и отсутствие повтора во втором жесте, обозначающем «ни в какое время»; в парах БОДРЫЙ₁ — УСТАЛЫЙ₁ и БОДРЫЙ₂ — УСТАЛЫЙ₂ внутренний повтор присутствует в жестах, выражающих значение наполненности силами и энергией, и отсутствует в жестах, обозначающих отсутствие сил.

Однако нельзя сказать, что данная корреляция является абсолютно регулярной. В ряде антонимических пар отсутствие внутреннего повтора может быть, наоборот, связано с максимальной степенью проявления признака: ПУСТОЙ (с внутренним повтором) — ПОЛНЫЙ (без внутреннего повтора); ГОЛОДНЫЙ (с внутренним повтором) — СЫТЫЙ (без внутреннего повтора). В отдельных случаях именно те крайние члены оппозиции, которые несут в себе позитивные коннотации и противопоставлены крайним членам оппозиции с отрицательными коннотациями, содержат внутренний повтор: РАДОСТНЫЙ — ГРУСТНЫЙ; ПОЛЕЗНЫЙ — ВРЕДНЫЙ; ВЕСЕЛЫЙ — СКУЧНЫЙ; АРОМАТНЫЙ — ВОНОЮЩИЙ.

Контрарные антонимы-компаунды представлены многочисленными примерами: ЛЮДИ^ПУСТОЙ — ЛЮДИ^ТОЛПА ('безлюдный' — 'людный'); ОПЫТ — ОПЫТ^МАЛО ('опытный' — 'неопытный'); ОБРАЗОВАНИЕ — УМ^КАМЕНЬ ('умный' — 'глупый') и др.

В рамках контрарной антонимии также обнаруживаются единичные примеры антонимов, образованных путем аффиксации: ОПЫТ — ОПЫТ-NEG ('опытный' — 'неопытный'), ГРАМОТНЫЙ — ГРАМОТНЫЙ-NEG ('грамотный' — 'неграмотный'), ДАВНО — ДАВНО-NEG ('давно' — 'недавно'). Во всех трех лексических единицах нет ассимиляции по конфигурации, но редуцирован знаменательный жест и отсутствует пауза между ним и аффиксом.

Контрарные антонимические отношения могут быть также выражены противоположными по смыслу жестом и словосочетанием, например: INDX_{loc}+++ (m/arc) — INDX_{loc}+++ (m/arc) ОТСУТСТВОВАТЬ ('езде' — 'нигде').

Особого внимания в рамках контрарной антонимии заслуживает важная для носителей любого жестового языка антонимическая пара, выражающая значения 'глухой' — 'слышащий'. В литературе отмечается, что носители разных культур по-разному воспринимают отношения противоположности, и именно поэтому бывает сложно классифицировать некоторые антонимы. Например, для американцев в нейтральном контексте антонимом к слову *mountain* 'гора' будет служить слово *valley* 'долина', а японцы этому же слову со значением 'гора' в своем языке противопоставляют лексическую единицу со значением 'океан' [Лаврова 2017]. Слышащие носители русского и английского звуковых языков и соответствующих этим языкам культур слову *глухой* / *deaf* противопоставляют антоним *слышащий* / *hearing*. В данном случае основой для противопоставления служит наличие или отсутствие слуха. В то же время носители РЖЯ, как и носители ASL, жесту глухой / DEAF (рука в конфигурации «1» с пальцем, ориентированным вертикально, движется от рта к уху или наоборот) противопоставляют жест говорящий / SPEAKING (рука в конфигурации «1» с пальцем, ориентированным горизонтально, совершает вращательные движения у рта) (рис. 21, с. 79).

Соответственно, для носителей субкультуры глухих не столько наличие/отсутствие слуха, сколько предпочтительный способ общения (жестовая vs. устная речь) служит основой для семантического противопоставления, с которым коррелирует форма этих жестов. Эта оппозиция совершенно очевидно является культурно обусловленной. Стоит также обратить внимание, что для обозначения нарушений в органе чувств, отвечающем за зрение, используется простой жест СЛЕПОЙ, а для его антонима, обозначающего отсутствие этих нарушений, используются жесты-компаунды ВИДЕТЬ^ХОРОШИЙ или ВИДЕТЬ^ОТЛИЧНЫЙ.

При этом в международном словаре жестовых языков [Spreadthesign] жест со значением ‘зрячий’ даже не зафиксирован в отличие от жеста ГОВОРЯЩИЙ со значением ‘слышащий’.

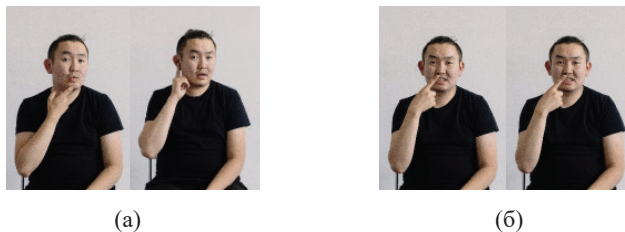

Рис. 21. Жесты (а) глухой и (б) говорящий

Антонимы глухой и говорящий являются контрарными, поскольку между ними возможен средний член оппозиции со значением ‘слабослышащий’. Последний жест тоже весьма интересен, так как он существует в РЖЯ в двух вариантах. Первый из них, СЛАБОСЛЫШАЩИЙ₁, по форме похож на жест ломать с той разницей, что движение направлено вверх. Вероятно, он больше соотносим с биолого-медицинским восприятием тугоухости, т. е. тугоухости как нарушения. Второй — жест СЛАБОСЛЫШАЩИЙ₂, исполняемый в центре области лица (рис. 22), иконически отражает семантику «половинчатости», принадлежности к двум мирам, к двум культурам, которая стала возможной ввиду сохранения остаточного слуха.

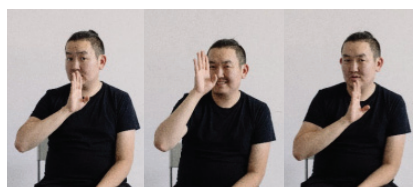

Рис. 22. Жест слабослышащий₂

Таким образом, способы корреляции формы с семантикой контрарных антонимических жестов достаточно разнообразны. Внутренний повтор / его отсутствие наиболее частотны, как и в случае комплементарной антонимии, однако здесь они отражают иной вид антонимических отношений. Как и другие параметры и характеристики жестов, которые здесь оказываются противоположны немного реже (но их противоположность при этом не менее выразительна), они соотносятся с семантикой ступенчатости, градации различных признаков и свойств.

3.3. Абстрактная vs. конкретная антонимичная лексика

При обсуждении антонимии в РЖЯ отдельного внимания заслуживает сопоставление конкретной и абстрактной антонимичной лексики, уже безотносительно к семантическим типам антонимии. Дело в том, что абстрактные антонимы, как и конкретные, используют иконичность, но в их образовании, как правило, задействованы механизмы метафорического переноса значений. При этом перенос обычно осуществляется на базе свойственной именно жестовым языкам визуальной метафоры «от образа к значению», когда абстрактное понятие сопоставляется с более конкретным, и это конкретное понятие затем кодируется иконически, см. [Taub 2001: 95]. Часто иконически мотивированным оказывается

только один параметр: так, в паре грубый — нежный на метафоре строится характер движения, выражающий противоположность этих жестов по признаку «резкость — плавность». Тот же самый жест нежный входит в состав компаунда $\text{ВКУС}^{\wedge}\text{НЕЖНЫЙ}$, имеющего значение ‘слабый’ и использующегося при описании вкусовых характеристик кофе или чая. В этом случае антонимом для него служит компаунд $\text{ВКУС}^{\wedge}\text{КРЕПКИЙ}$, обозначающий более насыщенный вкус, и характер движения здесь вновь метафоричен, его плавность и мягкость в первом жесте противостоят резкости и жесткости во втором.

В жестах волноваться — успокаиваться (рис. 23) иконически мотивированы на основе метафоры несколько параметров (направление движения и конфигурация) и такая характеристика, как внутренний повтор. В первом жесте движение, направленное вверх, отражает возбужденное состояние, тревожные ощущения, испытываемые человеком, беспокойство, которое нарастает. Внутренний повтор жеста тоже иконически соответствует стихийному и волнообразному характеру этого состояния. Во втором жесте движение направлено вниз, коррелируя с семантикой уменьшения, снижения эмоциональной нестабильности. Внутренний повтор, соответственно, отсутствует, поскольку жест описывает переход в состояние покоя. Семантическое противопоставление в этой паре жестов отражает и конфигурация — она остается открытой от начала до конца исполнения первого жеста и переходит из открытой в закрытую во втором. Подобное изменение конфигурации происходит в жесте давить, так что здесь мы находим иконическое выражение метафоры подавления эмоций.

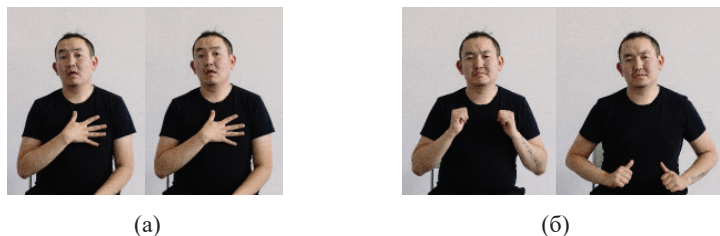

Рис. 23. Жесты (а) волноваться и (б) успокаиваться

Другие пары антонимов обнаруживают метафорическую отсылку к иконичному конкретному образу в своей целостной структуре, например: существуют два жеста, выражающих переносное значение ‘включить — выключить голову’ (примеры 1–3). Для пассивной руки используется классификатор части тела — полностью закрытая конфигурация (кисть сжата в кулак), иконически обозначающая голову человека, а конфигурация и противоположно направленное движение активной руки визуально напоминают присоединяемый/отсоединяемый штекер²⁷.

- (1) ЭКЗАМЕН БИЛЕТ ВЗЯТЬ INDX_1 ГОЛОВА.ВЫКЛЮЧИТЬ
‘Взял экзаменационный билет — и голова отключилась’²⁸.
- (2) INDX_1 УЧИТЬ++ С.УТРА.ДО.ВЕЧЕРА INDX_1 ГОЛОВА.ВЫКЛЮЧИТЬ
‘Я учился весь день, с утра до вечера — теперь соображать совсем не могу’.
- (3) ГОЛОВА.ВЫКЛЮЧИТЬ ОТДОХНУТЬ ГОЛОВА.ВКЛЮЧИТЬ
‘Голова отключилась, но как только отдохнул — включилась обратно’.

²⁷ Жест со значением ‘выключить голову’, по нашим наблюдениям, более частотен, чем его антоним ‘включить голову’, воспринимаемый носителями языка скорее в шутливом, ироническом значении, см. (3).

²⁸ Примеры 1-4 были предложены носителями РЖЯ, участвовавшими в элицитации.

Кроме того, метафорический семантический переход может осуществляться путем изменения одного из компонентов в антонимической паре, выражающей конкретное значение, например: жесты с конкретными значениями в антонимической паре ГАСНУТЬ₁ — ЗАГОРАТЬСЯ₁ являются бесконтактными — они исполняются в нейтральном жестовом пространстве и могут смещаться в его пределах. При выражении абстрактного значения эмоционального состояния человека (4) используются жесты ГАСНУТЬ₂ — ЗАГОРАТЬСЯ₂. Они имеют все те же параметры что ГАСНУТЬ₁ — ЗАГОРАТЬСЯ₁, кроме локализации: жесты становятся контактными и у них появляется жесткая привязка к области сердца.

- (4) INDX₁ СПОРТ поступить INDX₁ ГОРЕТЬ₂²⁹ СПОРТ СЛОЖНЫЙ получаться NEG получаться
NEG ГАСНУТЬ₂
'Я пришел заниматься спортом, очень хотел заниматься, но оказалось сложно, ничего не получалось, и мое желание угасло'.

В уже упомянутой выше антонимической паре НАЧАТЬ — ЗАКОНЧИТЬ направленное вверх движение в жесте НАЧАТЬ соответствует распространенной языковой метафоре «начало — это движение вверх» [Майсак 2005: 205]. Движение вниз в жесте ЗАКОНЧИТЬ тоже может быть обусловлено метафорой. В [Там же: 150] отмечается, что в звуковых языках конструкции с глаголами типа 'спускаться' часто грамматикализуются как показатели перфектива; направление движения в жесте ЗАКОНЧИТЬ, по-видимому, иконически отражает метафору «окончание — это движение вниз».

В антонимической паре ХОРОШИЙ — ПЛОХОЙ набор выбранных пальцев, составляющих особую конфигурацию руки, различается — в первом случае выпрямленным является большой палец, во втором случае — мизинец. Возможно, это противопоставление соответствует языковой метафоре «больше — это лучше» [Лакофф, Джонсон 2004: 137].

Таким образом, эффекты визуальной модальности в антонимических отношениях абстрактных лексических единиц РЖЯ строятся на основе механизмов метафорического переноса значений, которые отличаются большим разнообразием.

Заключение

С точки зрения структурной классификации антонимы в РЖЯ разнородны. Собственно лексические антонимы имеют в основе разные жесты (т. е. разные лексемы) и далее делятся на несколько подгрупп в зависимости от простой или сложной структуры жестов в пределах одной антонимической пары. Лексико-грамматические антонимы в РЖЯ имеют в основе один и тот же жест и образуются путем присоединения отрицательного аффикса (или отрицательного служебного жеста, тяготеющего к превращению в аффикс) и словосложения.

С точки зрения семантической классификации антонимия в РЖЯ отличается от одноименного явления в звуковых языках. Эффекты визуальной модальности, в которой существуют жестовые языки, в значительной степени обуславливают связь структуры и содержания жестов-антонимов. Наиболее ярко иконическая связь между формой жеста и выражаемым типом противоположности проявляется в векторной антонимии, поскольку именно здесь направление движения коррелирует с семантической разнонаправленностью действий, признаков и свойств. Однако эффекты визуальной модальности прослеживаются и в комплементарных, и в контрарных антонимах, и способы выражения этих отношений отличаются большим разнообразием (при этом и комплементарные, и контрарные антонимы наиболее часто формально противопоставлены по признаку «внутренний

²⁹ Аналогично и жест ГОРЕТЬ₂ с переносным значением, в отличие от жеста ГОРЕТЬ₁ с конкретным значением, исполняется не в нейтральном жестовом пространстве, а у области сердца.

повтор и его отсутствие», а также для первого типа часто встречается противоположная локализация, а для второго — противоположная конфигурация). На эффектах визуальной модальности основывается в том числе и метафорический перенос значений, участвующих в образовании абстрактной антонимичной лексики.

Таким образом, в русском жестовом языке связь между структурой и семантикой антонимичных жестов строится на важнейших свойствах любого жестового языка — иконичности и возможности использования при передаче информации трехмерного пространства, и этим обусловлена уникальность антонимических отношений в жестовых языках в сопоставлении с одноименными отношениями в звуковых языках³⁰.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

^ — жест-компаунд: ОПЫТ^МАЛО ‘неопытный’

+ — простая редупликация

+++ (m/arc) — редупликация со смещением локализации жеста по дугообразной траектории при каждом повторе

INDX1 / INDX_{loc} — указание на говорящего / точку в пространстве, ассоциируемую с референтом, в указательном жесте

NEG — служебный жест-показатель отрицания

CLF(ы:летательный.аппарат)-ПРИЗЕМЛЯТЬСЯ — классификатор(конфигурация:значение)-глагол

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. *Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика*. М.: Языки русской культуры, 1995. [Apresjan Yu. D. *Izbrannye trudy. T. 1: Leksicheskaya semantika*. [Selected works. Vol. 1: Lexical semantics]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1995.]
- Базоев и др. 2020 — Базоев В. З., Гаврилова Г. Н., Егорова И. А., Ежова В. В., Давыденко Т. П., Чаушьян Н. А. *Словарь русского жестового языка*. М.: Флинта, 2020. [Bazoev V. Z., Gavrilova G. N., Egorova I. A., Ezhova V. V., Davydenko T. P., Chaush'yan N. A. *Slovar' russkogo zhestovogo yazyka* [Russian Sign Language Dictionary]. Moscow: Flinta, 2020.]
- Буркова, Киммельман 2019 — Буркова С. И., Киммельман В. И. (ред.). *Введение в лингвистику жестовых языков. Русский жестовый язык*. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. [Burkova S. I., Kimmel'man V. I. (eds.). *Vvedenie v lingvistiku zhestovykh yazykov. Russkii zhestovyi yazyk* [Introduction into sign language linguistics. Russian Sign Language]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical Univ. Press, 2019.]
- Корпус РЖЯ 2012–2015 — *Корпус русского жестового языка*. Буркова С. И. (рук. проекта). Новосибирск: НГТУ, 2012–2015. [*Korpus russkogo zhestovogo yazyka* [Russian Sign Language Corpus]. Burkova S. I. (project manager). Novosibirsk: Novosibirsk State Technical Univ., 2012–2015.] <http://rsl.nstu.ru/>.
- Кронгауз 2005 — Кронгауз М. А. *Семантика*. М.: Академия, 2005. [Krongauz M. A. *Semantika* [Semantics]. Moscow: Akademiya, 2005.]
- Лаврова 2017 — Лаврова Н. А. К вопросу об определении антонимии и о типологической классификации антонимов. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*.

³⁰ По замечанию одного из анонимных рецензентов, в заключении к настоящей статье необходимо также сравнение с другими жестовыми языками на основе существующей литературы. В разделе 2 этой статьи упоминалось, что отражение семантического противопоставления в формальной структуре жестов-антонимов отмечается и для некоторых других жестовых языков, и оно, на наш взгляд, вполне ожидаемо для языков визуальной модальности. Однако более детальное типологическое сравнение материала РЖЯ с материалом других жестовых языков пока вряд ли возможно — для этого просто недостаточно данных, антонимия в жестовых языках изучена очень слабо, специальные работы в этой области единичны, см. об этом выше во введении к статье и в разделе 2.

- Гуманитарные науки, 2017, 7(779): 62–71. [Lavrova N. A. On the definition of antonymy and typological classification of antonyms. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2017, 7(779): 62–71.]
- Лакофф, Джонсон 2004 — Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*. М.: URSS, 2004. [Lakoff G., Johnson M. *Metaphory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow: URSS, 2004.]
- Майсак 2005 — Майсак Т. А. *Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции*. М.: Языки славянских культур, 2005. [Maisak T. A. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruktssii s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [Typology of grammaticalization of constructions with verbs of motion and verbs of position]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2005.]
- Миллер 1990 — Миллер Е. Н. *Природа лексической и фразеологической антонимии*. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. [Miller E. N. *Priroda leksicheskoi i frazeologicheskoi antonimii* [The nature of lexical and phraseological antonymy]. Saratov: Saratov State Univ. Press, 1990.]
- Новиков 1984 — Новиков Л. А. *Русская антонимия и ее лексикографическое описание*. Львов М. Р. *Словарь антонимов русского языка*. Новиков Л. А. (ред.). М.: Русский язык, 1984, 5–30. [Novikov L. A. Russian antonymy and its lexicographic description. L'vov M. R. *Slovar' antonimov russkogo yazyka* [Dictionary of antonyms of the Russian language]. Novikov L. A. (ed.). Moscow: Russkii yazyk, 1984, 5–30.]
- Рухледев 2014 — Рухледев В. Н. *Проблемы глухих людей: интервью с президентом Всероссийского общества глухих В. Н. Рухледевым от 30.10.2014 г.* [Rukhledev V. N. *Problemy glukhikh lyudei: interv'y u s prezidentom Vserossiiskogo obshchestva glukhikh V. N. Rukhledevym ot 30.10.2014 g.* [Problems of deaf people: An interview with the President of the All-Russian Society of the Deaf V. N. Rukhledev from Oct. 30, 2014.] <https://www.deafnet.ru/new.phtml?c=69&id=12154>.
- Фрадкина 2001 — Фрадкина Р. Н. *Говорящие руки: Тематический словарь жестового языка глухих России*. М.: Сопричастность, 2001. [Fradkina R. N. *Govoryashchie ruki: Tematicheskii slovar' zhestovogo yazyka glukhikh Rossii* [Talking hands: A thematic dictionary of the sign language of the Deaf in Russia]. Moscow: Soprichastnost', 2001.]
- Шанский 1964/2009 — Шанский Н. М. *Лексикология современного русского языка*. М.: URSS, 2009. [Shanskii N. M. *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Lexicology of modern Russian]. Moscow: URSS, 2009.]
- Шмелев 1966 — Шмелев Д. Н. Об анализе семантической структуры слова. *Zeichen und System der Sprache*, 1966, 3: 126–138. [Shmelev D. N. On the analysis of the semantic structure of a word. *Zeichen und System der Sprache*, 1966, 3: 126–138.]
- Aronoff et al. 2005 — Aronoff M., Meir I., Sandler W. The paradox of sign language morphology. *Language*, 2005, 81(2): 301–344.
- Battison 1978 — Battison R. *Lexical borrowing in American Sign Language*. Silver Spring (MD): Linstok Press, 1978.
- Bickford, Fraychineaud 2006 — Bickford J. A., Fraychineaud K. Mouth morphemes in ASL: A closer look. *Sign languages: spinning and unraveling the past, present and future. TISLR9, forty five papers and three posters from the 9th Theoretical Issues in Sign Language Research Conference*. de Quadros R. M. (ed.). Florianopolis: Editora Arara Azul, 2006, 32–47.
- Börstell, Lepic 2019 — Börstell C., Lepic R. Spatial metaphors in antonym pairs across sign languages. *Theoretical Issues in Sign Language Research Conference (Hamburg, 26–28 Sept. 2019). Conference Handbook*. Hamburg: Univ. of Hamburg, 2019, 88–89.
- Brentari 1998 — Brentari D. *A prosodic model of sign language phonology*. Cambridge (MA): MIT Press, 1998.
- Brentari 2011 — Brentari D. Handshape in sign language phonology. *The Blackwell companion to phonology. Vol. I. General Issues and Segmental Phonology*. van Oostendorp M., Ewen C. J., Hume E., Rice K. (eds.). Malden (MA): Wiley-Blackwell, 2011, 195–222.
- Cruse 1987 — Cruse D. A. *Lexical Semantics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987.
- Dimou et al. 2014 — Dimou A. L., Goulas T., Efthimiou E., Fotinea S. E., Karioris P., Pissaris M., Korakakis D., Vasilaki K. Creation of a multipurpose sign language lexical resource: The GSL lexicon database. *6th Workshop on the Representation and Processing of Sign Languages: Beyond the Manual Channel. Workshop Proceedings*. Reykjavik, 2014, 37–42.
- Gabarro-Lopez 2017 — Gabarro-Lopez S. *Discourse markers in French Belgian Sign Language (LSFB) and Catalan Sign Language (LSC): BUOYS, PALM-UP and SAME. Variation, functions and position in discourse*: Doctoral diss. Namur: Univ. of Namur, 2017.

- Johnston, Schembri 2007 — Johnston T., Schembri A. *Australian Sign Language (Auslan). An Introduction to sign language linguistics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007.
- van der Kooij 2002 — van der Kooij E. *Phonological categories in Sign Language of the Netherlands: The role of phonetic implementation and iconicity*: Ph.D. diss. Utrecht: LOT, 2002.
- Liddell, Johnson 1989 — Liddell S. K., Johnson R. E. American Sign Language: The phonological base. *Linguistics of American Sign Language: An introduction*. Valli C., Lucas C. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000, 267–306.
- Lyons 1977 — Lyons J. *Semantics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1977.
- Mandel 1977 — Mandel M. Iconic devices in American Sign Language. *On the other hand: new perspectives on American Sign Language*. Friedman L. A. (ed.). New York: Academic Press, 1977, 57–107.
- Meir 2006 — Meir I. The morphological realization of semantic fields. *Sign languages: spinning and unraveling the past, present and future. TISLR9, forty five papers and three posters from the 9th Theoretical Issues in Sign Language Research Conference*. de Quadros R. M. (ed.). Florianopolis: Editora Arara Azul, 2006, 347–364.
- Murphy 2003 — Murphy M. L. *Semantic relations and the lexicon. Antonymy, synonymy and other paradigms*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
- Spreadthesign — *Spreadthesign: A multilingual dictionary for sign languages*. Örebro: European Sign Language Center, 2018. <https://www.spreadthesign.com/>.
- Stokoe 1960 — Stokoe W. C. *Sign language structure: An outline of the visual communication systems of the American Deaf*. Buffalo (NY): Univ. of Buffalo, 1960.
- Sutton-Spence, Woll 2007 — Sutton-Spence R., Woll B. *The linguistics of British Sign Language: An introduction*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007.
- Tamm et al. 2017 — Tamm M. K., Miestamo M., Börstell C. Impossible but not difficult: A typological study of lexical vs. derived antonyms. *SLE 2017. Book of abstracts*. Zürich: Univ. of Zürich, 2017, 135–136.
- Taub 2001 — Taub S. *Language from the body: Iconicity and metaphor in American Sign Language*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.
- Tsay, Myers 2009 — Tsay J., Myers J. The morphology and phonology of Taiwan Sign Language. *Taiwan Sign Language and beyond*. Tai J. H.-Y., Tsay J. (eds.). Chia-Yi: Taiwan Institute for the Humanities, National Chung Cheng Univ., 2009, 83–129.
- Valli, Lucas 2000 — Valli C., Lucas C. (eds.). *Linguistics of American Sign Language: An introduction*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.

Фразовая интонация южнорусского говора: Роговатое

© 2024

Сергей Владимирович Князев

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия; svknia@gmail.com

Аннотация: В статье представлено предварительное описание базовых тональных параметров, использующихся для оформления общего и частного вопросов, переспроса, утверждения, незавершенности, императива и обращений в южнорусском говоре села Роговатого Старооскольского района Белгородской области в сопоставлении с литературным русским языком. Проанализированный материал объемом более 7000 предложений позволяет утверждать, что основным отличием просодической системы южнорусского говора от литературной русской является ее ориентация на использование преимущественно ровных (уровневых) тонов, а не контурных (скользящих), составляющих ядро интонационной системы литературного языка. Просодическое оформление в говоре таких коммуникативных категорий, как утверждение, общий вопрос, вопрос с вопросительным словом, вокатив, императив и переспрос, может быть описано с использованием двух монотональных акцентов — H* и L*. Кроме того, мы постулируем в говоре Роговатого два конечных пограничных тона (H% и L%), каждый из которых может сочетаться с любым из двух тональных акцентов. При этом фактов, позволяющих утверждать существование фонологического противопоставления разных фразовых тонов (H- и L-), в ходе анализа не обнаружено. Одной из важнейших особенностей фразовой просодии Роговатого является редкое в типологическом отношении противопоставление двух типов начальных пограничных тонов — %H и %L.

Ключевые слова: диалектология, интонация, просодия, русский язык, фонетика, южнорусские диалекты.

Благодарности: От всей души благодарю своих коллег по отделу диалектологии и лингвистической географии ИРЯ РАН за их замечательные записи и за помощь в подготовке статьи.

Для цитирования: Князев С. В. Фразовая интонация южнорусского говора: Роговатое. *Вопросы языкознания*, 2024, 1: 85–127.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.1.85-127

Phrase prosody of a Southern Russian dialect: Rogovatoe

Sergey V. Knyazev

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
svknia@gmail.com

Abstract: This paper deals with the phrase intonation of the Southern Russian dialect spoken in the village of Rogovatoe, in the Starooskol'sky district of the Belgorod region. The study is devoted to the analysis of the prosodic structure of various communicative categories: statements, yes-no questions, *wh*-questions, non-finality, imperative, and vocative. Based on the examination of more than 7000 sentences, I argue that the dialect of Rogovatoe uses only two monotonal pitch accents — H* and L* — as opposed to three bitonal accents of Modern Standard Russian. I also postulate two final boundary tones — H% and L% — for this dialect, while no proof of a phonological distinction between the high and the low phrase accents was found. Finally, the idiom of Rogovatoe employs the phonological distinction between the high and the low initial boundary tone — %H and %L. Therefore, the prosodic

system of this Southern Russian dialect is much more focused on the level tones than Modern Standard Russian utilizing predominantly contour (rising and falling) tones.

Keywords: dialectology, intonation, phonetics, prosody, Russian, South Russian.

For citation: Knyazev S. V. Phrase prosody of a Southern Russian dialect: Rogovatoe. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 1: 85–127.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.1.85-127

1. Вступительные замечания и материал исследования

Более 20 лет назад Р. Ф. Касаткина справедливо отмечала: «Хорошо известно, как незначительно, фрагментарно исследована фразовая интонация диалектной речи. При этом наименее изученной оказывается интонация южнорусских говоров — по севернорусской интонации публикации все же имеются, хотя их немного и касаются они лишь некоторых участков огромного интонационного поля» [Касаткина 2002: 134]. К сожалению, эта ситуация сохраняется и по сей день.

Целью настоящей статьи является предварительное описание базовых тональных категорий, использующихся в южнорусском говоре села Роговатого (Роговатки) Старооскольского района Белгородской области для интонационного оформления основных коммуникативных типов.

Материалом исследования служили записи диалектной речи, осуществленные в 2007–2015 гг. сотрудниками Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН и представленные в диалектном корпусе [Ter-Avanesova et al. 2018].

В качестве основных информантов выступали ААД1926¹ (всего проанализировано около 3000 предложений), МРК1930 (около 800), ПИТ1932 (около 1000) и ЕАЖ1935 (около 1200 предложений), в качестве дополнительных — МПЮ1928 и АИФ1949. Все информанты — женщины. Выбор был основан преимущественно на том, что они являются самыми старшими из записанных в Роговатке дикторов².

Р. Ф. Касаткина, обсуждая вопрос о необходимости создания диалектного интонационного атласа, отмечала, что в ходе его подготовки должны быть в первую очередь рассмотрены следующие вопросы: «1) как интонационно оформляется утвердительное высказывание; 2) как интонационно оформляется незавершенное высказывание и существуют ли разные способы оформления незавершенности; 3) как оформляется высказывание, содержащее вопрос без вопросительного слова (общий вопрос); 4) есть ли в данной системе специальный контур для оформления вопроса с инициальной частицей *a*; 5) как оформляется высказывание — вопрос с вопросительным словом; 6) есть ли специальный контур для оформления переспроса» [Касаткина 2002: 135].

Мы будем следовать этой схеме описания с некоторыми уточнениями, касающимися как порядка изложения, так и набора рассмотренных категорий, включив в него оформление вокатива и императива и исключив вопрос с частицей *a* (который, во-первых, почти не представлен в нашем материале, а во-вторых, включен в список, по-видимому, исключительно с целью элицитации контура типа ИК-4, который существует в говоре и в других условиях).

Таким образом, полученные в ходе исследования результаты представлены ниже в следующей последовательности: общий вопрос, утверждение, вопрос с вопросительным словом, незавершенность, вокатив, императив, переспрос.

¹ Буквы и цифры означают инициалы и год рождения информанта.

² Однако проанализированный материал дает основания считать, что в речи, например, самых старших информантов и гораздо более молодой АИФ1949 существенных отличий в плане просодического оформления высказывания не наблюдается.

2. Общий вопрос

В современном русском литературном языке (СРЛЯ) общий вопрос обычно оформляется восходяще-нисходящим движением тона (ИК-3): «На ударном слоге выделенного слова тон резко повышается (...) На заударном слоге тон резко понижается» [Брызгунова 1963: 240, 243]. Восходящий акцент в СРЛЯ характеризуется **поздним таймингом**: максимум частоты основного тона (ЧОТ) приходится на конец ударного слога, а при наличии заударного — на его начало [Igarashi 2006: 190, 193]; см. рис 2.1, 2.2³. При этом начало восходящего движения тона (low turning point, LTP) ассоциируется обычно с инициальной (начальным согласным) ударного слога слова-акцентоносителя (“low turning point at the onset of accented syllable”) [Ibid.: 190].

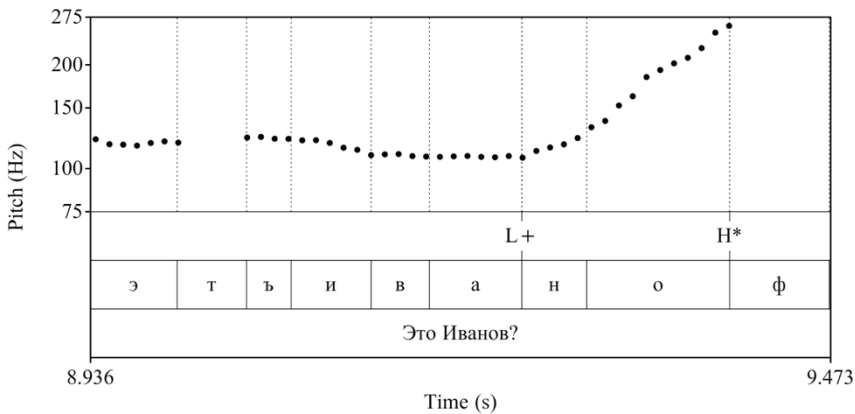

Рис. 2.1. Кривая ЧОТ общего вопроса *Это Иванов?* (СРЛЯ)⁴

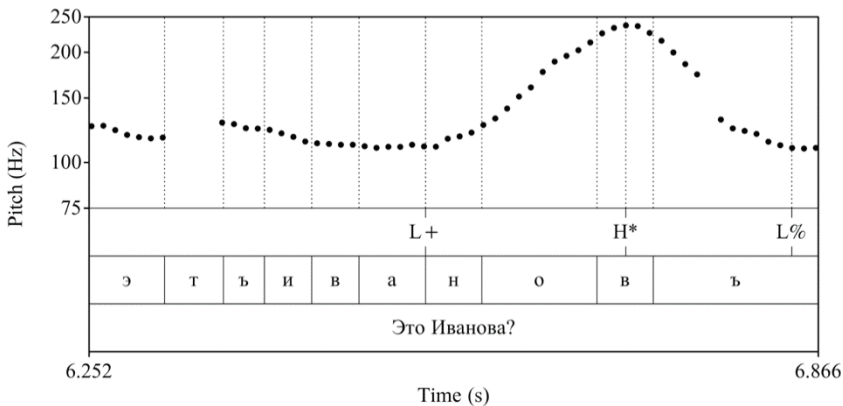

Рис. 2.2. Кривая ЧОТ общего вопроса *Это Иванова?* (СРЛЯ)

³ В связи с большим объемом приводимого иллюстративного материала в статье используется отдельная нумерация рисунков в каждом разделе

⁴ Все примеры из литературного языка приводятся в произношении информанта КАН, москвича, носителя СРЛЯ, 1956 г. р.

Общепринятым стандартом фонологического описания интонации сейчас является автосегментно-метрическая модель фразовой просодии [Pierrehumbert 1980; Beckman, Pierrehumbert 1986; Beckman et al. 2005]. В ней этот акцент СРЛЯ всеми авторами анализируется как битональный (восходящий) — L^*+H или $L+H^*$ (в зависимости от того, какой тон считается наиболее стабильно ассоциированным с ударным слогом акцентоносителя), а весь контур с низким фразовым и низким пограничным тоном — как L^*+H L - $L\%$ или $L+H^*$ L - $L\%$ [Rathcke 2017: 197–199].

Если заударные слоги после ударного гласного акцентоносителя во фразе отсутствуют, этот мелодический контур в СРЛЯ подвергается усечению ('truncation'): падения тона после его подъема не наблюдается [Ode 2005; Янко 2004: 92; Rathcke 2017: 225], см. рис. 2.1.

Во многих севернорусских диалектах в общем вопросе после повышения ЧОТ на ударном гласном акцентоносителя наблюдается значительная задержка падения тона: на всех заакцентных слогах до самого последнего или предпоследнего сохраняется высокий уровень ЧОТ [Post 2005: 49; Пост 2007; Post 2008], см. рис. 2.3. В других севернорусских говорах (например, в говоре села Климовского Коношского района Архангельской обл.) представлен контур типа $L+H^*$ $L\%$, который характеризуется плавным падением ЧОТ на заакцентных слогах по направлению к конечному слогу фразы, см. рис. 2.4 [Князев 2023]. В юго-западных говорах после повышения тона на ударном гласном слова-акцентоносителя может происходить дальнейшее увеличение ЧОТ на заударных слогах [Касаткина 2002].

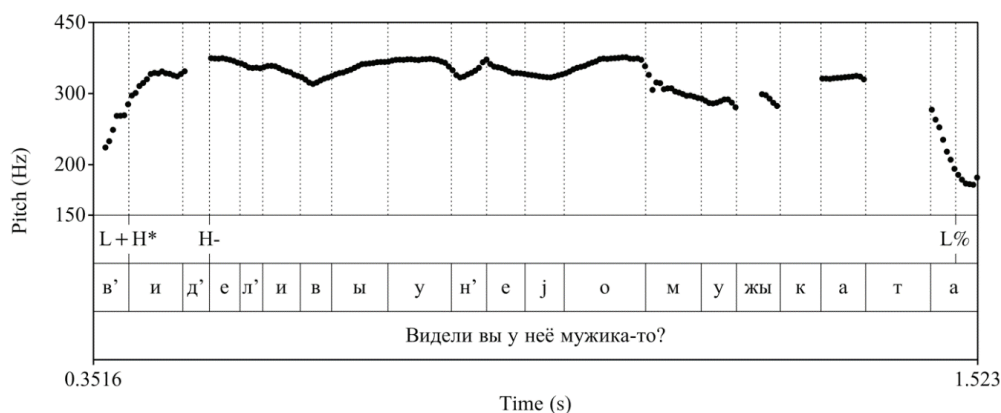

Рис. 2.3. Кривая ЧОТ фразы *Видели вы у неё мужика-то?*
(д. Вадюга Верхнетоемского района Архангельской обл.⁵)

Типичные примеры оформления общего вопроса в роговатовском говоре приведены ниже на рис. 2.5–2.24.

На первый взгляд может показаться, что общий вопрос в Роговатом оформляется так же, как и в СРЛЯ — восходящим движением тона на ударном слоге слова-акцентоносителя с последующим падением на заакцентном слоге и сохранением ровного низкого до конца фразы (см. рис. 2.5 и 2.6).

⁵ Князев С. В. Корпус говоров бассейна Верхней Пинеги и Выи. 2021. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ. (Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/vaduga/>, дата обращения 10.04.2023.)

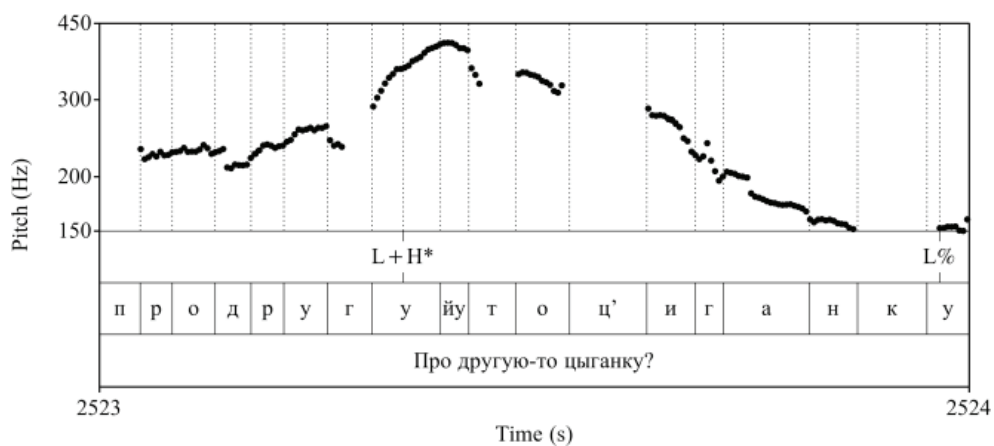

Рис. 2.4. Кривая ЧОТ общего вопроса *Про другую-то цыганку?*
(с. Климовское Коношского района Архангельской обл.)

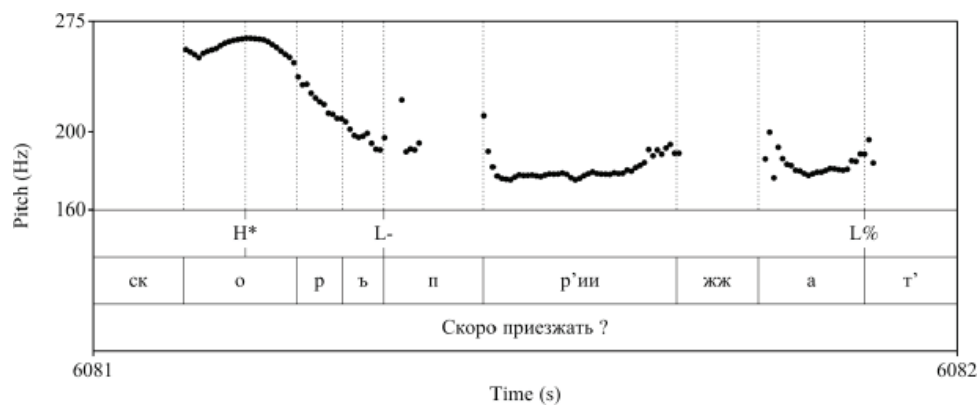

Рис. 2.5. Кривая ЧОТ общего вопроса *Скоро приезжать?* (ААД1926)

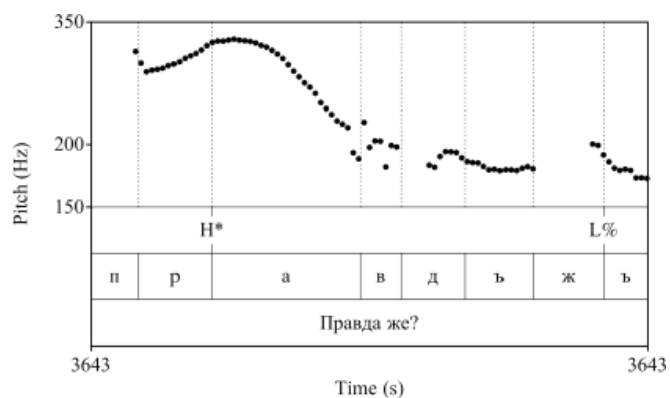

Рис. 2.6. Кривая ЧОТ общего вопроса *Правда же?* (ААД1926)

Однако этот тип мелодического контура представлен в говоре почти исключительно в тех случаях, когда акцентоноситель является первым словом во фразе и начинается с ударного слога с шумным согласным в инициали. В подавляющем большинстве других примеров (содержащих предакцентные слоги или сонорные согласные в инициали ударного) наблюдается принципиально иная картина:

- фраза обычно начинается не с высокого тона⁶;
- повышение ЧОТ обычно происходит постепенно **на всех предударных слогах** (см. рис. 2.7–2.9);

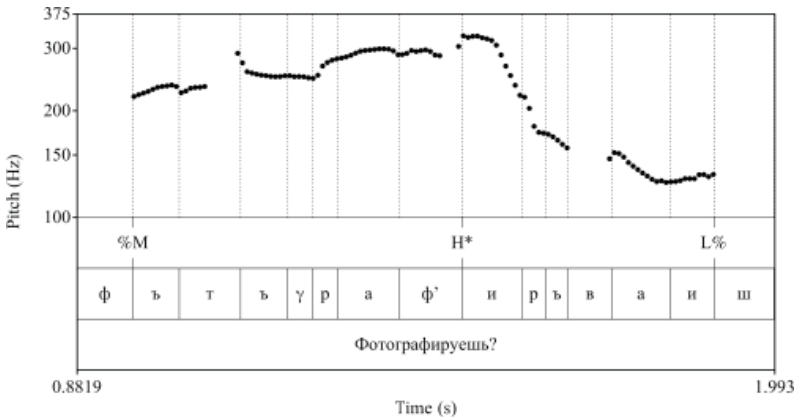

Рис. 2.7. Кривая ЧОТ общего вопроса *Фотографируешь?*

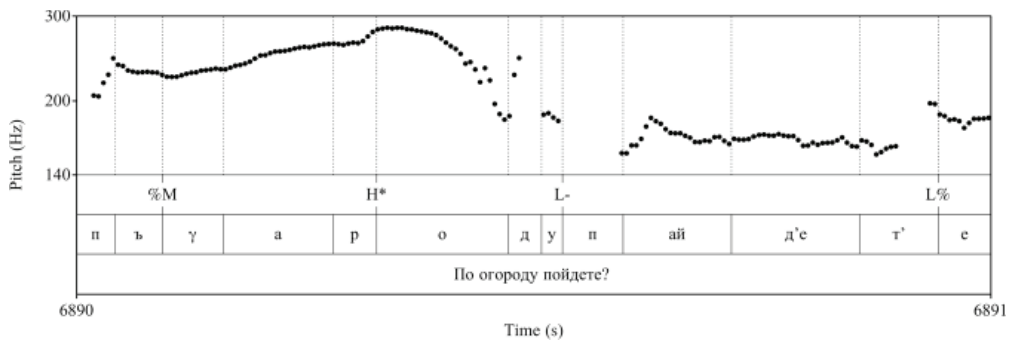

Рис. 2.8. Кривая ЧОТ общего вопроса *По огороду пойдете?* (ААД1926)

⁶ На иллюстрациях ниже этот начальный пограничный тон условно маркируется как средний (%M), поскольку **фонетически** отличается как от высокого, так и от низкого; **фонологически**, однако, он противопоставлен только высокому %H (см. ниже п. 3), поэтому в формальной фонологической модели должен обозначаться как низкий %L (или не отмечаться вовсе).

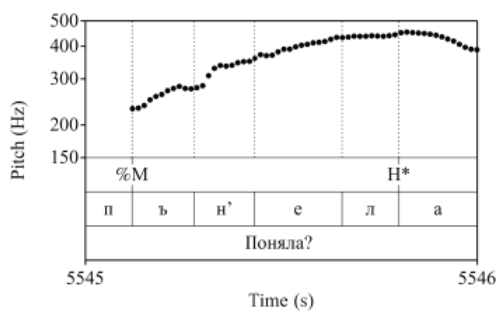

Рис. 2.9. Кривая ЧОТ общего вопроса *Поняла?* (ЕАЖ1935)

— тональный максимум достигается **до начала ударного гласного**, обычно на границе начального в слове согласного и гласного (2.10–2.13), реже на согласном инициали (2.14, 2.15) или даже до его начала (2.16);

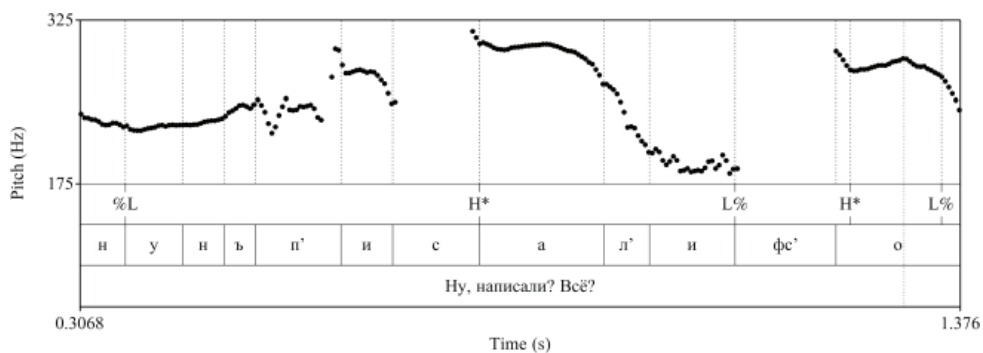

Рис. 2.10. Кривая ЧОТ общего вопроса *Ну, написали? Всё?* (AAD1926)

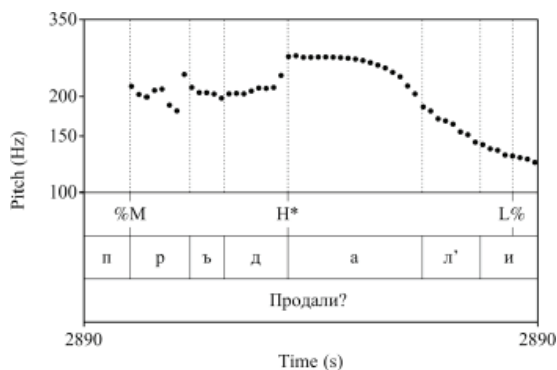

Рис. 2.11. Кривая ЧОТ общего вопроса *Продали?* (MRK1930)

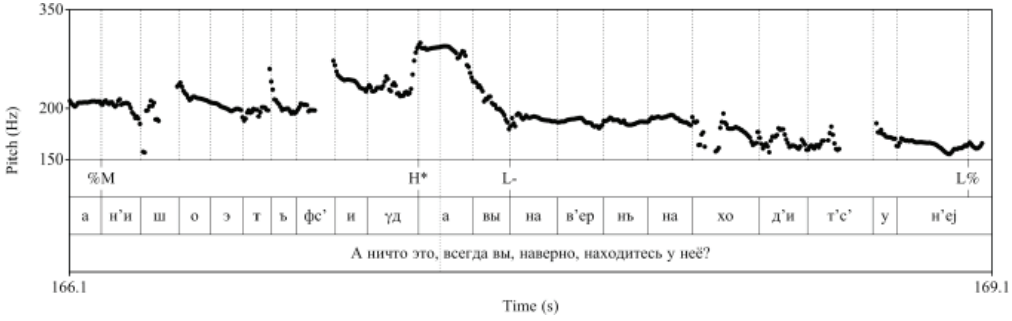

Рис. 2.12. Кривая ЧОТ общего вопроса *А ничто это, всегда вы, наверно, находитесь у неё?* (ААД1926)

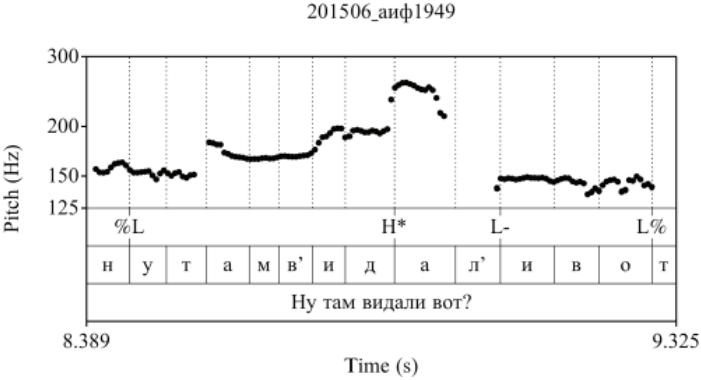

Рис. 2.13. Кривая ЧОТ общего вопроса *Ну там видали вот?* (АИФ1949)

Рис. 2.14. Кривая ЧОТ общего вопроса *Деньги на квартиру не возьмёшь у меня?* (ААД1926)

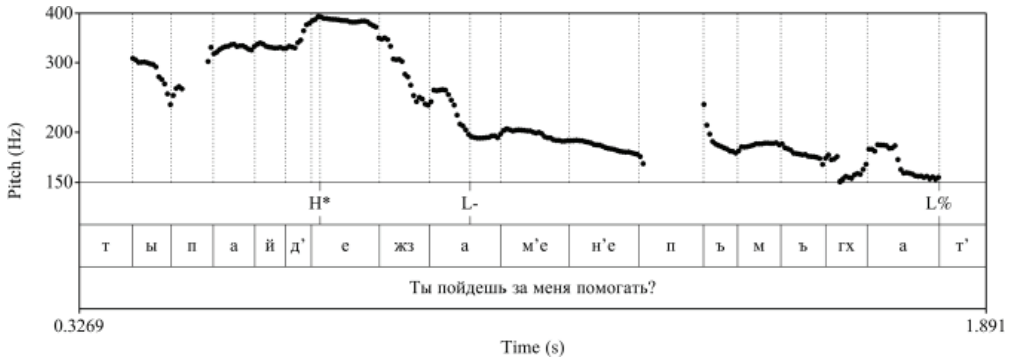

Рис. 2.15. Кривая ЧОТ общего вопроса *Ты пойдешь за меня помогать?* (ААД1926)

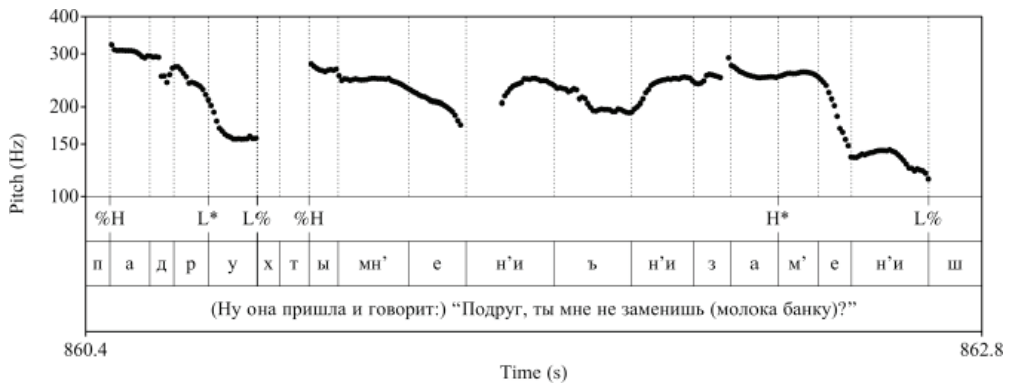

Рис. 2.16. Кривая ЧОТ общего вопроса *Подруг, ты мне не заменишь?* (ЕАЖ1935)

- в большинстве случаев после достижения тонального максимума сохраняется ровный высокий тон вплоть до середины ударного гласного, после чего в пределах того же ударного гласного начинается падение тона (см. выше 2.7–2.15);
- в других случаях **падение тона** начинается сразу после достижения максимума — **с начала ударного гласного** (рис. 2.17–2.19), реже — до начала ударного слога (рис. 2.20, 2.21)⁷;

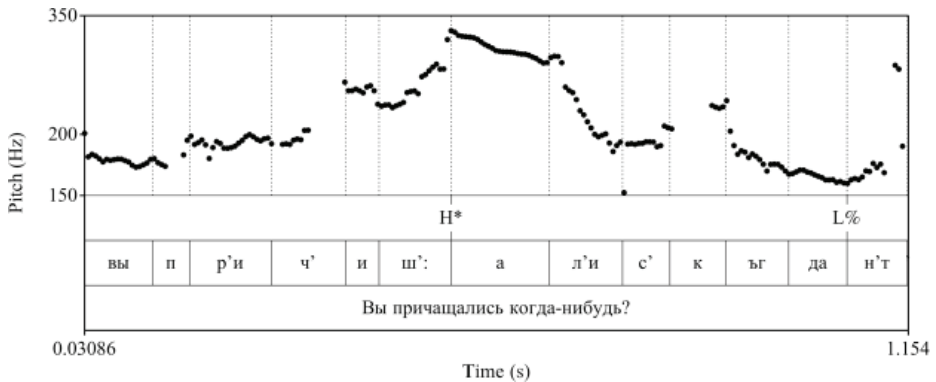

Рис. 2.17. Кривая ЧОТ общего вопроса *Вы причащались когда-нибудь?* (ААД1926)

⁷ В этих случаях носителями СРЛЯ высказывание вне контекста зачастую воспринимается как утвердительное, а не вопросительное.

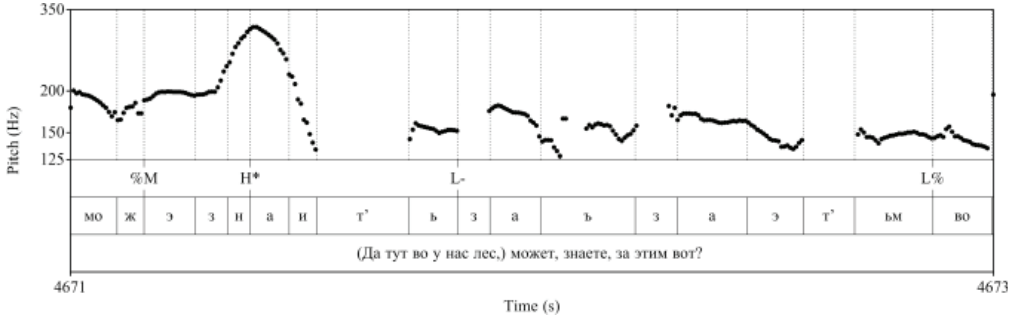

Рис. 2.18. Кривая ЧОТ общего вопроса *Может, знаете, за этим вот?* (ЕАЖ1935)

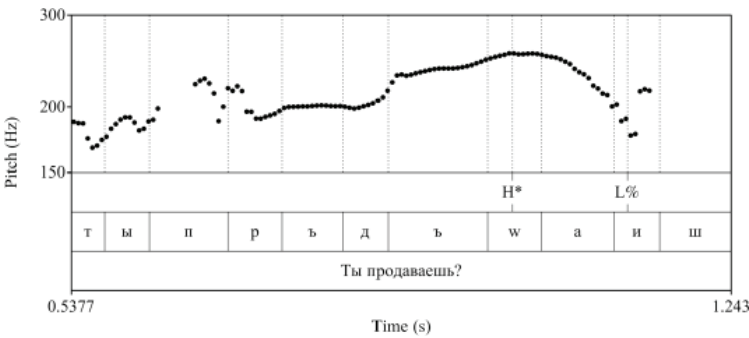

Рис. 2.19. Кривая ЧОТ общего вопроса *Ты продаваешь?* (AAD1926)

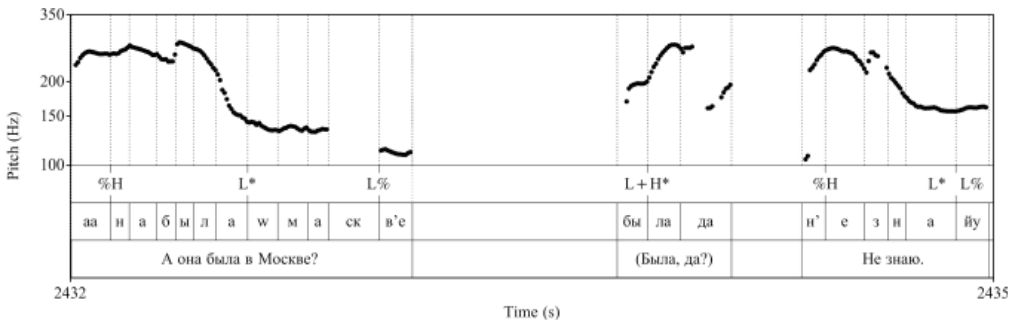

Рис. 2.20. Кривая ЧОТ общего вопроса *А она была в Москве?* (ЕАЖ1935)

Рис. 2.21. Кривая ЧОТ общего вопроса *Вы картохи доели?* (АИФ1949)

— падение тона обычно заканчивается на первом заакцентном слоге, после чего сохраняется низкий (фразовый L-) тон вплоть до последнего слога во фразе (низкий пограничный тон, L%), см. выше рис. 2.5–2.8, 2.12–2.14, 2.17, 2.18.

Основываясь на приведенных выше данных, мы предлагаем интерпретировать тональный акцент общего вопроса в роговатском говоре не как восходящий (битональный L*+N или L+N*), а как **монотональный N*** (ровный высокий).

Аргументами в пользу такого решения служат, во-первых, собственно фонетические особенности контура общего вопроса:

- подъем тона происходит не только на ударном слоге, а (в большинстве случаев) на всех предударных;
- тональный максимум может достигаться до начала ударного слога (11 % всех случаев);
- на ударном слоге фиксируется и нисходящее движение тона;
- наиболее стабильным элементом в пределах ударного слога является именно ровный высокий тон.

Во-вторых, имеются и собственно фонологические основания, связанные с характером оформления общего вопроса в русских диалектах. В автосегментно-метрической модели фразовой просодии базовыми вариантами восходящих акцентов являются L*+N и L+N*, где астериск маркирует тот тон, который наиболее стабильно ассоциируется с ударным слогом акцентоносителя [Arvaniti 2022]. Анализ тонального контура общего вопроса в западных среднерусских (новгородских, псковских, селигеро-торжковских) говорах показал, что в них тональный максимум восходящего акцента достигается раньше, чем в СРЛЯ: не в конце, а в середине ударного гласного акцентоносителя [Князев, Дьяченко 2023а; 2023б; 2023в], см. также табл. 1; этот акцент описывается как L+N* (см. рис. 2.22). В других говорах (например, белозерских) тональный максимум восходящего акцента общего вопроса достигается в конце ударного слога, но повышение тона начинается гораздо позже, чем в СРЛЯ и западных среднерусских говорах — не в начале согласного инициали ударного слога (см. рис. 2.1, 2.2, 2.22), а со второй четверти ударного гласного [Князев, Дьяченко 2023г] (см. рис. 2.23). Это акцент L*+N. Тональный акцент общего вопроса в Роговатке явным образом отличается как от того, что представлен в белозерских говорах, так и от того, который зафиксирован в новгородских, псковских и селигеро-торжковских. Считаем поэтому, что наиболее адекватным его отражением в фонологически ориентированной интонационной нотации является N*. Весь мелодический контур общего вопроса фонетически представляет собой структуру %M N* L- L%; фонологически — %L N* L%⁸.

⁸ Фразовый тон в Роговатом, по-видимому, не является фонологическим.

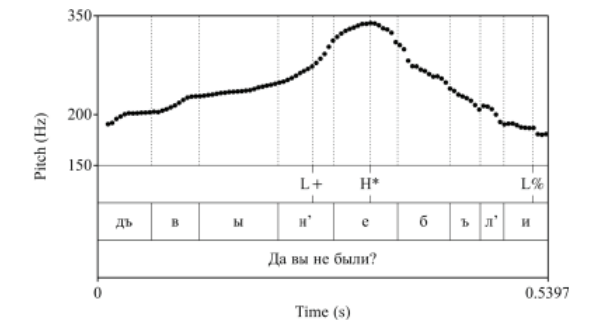

Рис. 2.22. Кривая ЧОТ общего вопроса *Да вы не были?*
(ЗВП1927, село Ильинское Вышневолоцкого района Тверской области)
[Князев, Дьяченко 2023б]

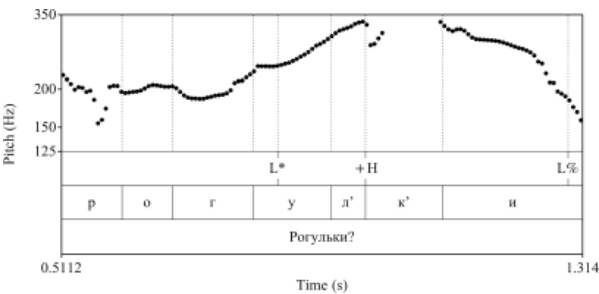

Рис. 2.23. Кривая ЧОТ общего вопроса *Рогульки?*
(ЛФ1932, д. Ульяновкино Белозерского р-на Вологодской обл.) [Князев, Дьяченко 2023г]

Таблица 1

Основные различия тональных акцентов общего вопроса в СРЛЯ, Роговатом, архангельских, новгородских, псковских, селигеро-торжковских и белозерских говорах

	СРЛЯ	Блзр.	Арх. ⁹	Новг.	Пск.	Сел.-Т.	Рого
Отрезок ударного гласного до точки тонального максимума	97 %	96 %	48 %	47 %	43 %	42 %	13 %
Тайминг восходящего акцента	поздний	поздний	ранний	ранний	ранний	ранний	сверх-ранний
Начало восходящего движения тона (ЛТР) ¹⁰	С	V	С	С	С	С	п/у
Тональный акцент	(L+H) ^{*11}	L*+H	(L+)H*	(L+)H*	(L+)H*	(L+)H*	H*

⁹ По [Князев 2022а].
¹⁰ С — на согласном инициали ударного слога; V — на ударном гласном, п/у — на предупдарных слогах.
¹¹ О фонологической интерпретации литературного тонального акцента общего вопроса в свете диалектных данных см. [Князев 2024].

Укажем в заключение этого раздела, что мы не дифференцируем переспросы (рис. 2.24–2.26) от собственно вопросов — их тональное оформление в говоре, по-видимому, не отличается.

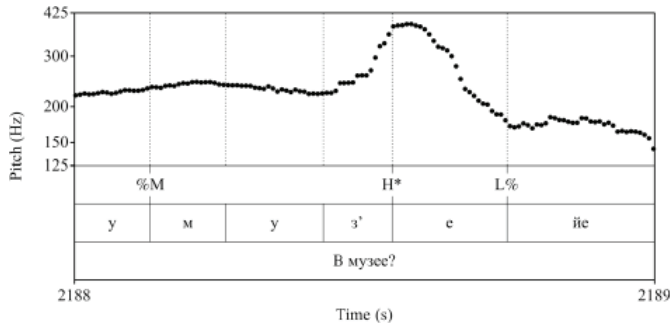

Рис. 2.24. Кривая ЧОТ переспроса *В музее?* (МПЮ1928)

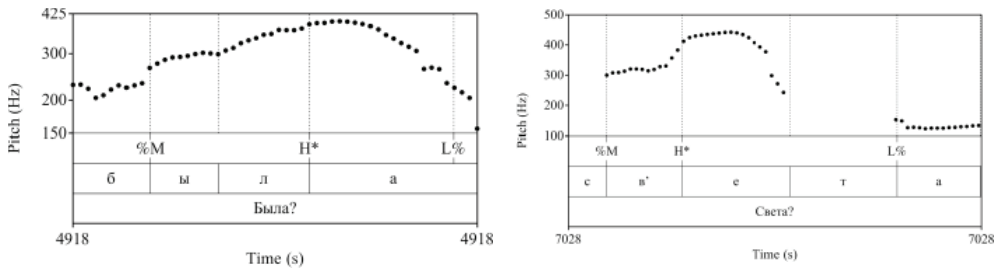

Рис. 2.25. Кривая ЧОТ переспроса: слева — *Была?*; справа — *Света?* (ЕАЖ1935)

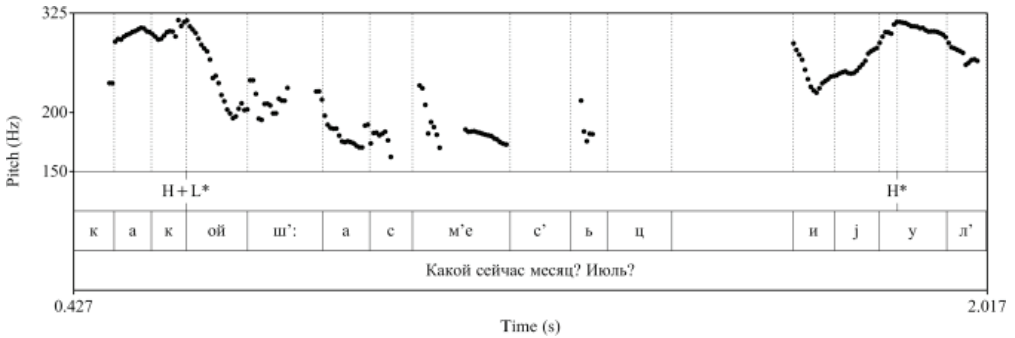

Рис. 2.26. Кривая ЧОТ переспроса *Какой сейчас месяц? Июль?* (ААД1926)

3. Утвердительные предложения

В отличие от общего вопроса, утверждение — как нейтральное (ИК-1), так и ненейтральное (ИК-2) — маркируется в СРЛЯ нисходящим движением тона в центре ИК [Брызгунова 1980: 109–111]. Основное различие между этими двумя типами заключается в тайминге нисходящего тонального движения [Odé 1989; Игараши 2002; Igarashi 2005]: в случае ИК-1 падение тона происходит раньше (в инициали ударного слога акцентоносителя),

чем в случае ИК-2 (на ударном гласном, иногда продолжается на заакцентных слогах) — см. рис. 3.1.

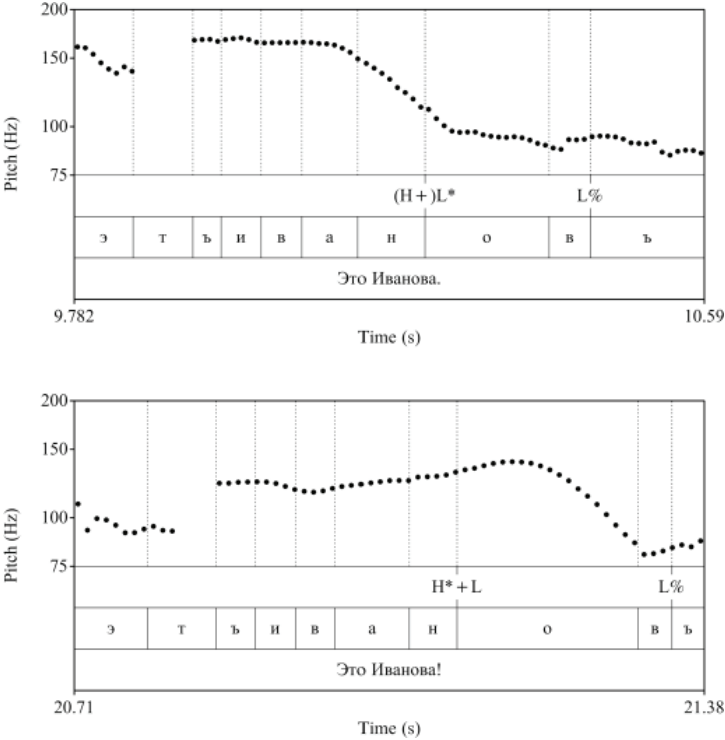

Рис. 3.1. Вверху: кривая ЧОТ фразы *Это Иванова* (нейтральное утверждение, ИК-1, СРЛЯ);
внизу: кривая ЧОТ фразы *Это Иванова!* (ненейтральное утверждение, ИК-2, СРЛЯ)

В автосегментно-метрической интерпретации консенсуса относительно стандарта фонологической записи этих тональных акцентов СРЛЯ пока нет, и различие между ними может трактоваться по-разному:

- как противопоставление двух битональных нисходящих акцентов — $H+L^*$ и H^*+L [Igarashi 2005],
- как оппозиция битонального и монотонального акцентов —
 - низкого L^* и нисходящего $H+L^*$ [Makarova 2003; 2007] либо
 - нисходящего $H+L^*$ и высокого H^* [Igarashi 2006; Rathcke 2017].

Более подробно эти различия в трактовке приведены ниже в табл. 2. Как видим, для интонационной системы СРЛЯ в рамках одного фонологического описания¹² предполагается наличие как минимум двух битональных (скользящих, контурных) акцентов — восходящего и нисходящего, возможно — трех (восходящего и двух нисходящих), причем именно последний вариант является наиболее распространенным¹³.

¹² С учетом того факта, что восходящий акцент мелодического контура ИК-6 идентичен акценту ИК-3 [Odé 2005], как и восходящее движение тона в ИК-5 [Дурягин 2021: 152–153], а нисходящий акцент ИК-4 и ИК-5 — нисходящему акценту ИК-1 [Янко 2008: 248; Дурягин 2021: 152].

¹³ “Recent investigations of Russian intonation are mostly inspired by the autosegmental-metrical model and the possibility of reducing the intonational phonology to a small number of contrasts. In this

Таблица 2

Фонологическая трактовка основных тональных акцентов СРЛЯ

	Нейтральное утверждение	Вопрос с вопросительным словом, узкий фокус	Общий вопрос
Брызгунова 1980	ИК-1 нисходящий	ИК-2 нисходящий или высокий	ИК-3 восходящий
Odé 1989	F– (нисходящий, ранний тайминг)	F+ (нисходящий, поздний тайминг)	R (восходящий)
Odé 2007, 2008 (TORI)	L*	HL*	LH*
Йокояма 2003	(LH +) HL	HL	LH
Makarova 2003; 2007	L*	H+L*	
Игараша 2002, Igarashi 2005, 2006	H+L*	H*+L или H*	L+H*
Meyer, Mleinek 2006		H*+L	
Янко 2008			L*+H
Rathcke 2006, 2017	H+L*	H*+L или H*	L*+H
Дурыгин 2021, 2022		H*+L	L*+H
Князев 2024			(L+H)*

Примеры утвердительных предложений из Роговатого приведены ниже на рис. 3.2–3.20. На рис. 3.2–3.17 представлены фразы с одним тональным акцентом, на рис. 3.18–3.20 с двумя (тематическим и рематическим).

На первый взгляд может показаться, что утверждение в Роговатом оформляется нисходящим движением тона с высокого уровня на ударном гласном акцентоносителя с последующим ровным низким до конца фразы (см. рис. 3.2).

Рис. 3.2. Кривая ЧОТ фразы *Маленькая хатка была* (ЕАЖ1935)

framework, phonological categories of pitch peaks in Russian may be expressed in terms of the following three tone accents: H(+)*L**, H*(+)*L* and *L**(+)*H*, which are primarily related to the basic linguistic functions of a simply statement, a statement with contrastive emphasis and a question, respectively” [Rathcke 2006: 68].

Однако и в этом случае такой тип тонального акцента представлен в говоре только на ударном слоге, который является начальным во фразе. В примерах с одним тональным акцентом, содержащих преакцентные слоги, наблюдается иная картина:

- фраза в подавляющем большинстве случаев **начинается с высокого тона** или с резкого повышения на первых 1-2 сегментах вне зависимости от места ударного слога;
- в случае если ударный слог является вторым во фразе, на нем отмечается либо (1) понижение тона с последующим ровным низким (рис. 3.3), либо (2) ровный низкий тон (рис. 3.4, 3.5);

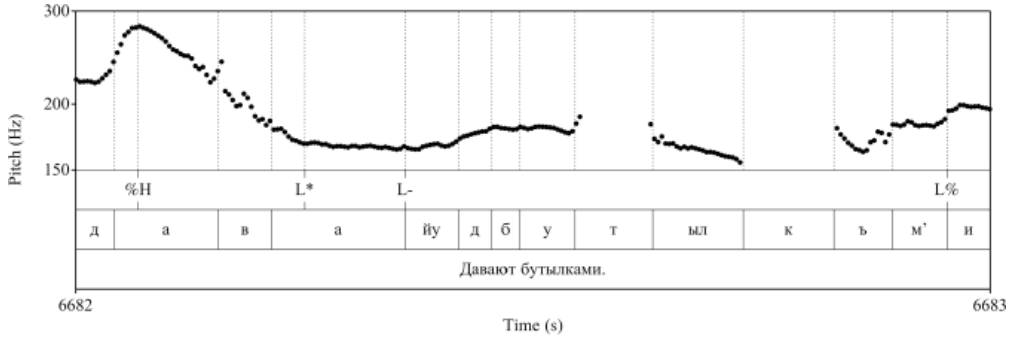

Рис. 3.3. Кривая ЧОТ фразы *Давают бутылками* (ААД1926)

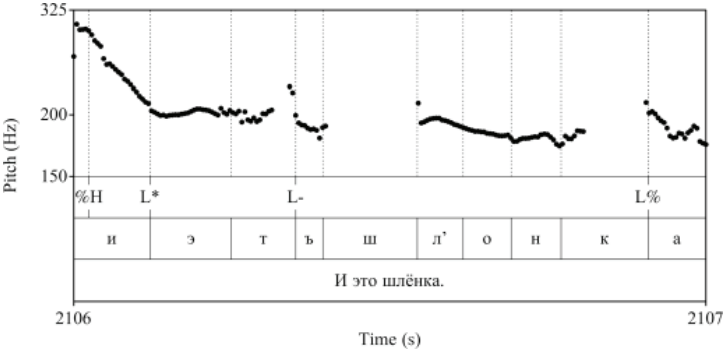

Рис. 3.4. Кривая ЧОТ фразы *И это шлёнка* (МПЮ1928)

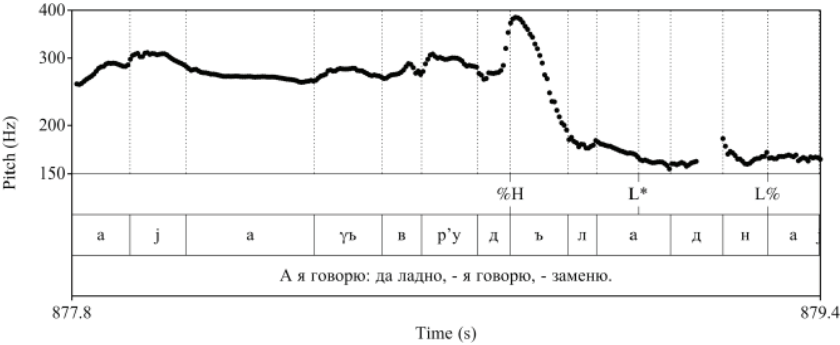

Рис. 3.5. Кривая ЧОТ фразы *А я говорю: «Да ладно»* (ЕАЖ1935)

— в случае если ударный слог акцентоносителя третий (или далее) во фразе, тон на нем **ровный низкий** (рис. 3.6–3.9);

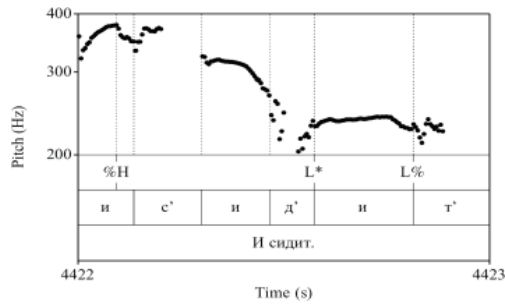

Рис. 3.6. Кривая ЧОТ фразы *И сидит.* (ААД1926)

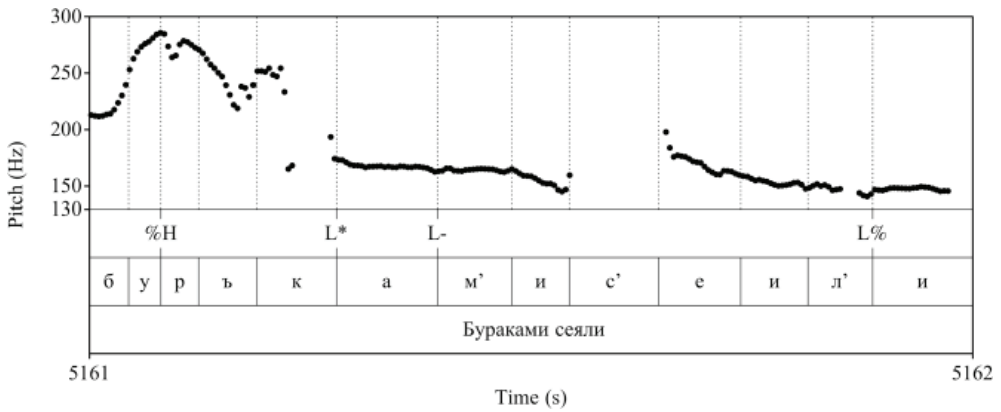

Рис. 3.7. Кривая ЧОТ фразы *Бураками сеяли* (ЕАЖ1935)

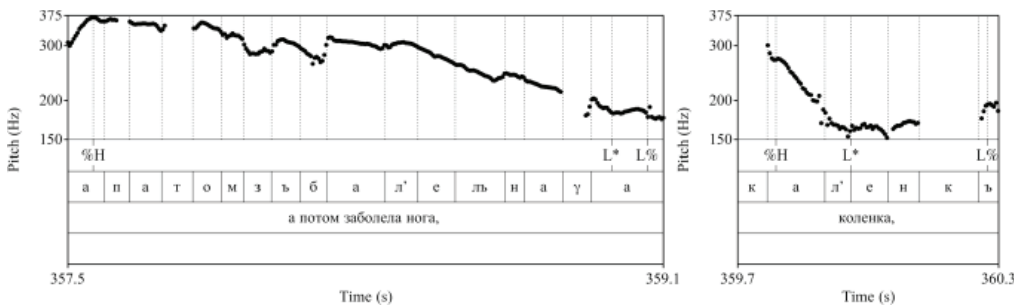

Рис. 3.8. Кривая ЧОТ фразы *А потом заболела нога — коленка* (ААД1926)

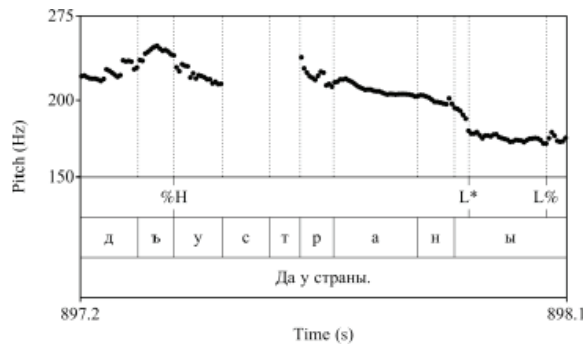

Рис. 3.9. Кривая ЧОТ фразы *Да у страны* (АИФ1949)

— на всех предударных слогах акцентоносителя (кроме первого во фразе) наблюдается падение тона (параллельно тому, как в общем вопросе на всех предударных слогах фиксируется повышение ЧОТ), см. рис. 3.10–3.12;

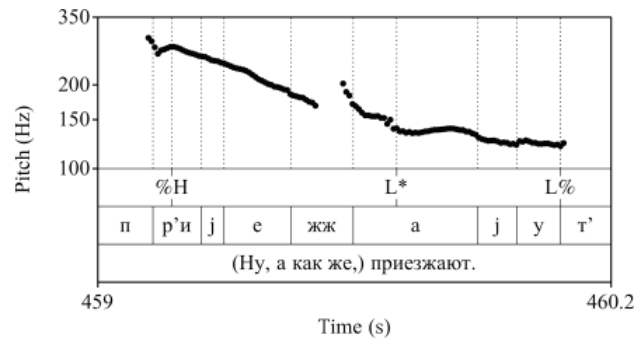

Рис. 3.10. Кривая ЧОТ фразы *Приезжают* (ПИТ1932)

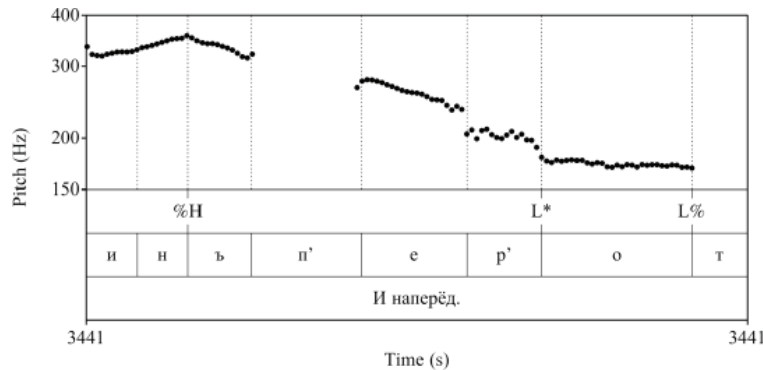

Рис. 3.11. Кривая ЧОТ фразы *И наперёд* (ААД1926)

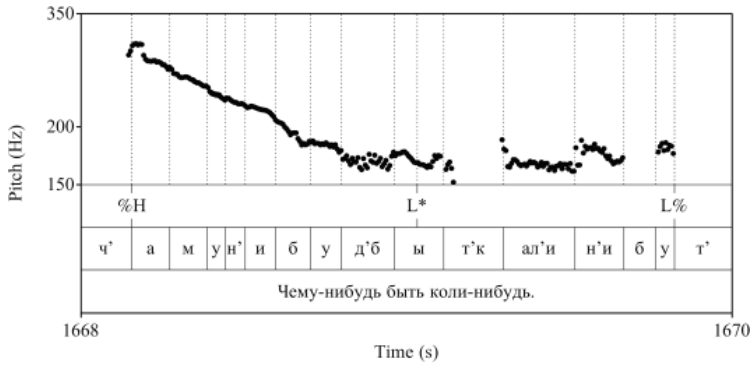

Рис. 3.12. Кривая ЧОТ фразы *Чему-нибудь быть коли-нибудь* (ААД1926)

— на всех заакцентных слогах сохраняется ровный низкий тон, см. рис. 3.13, 3.14:

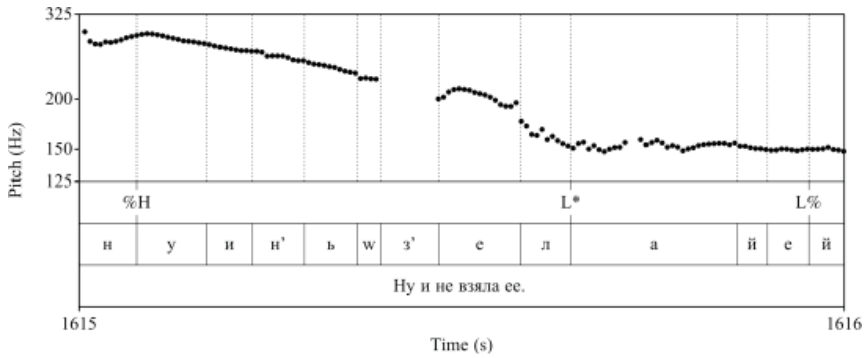

Рис. 3.13. Кривая ЧОТ фразы *Ну и не взяла ее* (АИФ1949)

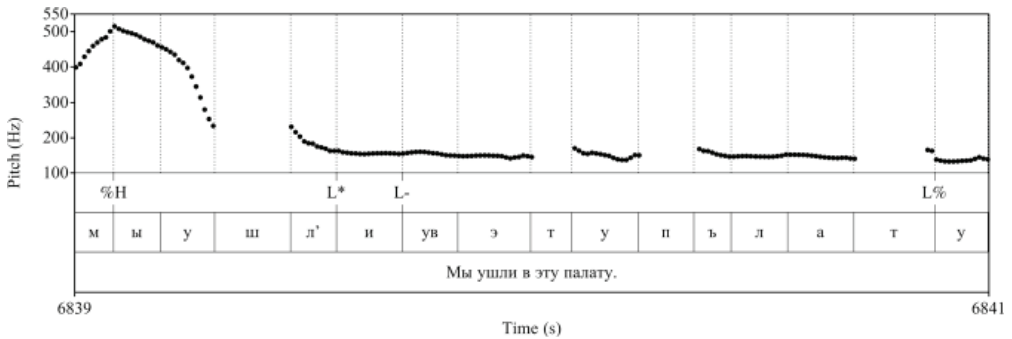

Рис. 3.14. Кривая ЧОТ фразы *Мы ушли в эту палату* (ЕАЖ1935)

— различий между нейтральным и ненейтральным (рис. 3.15–3.17) утверждением не наблюдается:

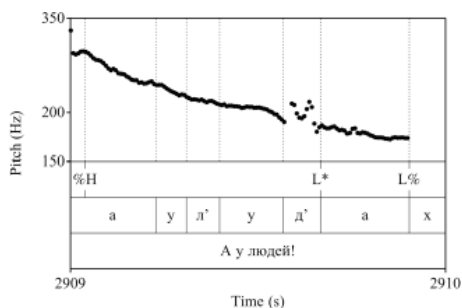

Рис. 3.15. Кривая ЧОТ фразы *А у людей!* (ААД1926)

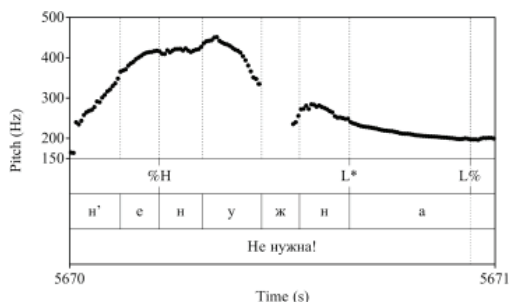

Рис. 3.16. Кривая ЧОТ фразы *Не нужна!* (ЕАЖ1935)

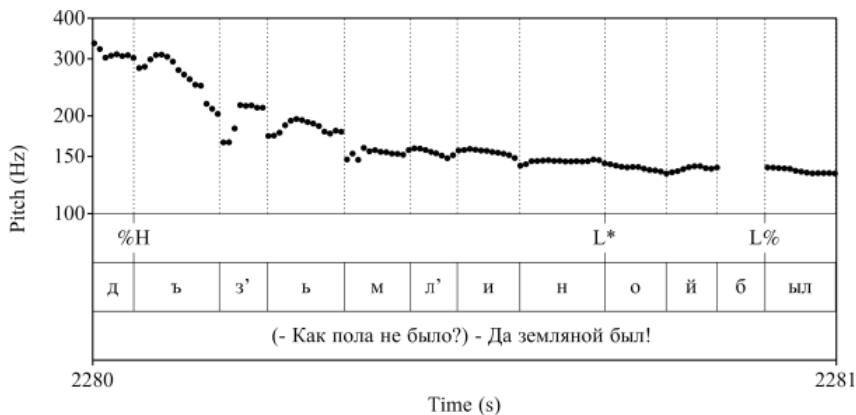

Рис. 3.17. Кривая ЧОТ фразы *Да земляной был!* (ЕАЖ1935)

Приведенные выше данные свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что фонологически тональный акцент утвердительных предложений в Роговатом представляет собой **ровный низкий тон** (L^*), наиболее близкий тональному акценту $H+L^*$ ИК-1 СРЛЯ. Однако в литературном языке тональное оформление слога-акцентоносителя не зависит от его места во фразе: вне зависимости от количества преакцентных слогов падение тона происходит на согласном инициали и первой трети ударного гласного (см. рис. 3.18).

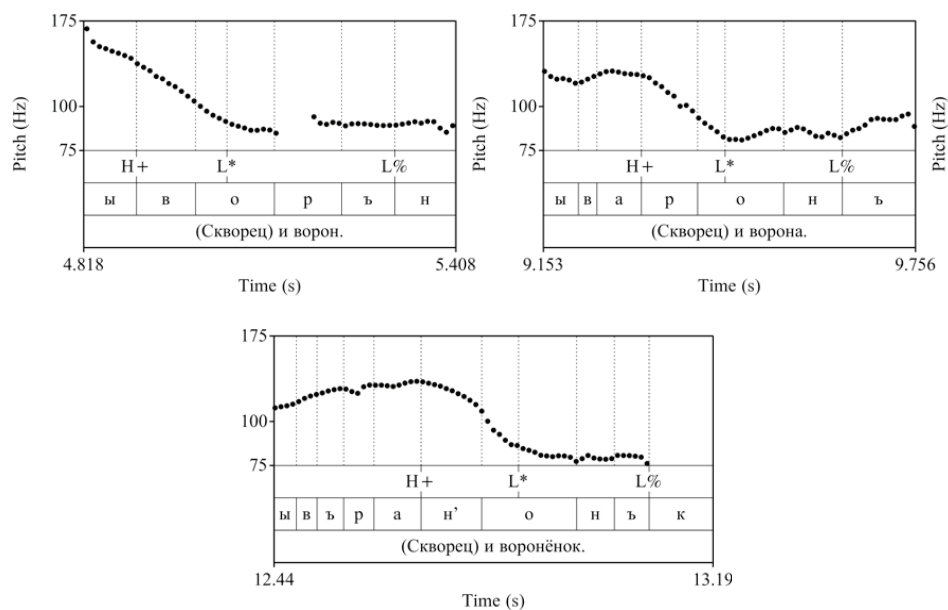

Рис. 3.18. Кривая ЧОТ слов *ворон*, *ворона*, *воронёнок* (ИК-1, СРЛЯ)

В говоре же, наоборот, подобная зависимость имеет место: нисходящий тон на ударном слоге выделенного слова наблюдается в абсолютном начале фразы, реже при наличии одного предударного слога, еще реже — при наличии двух; если таких слогов еще больше, тон слога-акцентоносителя всегда ровный низкий. Таким образом, мелодический контур утверждения в Роговатке существенно отличается от ИК-1 — **наличием высокого начального пограничного тона** и распространением нисходящего движения ЧОТ на всю преакцентную часть (а не на начало ударного слога, как в СРЛЯ). Тем самым, соответствующие мелодические контуры мы анализируем как (%L) H+L* L% (СРЛЯ) и %H L* L% (Роговатое).

Отметим, что сходный, если не идентичный, тип просодического оформления фразы еще более 100 лет назад был зафиксирован Олафом Броком в архаическом слое южнорусского калужского диалекта в 550 км от Роговатки: «*Старинный* же образъ рѣчи соединяется съ своеобразной интонаціей, ярко характеризующій говоръ и вообще рѣчь всей окрестности. Удареніе, падающее на первый слогъ слова, можно назвать высокотоннымъ и нисходящимъ (...) нисходящее движеніе продолжается также послѣ гласнаго, въ слѣдующемъ сонорномъ звукѣ (...)» А если удареніе лежитъ не на первомъ слогѣ, — типичная форма интонаціи такая, что слогъ *передъ* ударяемымъ имѣетъ высокий тонъ, между тѣмъ какъ ударяемый слогъ выговаривается на значительный интервалъ ниже» [Брок 1916: 7–8]. Этот факт позволяет сделать предположение о том, что, как минимум, в прошлом, такая интонация была характерна для многих южнорусских говоров.

Анализ утвердительных предложений с **двумя тональными акцентами** (рис. 3.19–3.21) позволяет сделать следующие заключения:

- первый (тематический) акцент маркируется высоким тоном (H*), фонетически этот тон может быть несколько более высоким, чем начальный высокий пограничный тон (рис. 3.19, 3.20); данный тональный акцент идентичен акценту общего вопроса, но мелодический контур в целом отличается характером начального пограничного тона: он высокий в утвердительных предложениях и средний (фонологически — низкий) в общих вопросах;

— второй (рематический) акцент идентичен акценту L* утвердительных предложений с одним акцентом.

Рис. 3.19. Кривая ЧОТ фразы *Коноплю я не видала* (ПИТ1932)

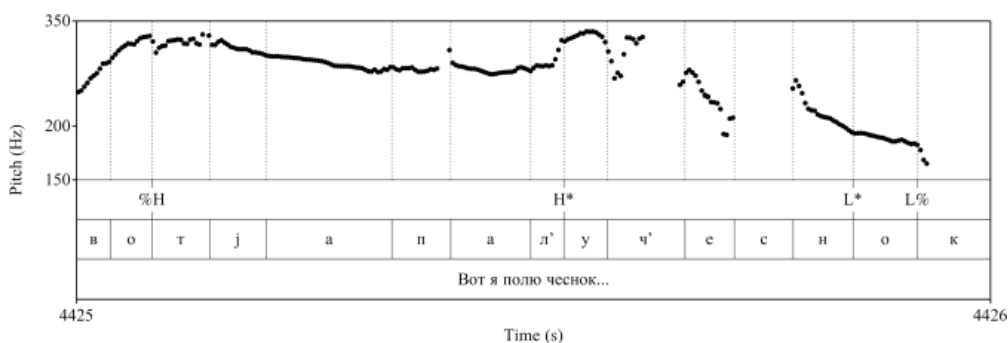

Рис. 3.20. Кривая ЧОТ фразы *Вот я полюблю чеснок* (ААД1926)

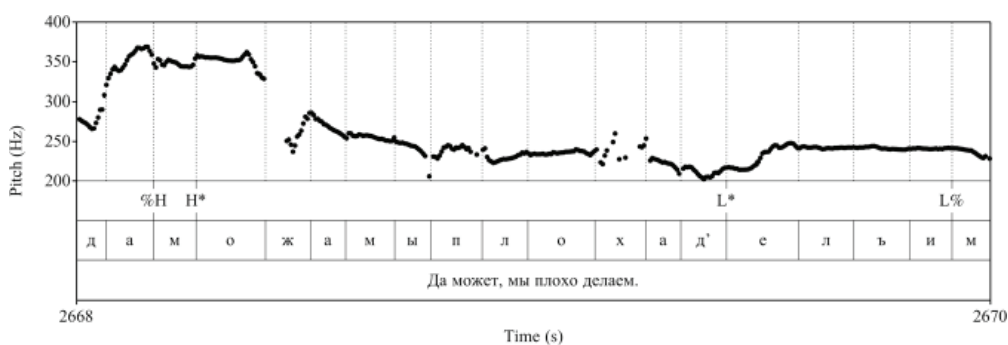

Рис. 3.21. Кривая ЧОТ фразы *Да может, мы плохо делаем* (ААД1926)

Приведенные выше факты свидетельствуют, на наш взгляд, во-первых, о наличии фонологического противопоставления высокого и низкого начальных пограничных тонов в говоре Роговатого; во-вторых — о принципиально ином по сравнению с литературным русским языком устройстве интонационной системы этого говора — его ориентации

на уровневые (ровные низкий и высокий), а не на скользящие (нисходящий и восходящий) тоны в качестве основы этой системы.

Отметим в заключение этого раздела, что мелодические контуры общего вопроса и нейтрального утверждения, реализованные на словах с начальным ударением (см. рис. 3.22), фонетически могут выглядеть практически одинаково (повышение + ровный тон + падение + ровный тон), но фонологически, как это можно видеть в примерах с более поздним расположением тонального акцента, представляют собой совершенно разные типы: %L H* L% и %H L* L% соответственно.

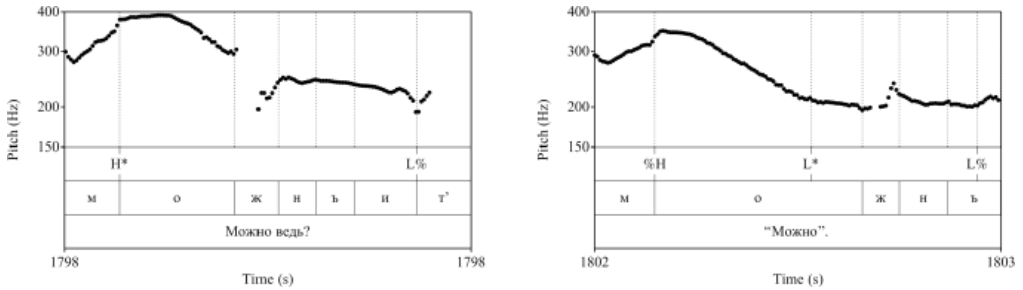

Рис. 3.22. Кривая ЧОТ фраз *Можно ведь? Можно* (ААД1926)

Аналогичным образом, почти полное фонетическое сходство наблюдается между ответными однословными диалогическими репликами в южнорусском (рис. 3.23) и севернорусском (рис. 3.24) говорах, реализующими контуры %H L* L% и L* H- L% соответственно.

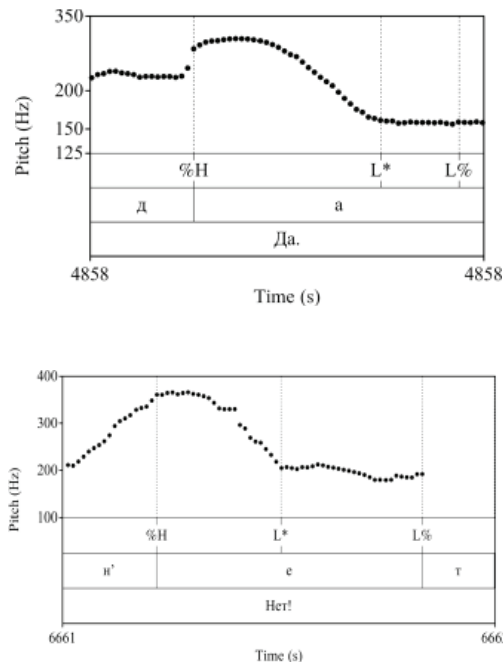

Рис. 3.23. Кривая ЧОТ фраз *Да* и *Нет!* (ЕАЖ1935)

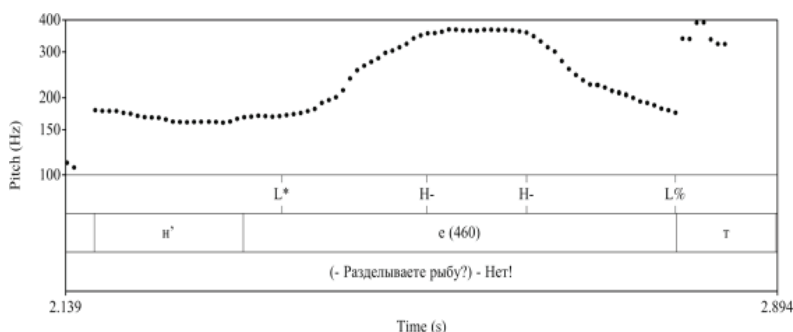

Рис. 3.24. Кривая ЧОТ фразы (*— Разделяете рыбу?*) — *Нет!*
д. Вадюга Архангельской обл.¹⁴

4. Вопрос с вопросительным словом

Основным способом оформления вопроса с вопросительным словом в современном русском литературном языке является нисходящий тональный акцент H^*+L в составе мелодических контуров ИК-2 и ИК-5 [Дурагин 2021].

Примеры оформления частных вопросов в говоре Роговатого приведены ниже на рис. 4.1–4.11. Их анализ свидетельствует о том, что в Роговатом наблюдается полное сходство между тональными структурами утвердительных и частновопросительных предложений. При реализации акцента на начальном во фразе слог он может быть принят за нисходящий (см. рис. 4.1).

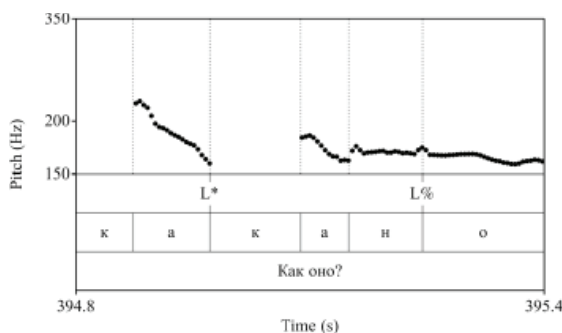
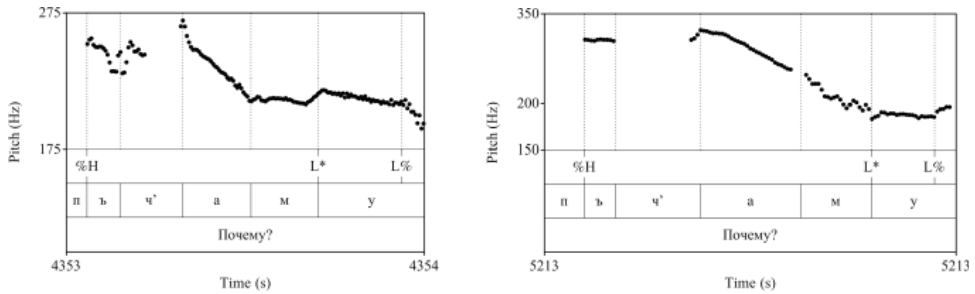
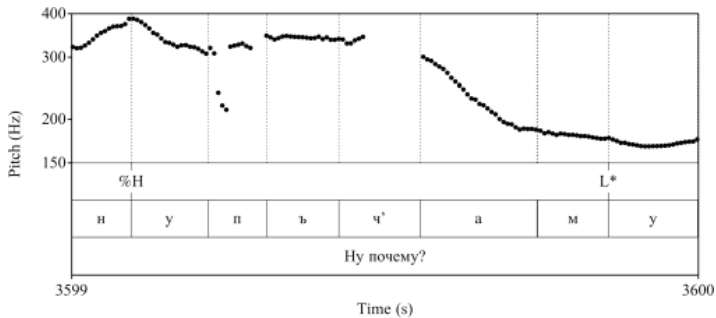

Рис. 4.1. Кривая ЧОТ частного вопроса *Как оно?* (ЕАЖ1935)

В случае наличия преакцентных слогов (см. рис. 4.2–4.6) становится очевидным, что — фраза начинается с высокого тона или с резкого повышения на первых 1-2 сегментах вне зависимости от места ударного слога;

¹⁴ Князев С. В. Корпус говоров бассейна Верхней Пинеги и Выи. 2021. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ. (Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/vaduga/>, дата обращения 10.04.2023.)

- на всех предупредных слогах акцентоносителя (кроме первого во фразе) наблюдается падение тона;
- в случае если ударный слог является не начальным во фразе, на нем обычно отмечается ровный низкий тон (в случае третьего и далее от начала ударного слога — начиная с согласного его инициали);
- ровный низкий тон сохраняется на заакцентных слогах.

Рис. 4.2. Кривая ЧОТ вопросов *Почему?* (ААД1926)Рис. 4.3. Кривая ЧОТ частного вопроса *Ну почему?* (ЕАЖ1935)Рис. 4.4. Кривая ЧОТ частного вопроса *Да кому же?* (АИФ1949)

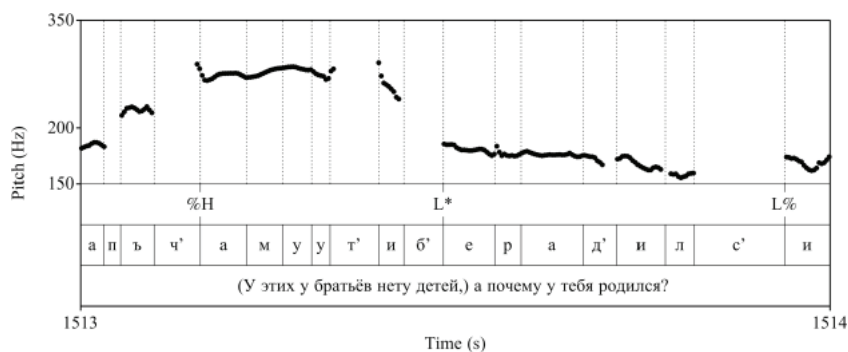

Рис. 4.5. Кривая ЧОТ частного вопроса *А почему у тебя родился?* (АИФ1949)

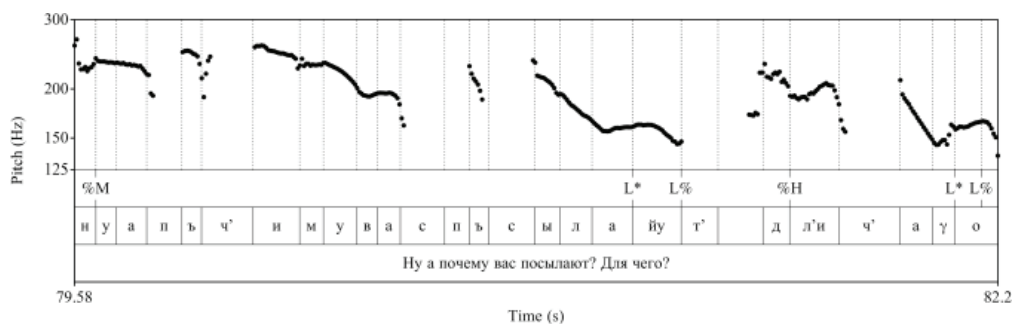

Рис. 4.6. Кривая ЧОТ вопросов *Ну а почему вас посылают? Для чего?* (МПЮ1928)

Таким образом, вопрос с вопросительным словом в Роговатом оформляется так же, как и утвердительные предложения — контуром %H L* L% (см. рис. 4.7).

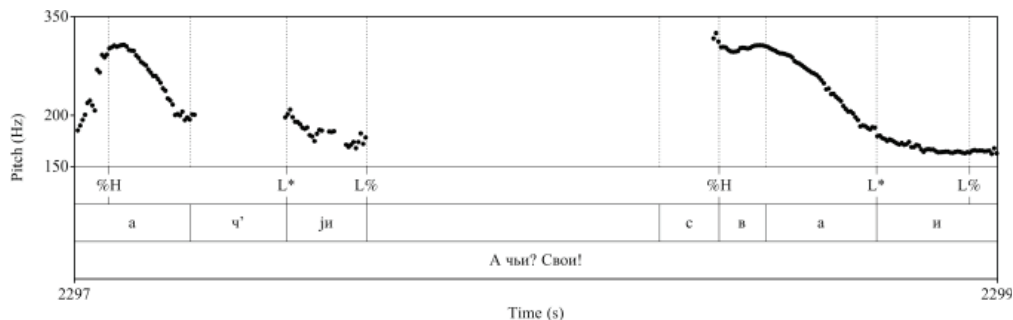

Рис. 4.7. Кривая ЧОТ фраз *А чьи? Свои!* (ААД1926)

5. Незавершенность

В современном русском литературном языке дискурсивная позиция незавершенности маркируется обычно контуром ИК-3, аналогичным контуру общего вопроса (восходящий тональный акцент, низкий пограничный тон, L*+H L%); значительно реже с этой целью

используются ИК-6 (восходящий акцент + высокий пограничный тон, $L^*+H\ N\%$) или ИК-4 (нисходящий или низкий + высокий пограничный тон, $(H^+)L^* N\%$) [Брызгунова 1980: 111, 114, 118]. Соответствующие примеры из Роговатого приведены ниже на рис. 5.1–5.11. Они свидетельствуют о том, что

— типичным способом оформления реплик со значением незавершенности в Роговатом, как и в СРЛЯ, является мелодический контур, идентичный контуру общего вопроса, в данном случае — $\%L\ H^*\ L\%$ с высоким ровным тоном на ударном гласном акцентоносителя и постепенным повышением со среднего (фонологически — низкого) на его предударных слогах (см. рис. 5.1–5.5);

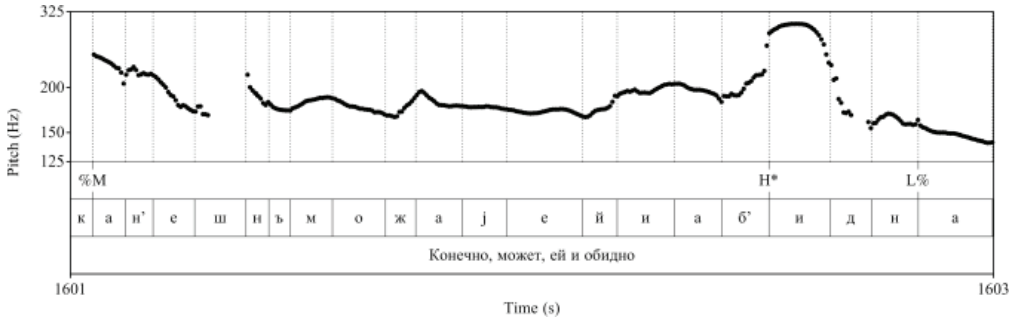

Рис. 5.1. Кривая ЧОТ фразы *Конечно, может, ей и обидно...* (ЕАЖ1935)

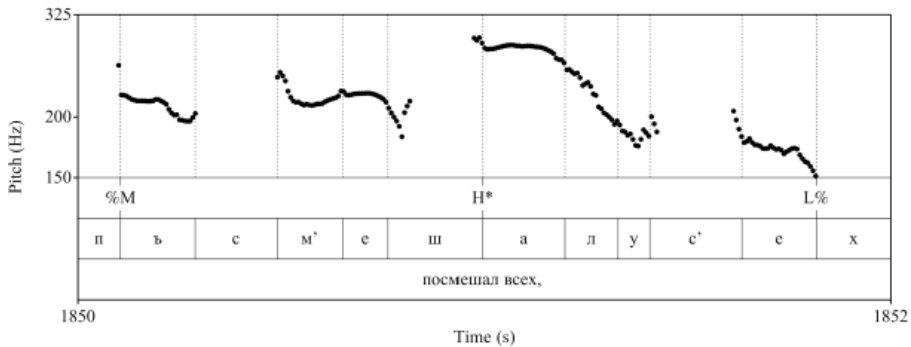
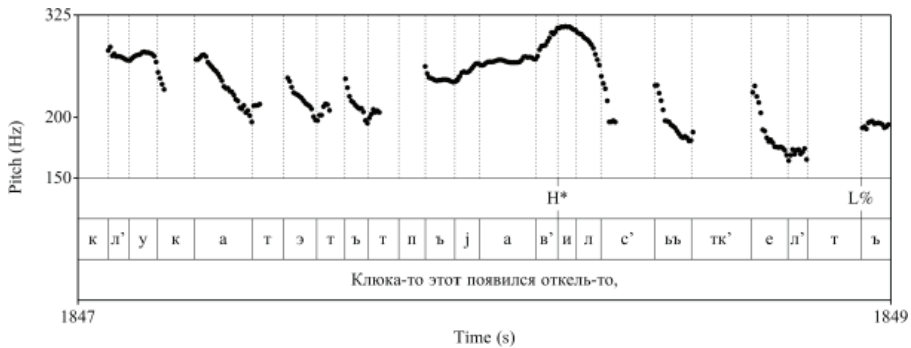

Рис. 5.2. Кривая ЧОТ фразы *Клюка-то этот появился отсель-то, посмешал всех,* (ААД1926)

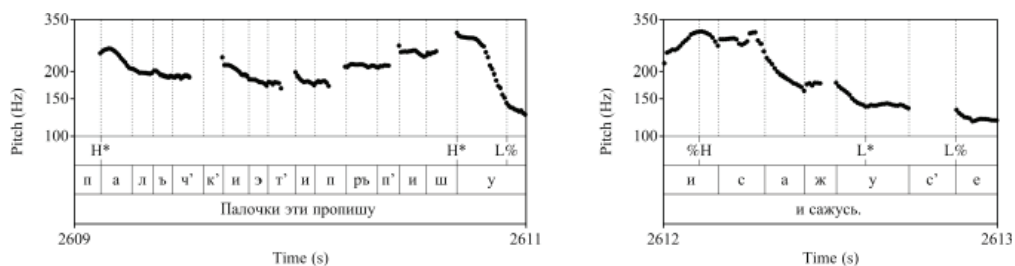

Рис. 5.3. Кривая ЧОТ фразы *Палочки эти пропишу—и сажусь* (ЕАЖ1935)

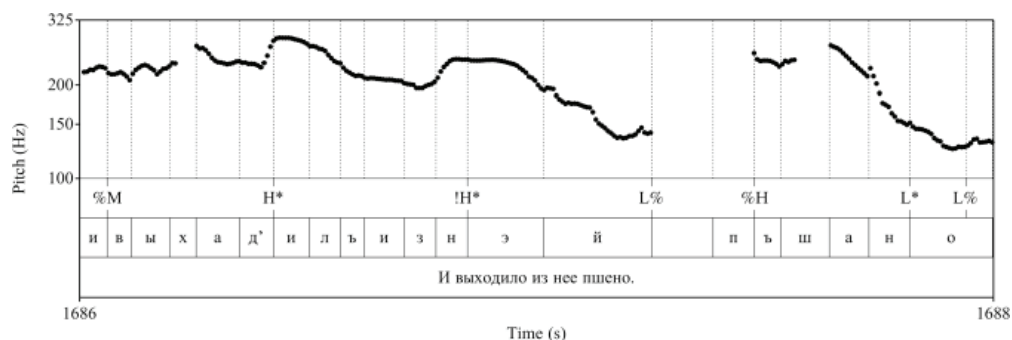

Рис. 5.4. Кривая ЧОТ фразы *И выходило из нее—пшено* (ЕАЖ1939)

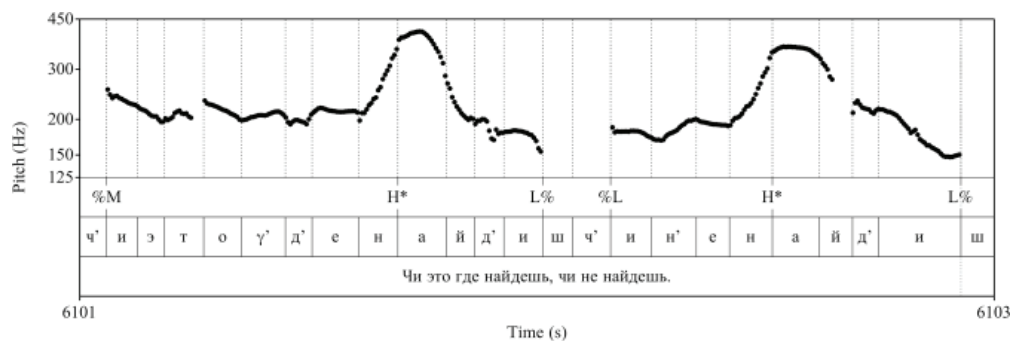

Рис. 5.5. Кривая ЧОТ фразы *Чи это где найдешь, чи не найдешь*. (ЕАЖ1935)

— другим вариантом, используемым преимущественно при перечислении, является контур, сходный с ИК-4 (см. рис. 5.6–5.8), причем тональный максимум чаще всего достигается на первом же заакцентном гласном и сохраняется до конечного слога во фразе — тем самым в данном случае можно поставить вопрос о наличии в просодической системе говора высокого фразового тона (Н-);

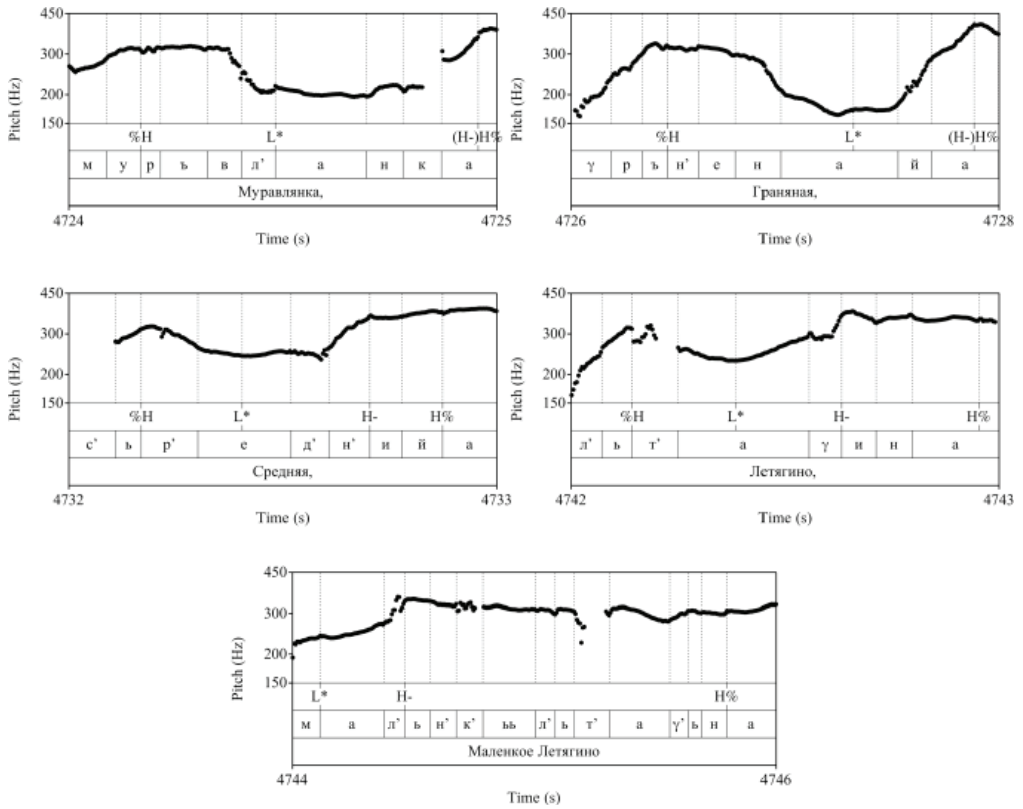

Рис. 5.6. Кривая ЧОТ фраз *Муравлянка*, *Граняная*, *Средняя*, *Летягино*, *Маленькое Летягино* (ЕАЖ1935)

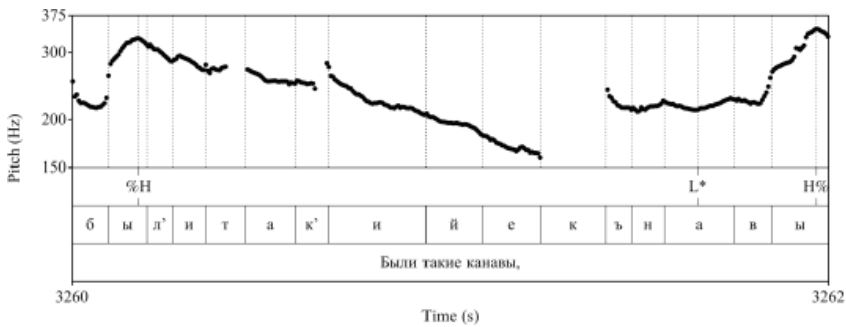

Рис. 5.7. Кривая ЧОТ фразы *Были такие каналы*, (ЕАЖ1935)

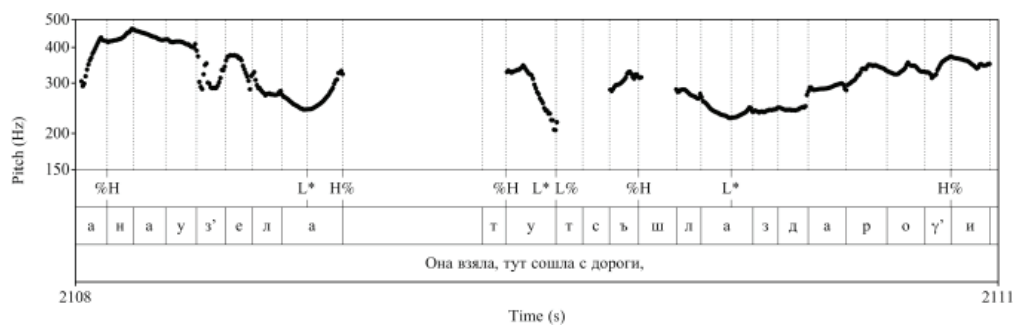

Рис. 5.8. Кривая ЧОТ фраз *Она взяла, тут сошла с дороги,* (ЕАЖ1935)

— наконец, в этой функции отмечен и контур, похожий на ИК-6, но с высоким, а не восходящим, акцентным тоном — Н* Н% (см. рис. 5.9–5.11).

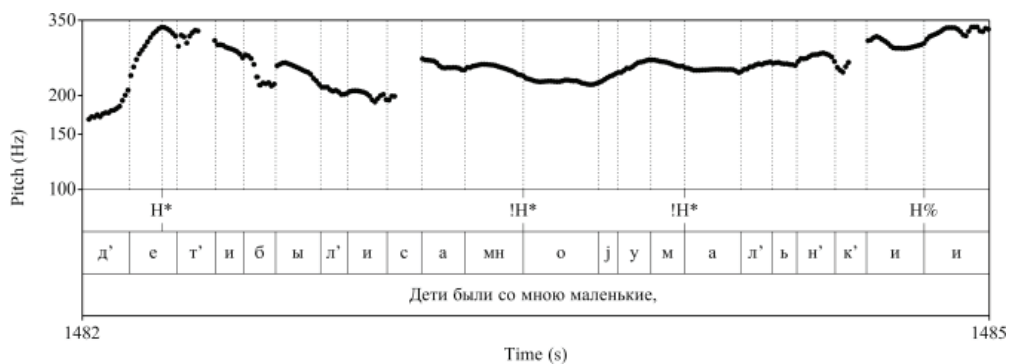

Рис. 5.9. Кривая ЧОТ фразы *Дети были со мною маленькие,* (ЕАЖ1935)

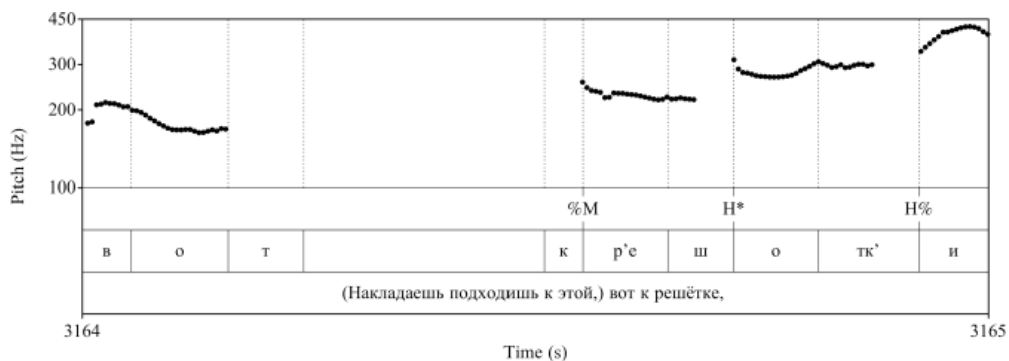

Рис. 5.10. Кривая ЧОТ фразы *(Накладываешь подходишь к этой,) вот к решётке,* (ЕАЖ1935)

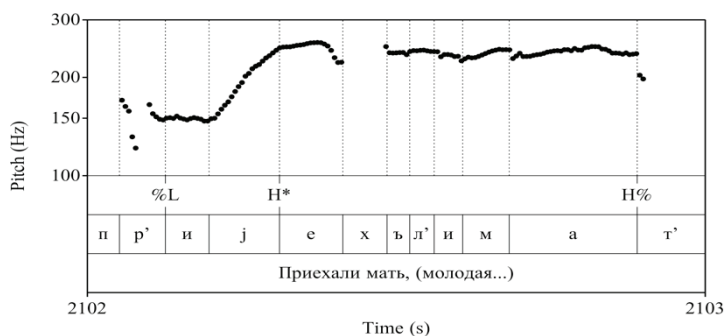

Рис. 5.11. Кривая ЧОТ фразы *Приехали мать...* (МРК1930)

Таким образом, в отношении принципов выбора типа мелодического контура для оформления незавершенности в говоре наблюдается картина, весьма сходная с СРЛЯ (с учетом отличия в типах тонального акцента: высокий тон в Роговатке и восходящий в литературном языке).

В заключение приведем примеры почти идентичных фраз *На Петровку* и *А в Петровку...*, оформленных интонацией завершенности и незавершенности соответственно (см. рис. 5.12).

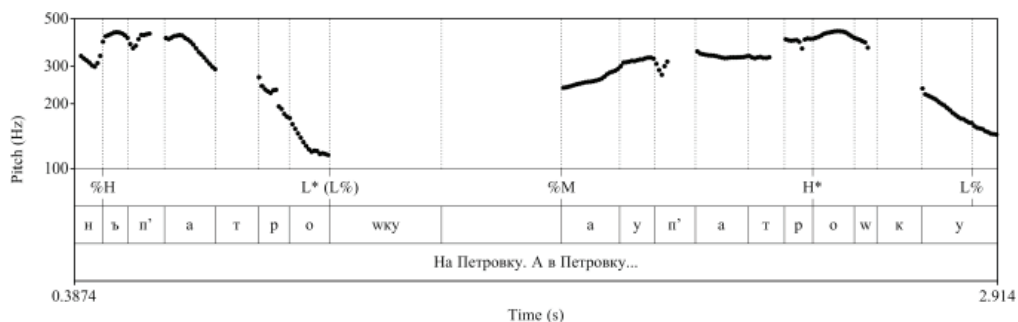

Рис. 5.12. Кривая ЧОТ фраз *На Петровку* и *А в Петровку...* (ЕАЖ1935)

6. Вокатив

Просодия вокативов в СРЛЯ подробно исследована С. В. Кодзасовым [Кодзасов 2009: 161–174]. Среди нейтральных обращений Кодзасов выделяет два основных типа:

- 1) «просьба на вступление в контакт», основной тип оформления — «восходящий акцент на ударном слоге и нисходящий акцент на конечном, промежуточные слоги, если они есть, имеют ровный тон» [Там же: 162], см. рис. 6.1;
- 2) обращения, характерные для «менее кооперативного общения», которые используются «для вступления в конфликтный диалог или для психологического дистанцирования от собеседника»; в этом случае «восходяще-нисходящее движение тона осуществляется внутри ударного слога независимо от наличия других слогов в слове» [Там же: 163], см. рис. 6.2.

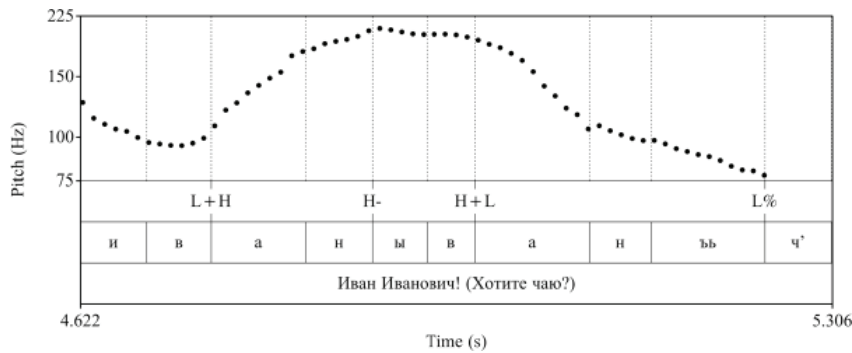

Рис. 6.1. Кривая ЧОТ фразы *Иван Иванович! (Хотите чаю?)*, СРЛЯ

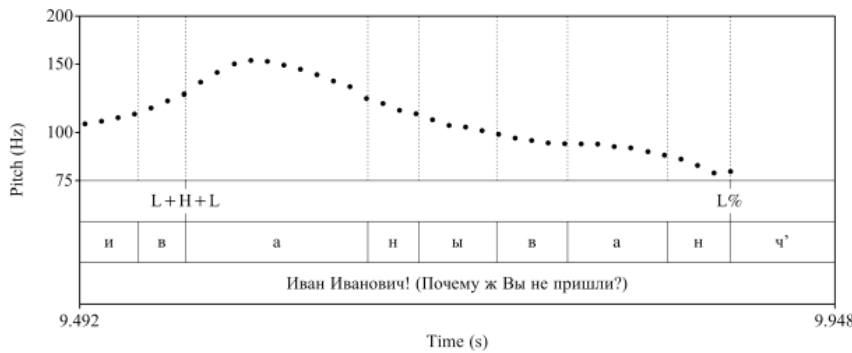

Рис. 6.2. Кривая ЧОТ фразы *Иван Иванович! (Почему ж Вы не пришли?)*, СРЛЯ

Примеры обращений из говора с. Роговатого приведены на рис. 6.3–6.16 (6.3–6.8 двусловные, 6.9–6.16 однословные). По всей видимости, все они относятся к группе 1, то есть представляют собой «просьбы на вступление в контакт».

Единственный (из общего числа 59) пример оформления обращения по типу СРЛЯ с восходящим тоном на ударном гласном, высоким на первом заударном и нисходящим на конечном заударном приведен на рис. 6.3, но в этом случае информант передает прямую речь внучки, живущей в городе.

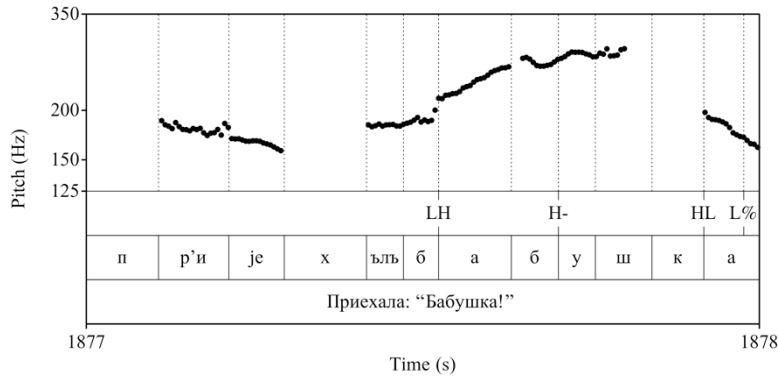

Рис. 6.3. Кривая ЧОТ фразы *Приехала: Бабушка!* (ПИТ1932)

В других случаях просодическое оформление вокативов в Роговатом отличается от литературного.

В двусловных обращениях тон между двумя ударными слогами всегда нисходящий, а не ровный, см. рис. 6.4, 6.5.

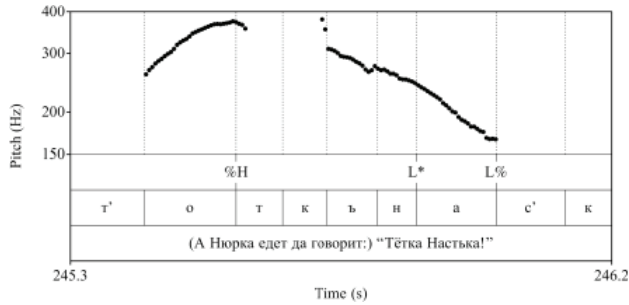

Рис. 6.4. Кривая ЧОТ фразы *Тётка Настька!* (ААД1926)

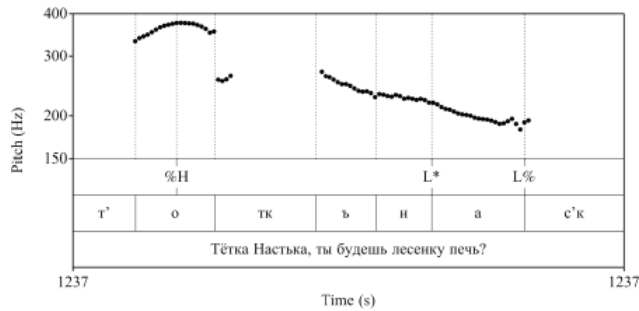

Рис. 6.5. Кривая ЧОТ фразы *Тётка Настька* (ААД1926)

В значительной части двусловных примеров (рис. 6.6–6.8) тон на втором ударном гласном явно низкий, а не нисходящий, что позволяет и в остальных случаях рассматривать его как фонологически низкий, реализованный нисходящим вследствие недостатка сегментного материала.

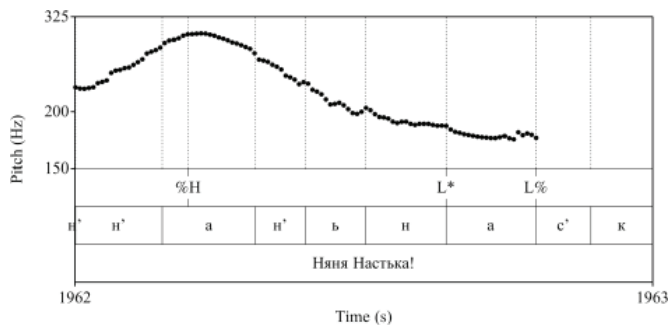

Рис. 6.6. Кривая ЧОТ фразы *Няня Настька!* (ААД1926)

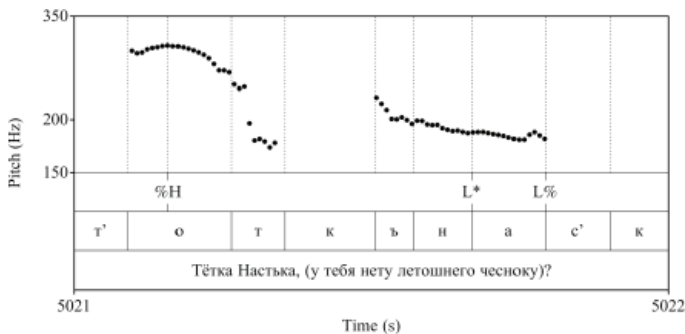

Рис. 6.7. Кривая ЧОТ фразы *Тётка Настька* (ААД1926)

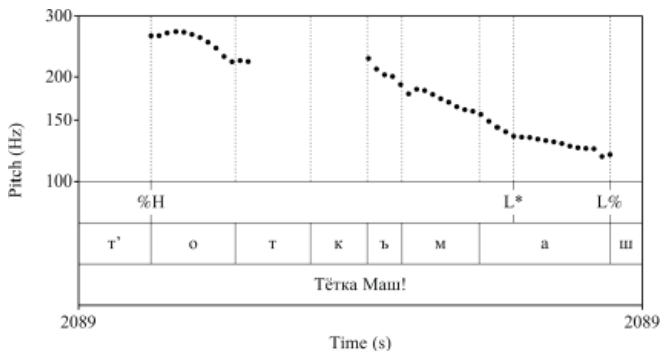

Рис. 6.8. Кривая ЧОТ фразы *Тётка Маш!* (МРК1930)

В примерах с предударными слогами в начале фразы повышение происходит не на ударном гласном, а на начальном во фразе втором предударном слоге, что типично для начальных пограничных тонов, а не для тональных акцентов (рис. 6.9, 6.10).

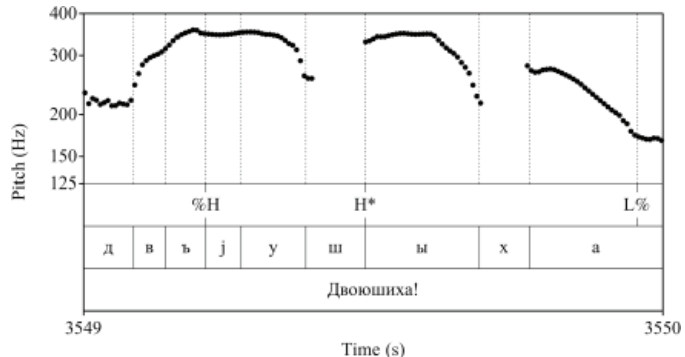

Рис. 6.9. Кривая ЧОТ фразы *Двоюшниха!* (МРК1930)

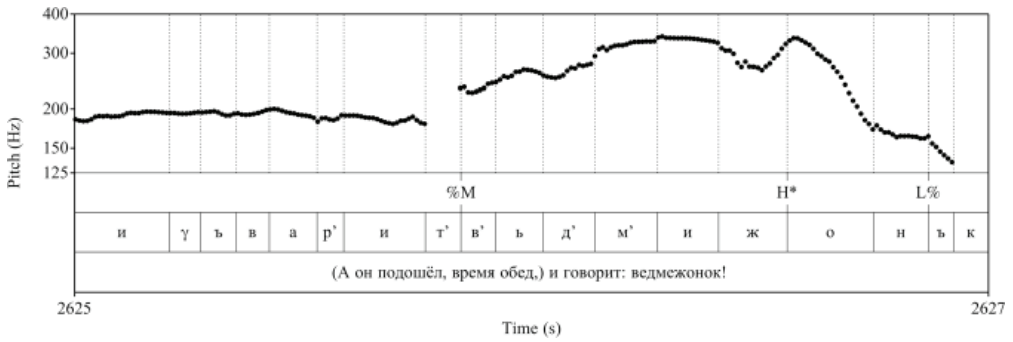

Рис. 6.10. Кривая ЧОТ фразы *и говорит: ведмежонок!* (ЕАЖ1935)

На основании всех этих данных мы склонны интерпретировать просодическое оформление двусловных примеров 6.4–6.8 как стандартный для говора мелодический контур %H L* L% с одним тональным акцентом.

Тот же контур имеет место в небольшой части (13 %) однословных вокативов (см. рис. 6.11), но гораздо чаще в этих случаях встречается фигура H* L% (рис. 6.12–6.16).

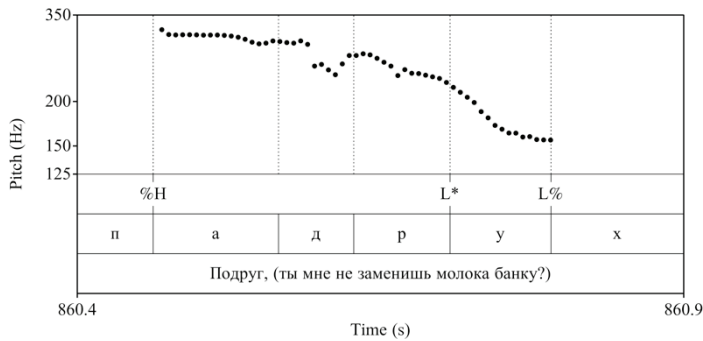

Рис. 6.11. Кривая ЧОТ фразы *Подруг* (ЕАЖ1935)

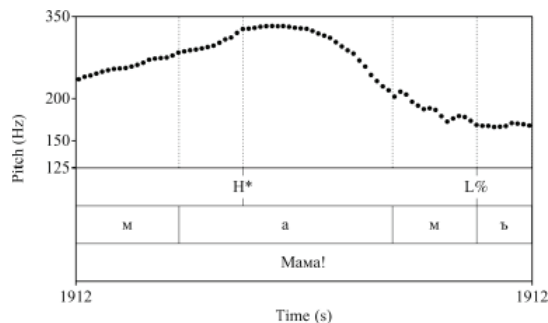

Рис. 6.12. Кривая ЧОТ фразы *Мама!* (AAD1926)

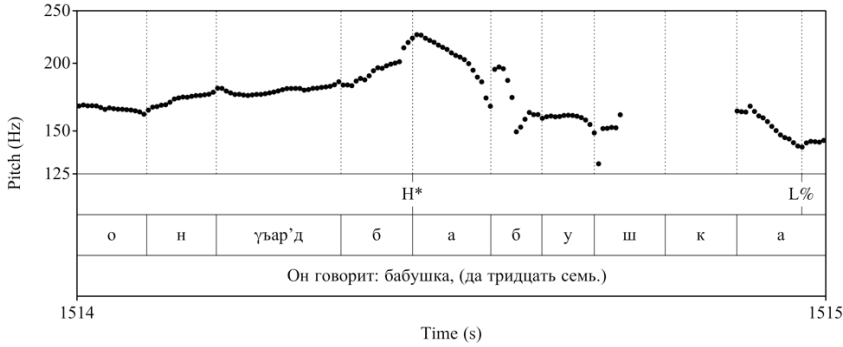

Рис. 6.13. Кривая ЧОТ фразы *Он говорит: Бабушка* (ЕАЖ1935)

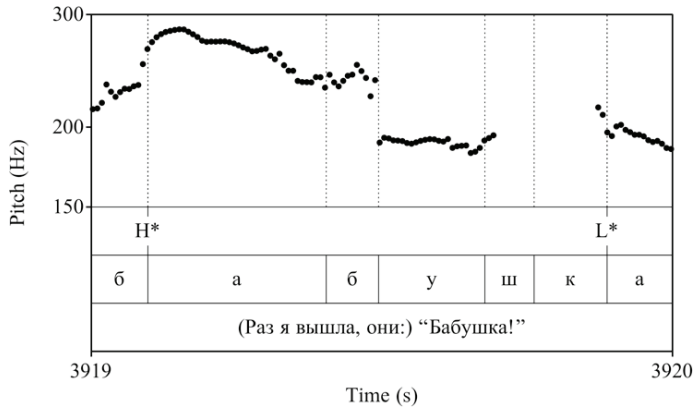

Рис. 6.14. Кривая ЧОТ фразы *Бабушка!* (ПИТ1932)

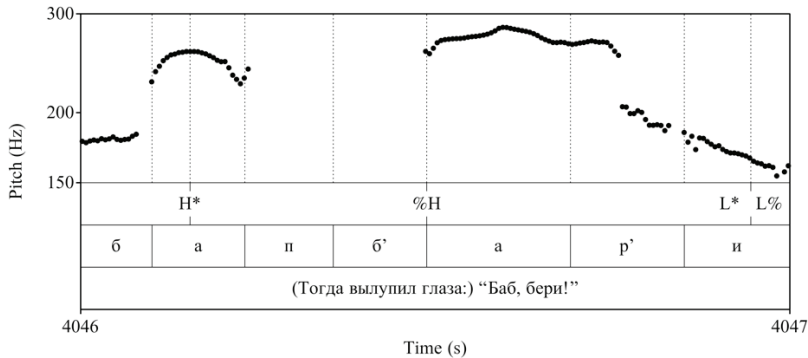
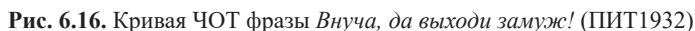

Рис. 6.15. Кривая ЧОТ фразы *Баб, бери!* (ПИТ1932)

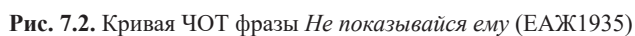

7. Императив

Сходи - посмотри, сколько времени.

cx a d' i n' ɤ s m a t p' i s k o k a v p' e m' ɤ

Рис. 7.1. Кривая ЧОТ фразы *Сходи — посмотри, сколько времени* (ЕАЖ1935)

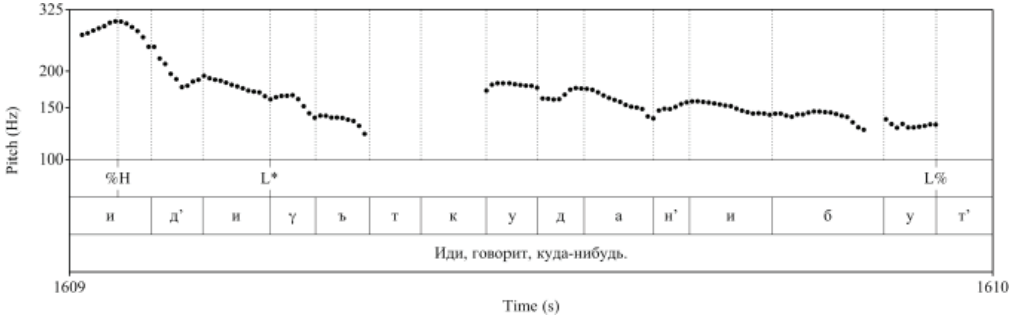

Рис. 7.3. Кривая ЧОТ фразы *Иди, говорит, куда-нибудь.* (ЕАЖ1935)

8. *A*-переспрос

Интонация частицы *A*, используемой при переспросе нерасслышанного в СРЛЯ, описана в [Кобозева, Захаров 2004] как подъем тона, который «имеет большую амплитуду, достигает верхнего уровня» [Там же: 296]. Эта интонация сходна с просодическим оформлением общего вопроса: восходящий тональный акцент с интервалом более октавы, тональный максимум которого достигается в конце ударного слога, и усечением конечного низкого пограничного тона (см. рис. 8.1).

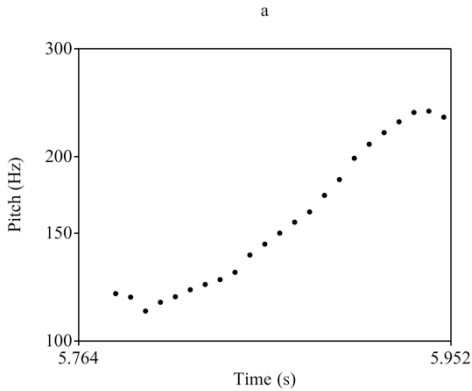

Рис. 8.1. Кривая ЧОТ *A*? переспроса нерасслышанного (СРЛЯ)

В нашем материале частица *A*? в этой функции встретилась 25 раз (22 из них — в речи ПИТ1932). Соответствующие примеры приведены ниже на рис. 8.2.

Как видно из представленных на рисунке 8.2 интонаграмм, *A*-переспрос в говоре оформляется иначе, чем в литературном языке: в абсолютном большинстве случаев тон на частице ровный, иногда с предшествующим небольшим (меньше полуоктавы) повышением, мы интерпретируем этот мелодический контур как %L Н*: низкий начальный пограничный тон + высокий тональный акцент.

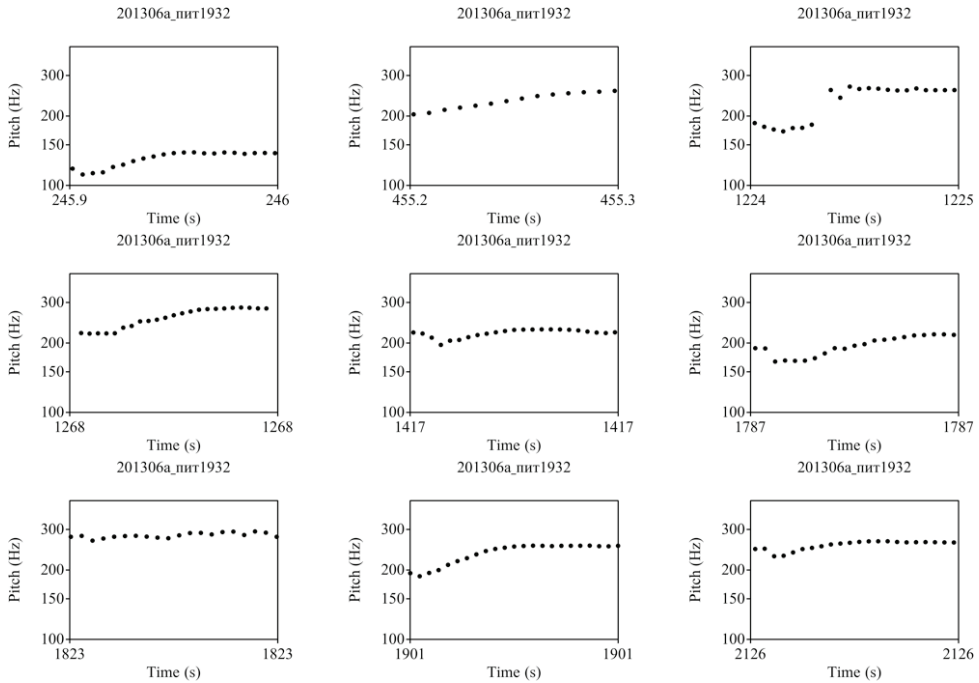

Рис. 8.2. Кривая ЧОТ А-переспросов (ПИТ1932)

Заключение

Приведенный выше материал позволяет, как представляется, с большой степенью уверенности утверждать, что основным отличием просодической системы южнорусского говора села Роговатого от литературной русской является ее ориентация на использование преимущественно ровных (уровневых) тонов — высокого и низкого, а не контурных (скользящих) восходящего и нисходящего, составляющих ядро интонационной системы СРЛЯ. Как показал наш анализ, просодическое оформление основных коммуникативных категорий может быть описано с использованием всего **двух монотональных акцентов — Н* и L***. Следует, впрочем, отметить, что и в литературном русском языке число собственно тональных акцентов не столь велико — их всего три, причем два из них или даже все три — контурные (см. выше п. 3).

Разнообразие базовых мелодических контуров, описанных исходно в работах Е. А. Брызгуновой, в СРЛЯ достигается при этом за счет сочетания тональных акцентов с двумя конечными пограничными тонами (по Брызгуновой — типы постцентра): высокого Н% и низкого L%¹⁵. Мы постулируем в говоре Роговатки те же **два конечных пограничных тона**, каждый из которых может сочетаться с любым из двух тональных акцентов. При этом фактов, позволяющих утверждать существование фонологического противопоставления разных фразовых тонов (Н- и L-), в ходе нашего анализа не обнаружено.

¹⁵ Конечно, не только за счет этого, но и другие просодические средства — как тональные (интервал тонального движения, диапазон и др.), так и нетональные (фонационные, артикуляционные и количественно-динамические) [Кодзасов 2009] — остаются пока за пределами нашего рассмотрения.

Одной из важнейших особенностей фразовой просодии Роговатки является достаточно редкое в типологическом отношении противопоставление **двух типов начальных пограничных тонов** — %Н и %L.

Сведения о базовом наборе тональных средств в Роговатке и СРЛЯ суммированы в табл. 3.

Таблица 3

Базовый набор тональных средств в говоре с. Роговатого и СРЛЯ

	СРЛЯ ¹⁶	Роговатое
Начальные пограничные тоны	—	%L, %Н
Тональные акценты	Н+L*, Н*+L, (L+Н)*¹⁷	L*, Н*
Фразовые тоны	—	—?
Конечные пограничные тоны	L%, Н%	L%, Н%

Если интерпретировать просодическую систему роговатовского говора в терминах интонационных конструкций [Брызгунова 1980], то, в соответствии с представленным выше анализом, ситуация в говоре следующая:

- контур, близкий ИК-1 СРЛЯ, в ней представлен, но при сходстве тональных акцентов отличается от литературного высоким тоном предцентра;
- тональный акцент типа ИК-2 отсутствует; можно думать, что это связано с тем, что контур с падением ЧОТ на ударном гласном используется для оформления общего вопроса;
- контуры, сходные с ИК-3 и ИК-6, представлены, но отличаются типом тонального акцента — Н* на месте (L+Н)* литературного языка (с подъемом тона на всей предударной части слова-акцентоносителя, а не на ударном слоге);
- мелодический контур типа ИК-4 имеется, отличие состоит в том, что тон в постцентре обычно повышается сразу после ударного слога;
- ИК-5 в СРЛЯ представляет собой комбинацию ИК-6 и ИК-1, соответственно, в говоре эта фигура отличается от литературной ровным высоким тоном на первом центре и падением до начала ударного гласного на втором.

Наконец, в заключение считаем необходимым отметить, что и в других русских говорах (северных и западных среднерусских) просодическая система в большей степени, чем это представлялось ранее, ориентирована на уровневые тоны [Князев 2022а; 2024; Князев, Дьяченко 2023а; 2023б].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Ter-Avanesova et al. 2018 — Ter-Avanesova A. V., Dyachenko S. V., Kolesnikova E. V., Malysheva A. V., Ignatenko D. I., Panova A. B., Dobrushina N. R. Corpus of Rogovatka dialect. Moscow: HSE University. <http://lingconlab.ru/rogovatka/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Брок 1916 — Брок О. Говоры к западу от Мосальска. Пг.: Тип. Императорской Академии наук, 1916. [Brok O. *Govory k zapadu ot Mosal'ska* [Dialects to the West of Mosal'sk]. Petrograd: Press of the Imperial Academy of Sciences, 1916.]

¹⁶ В нашей интерпретации, о других вариантах см. выше табл. 2.

¹⁷ Об основаниях для выбора варианта (L+Н)* см. [Князев 2024].

- Брызгунова 1963 — Брызгунова Е. А. *Практическая фонетика и интонация русского языка*. М.: Изд-во Московского ун-та, 1963. [Bryzgunova E. A. *Prakticheskaya fonetika i intonatsiya russkogo yazyka* [Practical phonetics and intonation of Russian]. Moscow: Moscow Univ. Press, 1963.]
- Брызгунова 1980 — Брызгунова Е. А. Интонация. *Русская грамматика*. Т. 1: *Фонетика, фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология*. Шведова Н. Ю. (ред.). М.: Наука, 1980, 103–118. [Bryzgunova E. A. Intonation. *Russkaya grammatika*. Vol. 1: *Fonetika, fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya*. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980, 103–118.]
- Дурагин 2021 — Дурагин П. В. Интонация частного вопроса в русском языке: экспериментальное исследование источников вариативности. *Русский язык в научном освещении*, 2021, 1(41): 137–177. [Duryagin P. V. Russian *wh*-question intonation: Experimental data on some sources of variation. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2021, 1(41): 137–177.]
- Дурагин 2022 — Дурагин П. В. Фонетическая реализация русских тональных акцентов в контекстах сопоставительного вопроса и перечисления. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*, 2022, 19(1): 81–102. [Duryagin P. V. The phonetic realization of Russian pitch accents in contrastive questions and enumeration contexts. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*, 2022, 19(1): 81–102.]
- Игараша 2002 — Игараша Й. Так называемая «нейтрализация интонации» — фонологическое описание русской интонации. *Бюллетень Японской ассоциации русистов*, 2002, 34: 15–21. [Igarashi Y. The so-called “intonation neutralization” — phonological description of Russian intonation. *Byulleten' Yaponskoi assotsiatsii rusistov*, 2002, 34: 15–21.]
- Йокояма 2003 — Йокояма О. Нейтральная и ненейтральная интонация в русском языке: автосегментная интерпретация системы интонационных конструкций. *Вопросы языкознания*, 2003, 5: 99–122. [Yokoyama O. Neutral and non-neutral intonation in Russian: Autosegmental interpretation of the system of intonation constructions. *Voprosy Jazykoznanija*, 2003, 5: 99–122.]
- Касаткина 2002 — Касаткина Р. Ф. Заметки о южнорусской интонации. *Материалы и исследования по русской диалектологии*. Вып. I(VII). Касаткин Л. Л. (ред.). М.: Наука, 2002, 134–151. [Kasatkina R. F. Notes on South-Russian intonation. *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii*. No. I (VII). Kasatkin L. L. (ed.). Moscow: Nauka, 2002, 134–151.]
- Князев 2022а — Князев С. В. О структуре тонального акцента в русских говорах с «пословным» мелодическим оформлением. *Русский язык в научном освещении*, 2022, 1: 113–153. [Knyazev S. V. The structure of pitch accent in Russian dialects with “word-by-word” melodic contour. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2022, 1: 113–153.]
- Князев 2023 — Князев С. В. Интонация юго-западного архангельского говора. *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН*. 2023, 4: 175–195. [Knyazev S. V. Phrase intonation of a South-West Arkhangel'sk dialect. *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova*, 2023, 4: 175–195.]
- Князев 2024 — Князев С. В. Русская диалектная просодия и интонационная фонология русского языка: восходящий акцент. *Русский язык в научном освещении*, 2024, 1 (в печати). [Knyazev S. V. Phrase prosody of Russian dialects and intonational phonology of Russian: Rising pitch accent. To appear in: *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2024, 1.]
- Князев, Дьяченко 2023а — Князев С. В., Дьяченко С. В. Интонация западного среднерусского окающего говора. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2023, 4: 149–174. [Knyazev S. V., Dyachenko S. V. Phrase prosody of a Western Middle-Russian dialect with okan'je. *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova*, 2023, 4: 149–174.]
- Князев, Дьяченко 2023б — Князев С. В., Дьяченко С. В. Мелодический контур общего вопроса в западном среднерусском акающем говоре. Ч. I. Селигеро-Торжковские говоры. *Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология*. 2023, 1: 50–70. [Knyazev S. V., Dyachenko S. V. Melodic contour of yes-no question in a Western Middle-Russian dialect with okan'je. Part I: Seliger-Torzhok dialect. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 2023, 1: 50–70.]
- Князев, Дьяченко 2023в — Князев С. В., Дьяченко С. В. Мелодический контур общего вопроса в западном среднерусском акающем говоре. Ч. II. Псковские говоры. *Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология*. 2023, 2: 44–60. [Knyazev S. V., Dyachenko S. V. Melodic contour of yes-no question in a Western Middle-Russian dialect with okan'je. Part II: Pskov dialect. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 2023, 2: 44–60.]
- Князев, Дьяченко 2023г — Князев С. В., Дьяченко С. В. Мелодический контур общего вопроса в белозерских говорах. *Исследования по славянской диалектологии*. 2023, 24: 205–228. [Knyazev S. V., Dyachenko S. V. Melodic contour of yes-no question in Belozersk dialect. *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii*, 2023, 24: 205–228.]

- Кобозева, Захаров 2004 — Кобозева И. М., Захаров Л. М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международного семинара Диалог '2004*. М.: Наука, 2004, 292–297. [Kobozeva I. M., Zakharov L. M. Why we need a dictionary of Russian discourse markers with recordings. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnogo seminar "Dialog'2004"*. Moscow: Nauka, 2004, 292–297.]
- Кодзасов 2009 — Кодзасов С. В. *Исследования в области русской просодии*. М.: Языки славянских культур, 2009. [Kodzason S. V. *Issledovaniya v oblasti russkoi prosodii* [Studies in Russian prosody]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009.]
- Пост 2007 — Пост М. К проблеме описания интонации общего вопроса в одном севернорусском говоре. *Материалы докладов и сообщений V Международной конференции «Фонетика сегодня» (8–10 октября 2007 г.)*. Касаткина Р. Ф. (ред.). М.: ИРЯ РАН, 2007, 156–157. [Post M. Describing the intonation of the polar question in a Northern Russian dialect. *Materialy dokladov i soobshchenii V Mezhdunarodnoi konferentsii «Fonetika segodnya»*. Kasatkina R. F. (ed.). Moscow: Vinogradov Russian Language Institute, 2007, 156–157.]
- Янко 2004 — Янко Т. Е. Русская интонация в задачах и примерах. *Русский язык в научном освещении*, 2004, 2(8): 86–123. [Yanko T. E. Russian intonation in problems and examples. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2004, 2(8): 86–123.]
- Янко 2008 — Янко Т. Е. *Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте*. М.: Языки славянских культур, 2008. [Yanko T. E. *Intonatsionnye strategii russkoi rechi v сопоставitel'nom aspekte* [Intonation strategies of Russian speech in a comparative aspect]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008.]
- Arvaniti 2022 — Arvaniti A. The autosegmental metrical model of intonational phonology. *Prosodic theory and practice*. Shattuck-Hufnagel S., Barnes J. (eds.). Cambridge (MA): MIT Press, 2022, 25–83.
- Beckman, Pierrehumbert 1986 — Beckman M. E., Pierrehumbert J. Intonational structure in Japanese and English. *Phonology Yearbook*, 1986, 3: 15–70.
- Beckman et al. 2005 — Beckman M. E., Hirschberg J., Shattuck-Hufnagel S. The Original ToBI system and the evolution of the ToBI framework. *Prosodic typology. The phonology of intonation and phrasing*. Jun S.-A. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2005, 9–54.
- Igarashi 2005 — Igarashi Y. How many falling intonation patterns in Russian?: categories of F0 alignment. *Programme & Book of Abstracts: Between Stress and Tone (Leiden, June 17–18, 2005)*. Leiden: Leiden Univ., 2005, 32–33.
- Igarashi 2006 — Igarashi Y. Intonational patterns in Russian interrogatives — phonetic analyses and phonological interpretations. *Prosody and syntax: cross-linguistic perspectives*. Kawaguchi Y., Fónagy I., Moriguchi T. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2006, 175–196.
- Makarova 2003 — Makarova V. Intonation features in categorization of Russian sentence type. *Investigations into Formal Slavic Linguistics. Contributions of the Fourth European Conference on Formal Description of Slavic Languages — FDSL IV. Held at Potsdam University, Nov. 28–30, 2001*. Kosta P., Blaszcak J. (eds.). Potsdam: Potsdam Univ., 2003, 83–95.
- Makarova 2007 — Makarova V. The effect of pitch peak alignment on sentence type identification in Russian. *Language and Speech*, 2007, 50: 385–422.
- Meyer, Mleinek 2006 — Meyer R., Mleinek I. How prosody signals force and focus—a study of pitch accents in Russian yes–no questions. *Journal of Pragmatics*, 2006, 38(10): 1615–1635.
- Odé 1989 — Odé C. *Russian intonation: A perceptual description*. Amsterdam: Rodopi, 1989.
- Odé 2005 — Odé C. Neutralization or truncation? The perception of two Russian pitch accents on utterance-final syllables. *Speech Communication*, 2005, 47(1–2): 71–79.
- Odé 2007 — Odé C. Communicative functions and prosodic labelling of three Russian pitch accents. *Spine*, 2007, 32: 377–401.
- Odé 2008 — Odé C. Transcription of Russian Intonation, ToRI, an interactive research tool and learning module on the Internet. *Studies in Slavic and General Linguistics*, 2008, 34: 431–449.
- Pierrehumbert 1980 — Pierrehumbert J. B. *The phonology and phonetics of English intonation*. Ph.D. diss. Cambridge (MA): Massachusetts Institute of Technology, 1980.
- Post 2005 — Post M. *The Northern Russian pragmatic particle dak in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula). An information structuring device in informal spontaneous speech*. Doctoral diss. Tromsø: Univ. of Tromsø, 2005.
- Post 2008 — Post M. Post-nuclear prominence patterns in Northern Russian question intonation. *Proc. of the 4th Conf. on Speech Prosody (Campinas, May 6–9, 2008)*. Campinas: State Univ. of Campinas, 2008, 233–236.

-
- Rathcke 2006 — Rathcke T. Relevance of F0 peak shape and alignment for the perception of a functional contrast in Russian. *Proc. of the 3rd Conf. on Speech Prosody (Dresden, May 5–6, 2008)*. Hoffmann R., Mixdorff H. (eds.). Dresden: Dresden Univ. of Technology, 2006, 65–68.
- Rathcke 2017 — Rathcke T. How truncating are ‘truncating languages’? Evidence from Russian and German. *Phonetica*, 2017, 73: 194–228.

Получено / received 10.12.2022

Принято / accepted 16.05.2023

Преобразование «цепочка фонем» → «речь» в динамических моделях: Обзор

© 2024

Илья Сергеевич Макаров

ООО «БиометрикЛабс», Москва, Россия; im@biometriclabs.ru

Аннотация: Настоящий обзор посвящен динамическим моделям преобразования дискретной цепочки фонем в непрерывный речевой поток. Обсуждаются ключевые для современных динамических моделей понятия: артикуляционная модель, управляющие параметры, целевые артикуляции, артикуляционные жесты, принцип экономии произносительных усилий и проч. Излагаются результаты исследований специалистов Хаскинских лабораторий (артикуляционная фонология, task-dynamic-модель), а также японских исследователей (преимущественно Waseda University). Обзор иллюстрируется как модельными примерами, так и реальными артикуляционными измерениями на базе микроручевой рентгеноскопической установки.

Ключевые слова: автоматическая обработка речи, артикуляторная фонетика, компьютерная лингвистика, фонетика

Благодарности: Автор благодарен С. В. Князеву за очень ценные замечания, позволившие существенно улучшить статью.

Для цитирования: Макаров И. С. Преобразование «цепочка фонем» → «речь» в динамических моделях: Обзор. *Вопросы языкознания*, 2024, 1: 128–155.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.1.128-155

Phoneme sequence-to-speech conversion in dynamic phonological models: A survey

Ilya S. Makarov

BiometricLabs, LLC, Moscow, Russia; im@biometriclabs.ru

Abstract: This survey is devoted to dynamic models that model how a discrete phoneme sequence becomes converted to the corresponding continuous flow of articulations. The key concepts of modern dynamic models are discussed: articulatory model, articulatory parameters, goals and gestures, pronunciation effort economy principle, etc. The results of research conducted by specialists from Haskins Laboratories (articulatory phonology, task dynamic model), as well as by Japanese scientists (mostly from Waseda University) are presented. The survey is illustrated by both model examples and real articulatory X-ray microbeam measurements.

Keywords: articulatory phonetics, automatic speech processing, computational linguistics, phonetics

Acknowledgements: The author is grateful to S. V. Knyazev for very valuable comments that helped us improve the article significantly.

For citation: Makarov I. S. Phoneme sequence-to-speech conversion in dynamic phonological models: A survey. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 1: 128–155.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.1.128-155

Введение

Основная задача динамических фонологических моделей¹ (например, моделей, разработанных в рамках **артикуляционной фонологии**) заключается в построении алгоритмов перехода от **дискретной цепочки фонем** (а также некоторых глубинных просодических и временных представлений текста, соответствующего данной цепочке фонем) к **непрерывному речевому потоку**. При этом под **речевым потоком** может пониматься как непрерывная последовательность конфигураций речевого тракта (т. е. траектории, описываемые точками на поверхностях языка, нижней челюсти, губ и других органах речевого аппарата при совершении различных артикуляционных движений), так и соответствующий этим артикуляциям речевой сигнал. С теоретической точки зрения последовательность конфигураций речевого тракта (а также некоторая дополнительная информация, связанная с акустическими источниками звука в речевом тракте) однозначно определяет соответствующий акустический сигнал [Леонов и др. 2003; 2004; 2005; Макаров 2009; 2011; Sorokin et al. 2005]. Поэтому в дальнейшем под речевым потоком будет пониматься только последовательность конфигураций речевого тракта.

Отметим некоторые основные проблемы, с которыми (в теории) динамические фонологические модели обязаны успешно справляться²: 1) порождение всех коартикуляционных явлений³, наблюдаемых в реальной речи, 2) моделирование речевого потока как для **полного** (по Щербе [1974]), так и для **неполного** типов произношения, 3) генерация потока для произвольного анатомического строения речевого аппарата (в том числе, для таких случаев, как отсутствие зубов или наличие явных речевых патологий типа заячьей губы), 4) учет положения человека в пространстве (говорит ли человек стоя, сидя, лежа, с запрокинутой головой, при медленной или быстрой ходьбе, на бегу и т. д.), 5) порождение всех компенсационных артикуляционных явлений, возникающих из-за дополнительных внешних ограничений для тех или иных органов речевого аппарата (например, человек говорит с сигаретой в зубах, с конфетой во рту, под местной анестезией в стоматологическом кабинете и т. д.).

При построении динамических фонологических моделей исключительное теоретическое и практическое значение имеют базы, содержащие в себе измерения движений артикуляционных органов разных людей в различных экстралингвистических условиях при произнесении различного речевого материала. Измерения могут быть выполнены с помощью различных методов, например кинорентгено съемки, электро-магнитной артикулографии, компьютерной томографии речевого тракта и др. [Кодзасов, Кривнова 2001: 93–97]. В настоящем обзоре в качестве базы измерений используются артикуляционные записи речевого тракта, полученные с помощью микроручевой рентгеноскопической установки в университете штата Висконсин [Westbury 1994]. В этой базе записей содержатся синхронные измерения траекторий нескольких миниатюрных датчиков (называемых в дальнейшем **реперными точками**)⁴, приклеенных к различным участкам поверхности языка,

¹ Подробнее об истории, принципах и подходах динамической фонологии см. [Кодзасов, Кривнова 2001: гл. 10].

² Дальнейший список проблем, очевидно, неполон.

³ Под коартикуляцией здесь и везде далее понимается влияние артикуляций соседних звуков друг на друга, планируемое на уровне моторной программы высказывания. Коартикуляция (как и все фонетические явления, описываемые динамическими фонологическими моделями) осуществляется **после** завершения действия всех фонологических (лингвистических) правил — ассимиляции, редукции гласных, оглушения / озвончения конечных согласных и т. д. О разграничении фонологических правил и синхронных фонетических изменений, а также об их иерархии см., например, [Князев 1999; 2001; Кодзасов, Кривнова 2001: 67 и сл.; Князев 2004].

⁴ Вообще говоря, под реперной точкой можно понимать произвольную точку наблюдения / измерения на поверхности того или иного артикуляционного органа.

нижней челюсти и губ, а также соответствующие акустические сигналы для нескольких десятков носителей американского английского языка, произносящих различные звуки, звукосочетания, слова и фразы по-английски. На рис. 1 показано расположение и нумерация этих реперных точек: 1 — точка на верхней губе, 2 — точка на нижней губе, 3 — точка на нижнем переднем резце, 4 — точка на нижнем жевательном зубе, 5–8 — четыре точки на поверхности языка. Для удобства восприятия реперные точки отображены на фоне некоторых модельных конфигураций языка и губ. Особо отметим, что в базе хранится информация только о восьми точках (а также об индивидуальных анатомических размерах каждого диктора: форма твердого неба, размеры верхней и нижней челюсти, а также зубов и губ, размеры черепа, координаты точки прикрепления нижней челюсти к черепу и т. д.), а не о всей поверхности языка и губ⁵. На рис. 2 и 3 в качестве примера показаны измеренные траектории точки 2 (нижняя губа), точки 3 (нижний передний зуб) и точек 5–8 (поверхность языка) при произнесении звукосочетания /IA/ носителем американского варианта английского языка. Измеренные траектории отрисованы линией «х-». Для удобства восприятия на траектории наложены модельные конфигурации речевого тракта. На рис. 2 модельная речевая конфигурация соответствует фазе выдержки начального гласного /I/; на рис. 3 конфигурация соответствует фазе выдержки конечного гласного /A/.

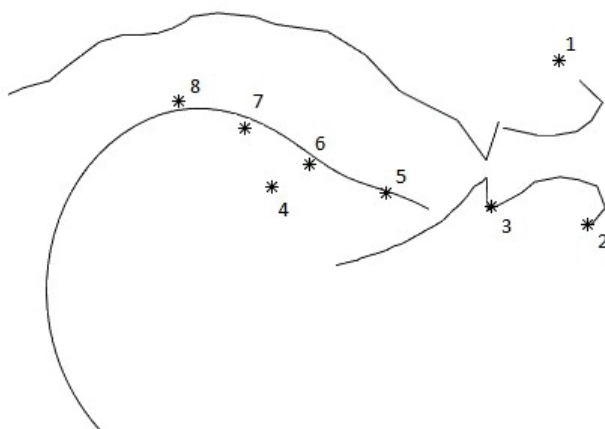

Рис. 1. Расположение реперных точек из базы данных [Westbury 1994] на фоне некоторой модельной конфигурации языка и губ

⁵ Вопрос о том, каким образом по информации о расположении нескольких реперных точек восстановить всю поверхность языка и губ, является краеугольным при анализе измерений, выполненных с помощью микролучевого рентгеноскопа или электромагнитного артикулографа. Этот вопрос представляет значительные технические сложности и здесь не рассматривается. Некоторые подходы к решению содержатся в [Kaburagi, Honda 1994; Сорокин 2012: 378 и сл.; Wang et al. 2014; Макаров 2023].

Ситуация усугубляется тем, что реперные точки прикрепляются к поверхностям речевого тракта только в его передне-средней части. Информация о нижней части тракта (задняя часть языка, средняя и нижняя часть глотки, надгортанник и эпиларинкс) отсутствует. Можно ли только по информации о траекториях нескольких реперных точек, а также по синхронно записанному акустическому сигналу восстановить всю конфигурацию речевого тракта — от голосовой щели до губ? Этот вопрос исключительно сложен и еще далек от своего полного решения. Один из подходов к решению этой проблемы предложен в [Макаров 2005].

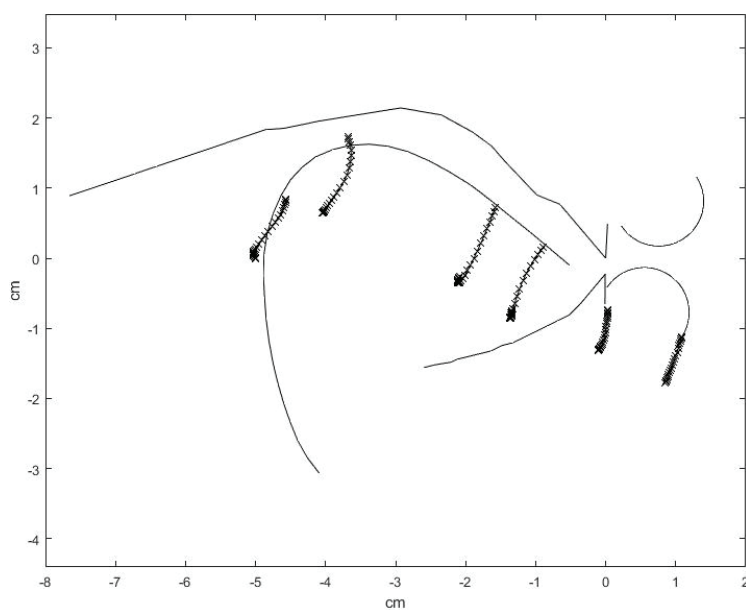

Рис. 2. Измеренные траектории реперных точек при артикуляции звуко сочетания /IA/ на фоне модельной конфигурации речевого тракта, соответствующей фазе выдержки начального гласного /I/

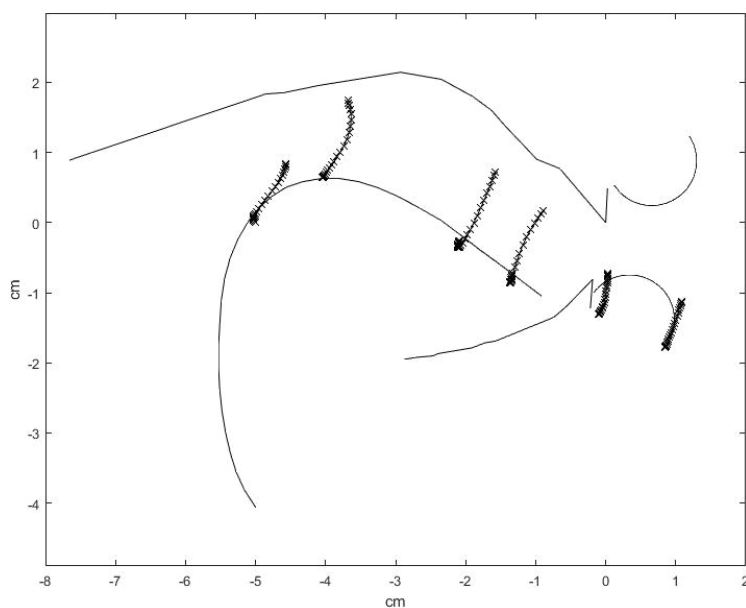

Рис. 3. Те же траектории, что и на рис. 2, с наложенной модельной конфигурацией речевого тракта, соответствующей фазе выдержки конечного гласного /A/

При написании обзора автор столкнулся с тремя трудностями. Первая трудность заключается в том, что разные динамические модели нередко используют различную

терминологию для описания одних и тех же (или очень близких) понятий и явлений. Наблюдается и обратная тенденция — иногда один и тот же термин в разных работах используется для обозначения весьма различных понятий. Поэтому автор предпринял попытку унифицировать терминологический язык для более компактного описания моделей, а также для облегчения задачи сопоставления различных моделей друг с другом. В табл. 1 приведена сводка основных терминов, используемых различными динамическими моделями, а также предлагаемый автором унифицирующий термин (объяснения всех терминов приводятся ниже; насколько при этом термин является удачным — предлагается судить читателю). Вторая трудность видится в том, что динамические модели базируются на обширном массиве знаний о физиологических, механических и кинематических свойствах речевого аппарата и используют для описания этих знаний весьма сложный математический аппарат (в первую очередь теорию оптимального управления, а также аппарат, составляющий математический фундамент теории упругости и сопротивления материалов). Поскольку нереалистично ожидать от потенциального читателя настоящего обзора знакомства с данными математическими дисциплинами, автор во всех случаях избегал каких-либо математических формул и старался объяснять необходимые понятия неформально. Наконец, третья трудность заключается в том, что в русскоязычной фонетической литературе для ряда терминов (например, «целевая артикуляция», «артикуляционный жест») закрепилось понимание, которое не вполне соответствует (а иногда — прямо противоречит) тому пониманию, которое вкладывали в эти термины классики динамических фонологических моделей (создатели артикуляционной фонологии и пр.). В настоящем обзоре автор приводит только классические толкования терминов и никак не учитывает их возможные русскоязычные реинтерпретации.

Таблица

Терминологическая сводка

Предлагаемый русскоязычный термин	Англоязычные аналоги
Динамическая фонологическая модель	Dynamic articulatory model, Dynamic phonological model, Task-dynamics model ⁶ , Trajectory formation model
Управляющий (артикуляционный) параметр	State variable, Articulatory parameter, Articulatory variable, Tract variable ⁷ , Model articulator variable, Articulatory degree-of-freedom Articulatory coordinate Vocal-tract coordinate

⁶ В литературе термин «task dynamics model» обычно используется для обозначения динамической фонологической модели, разработанной специалистами Хаскинских лабораторий (Haskins Labs). **Task dynamics model** является ключевым модулем в составе **артикуляционной фонологии** (articulatory phonology), отвечающим за вычисления артикуляционных траекторий по заданной дискретной цепочке фонем.

⁷ В ряде работ термин «tract variable» используется как в значении «управляющий параметр», так и в значении «реперная точка». Во многих работах представителей Хаскинских лабораторий (в том числе, в классической статье [Saltzman, Munhall 1989]) под «tract variable» понимают место и степень сужения в речевом тракте, а для обозначения управляющего артикуляторного параметра используют термин «model articulator variable». При чтении зарубежных работ, посвященных динамическим фонологическим моделям, надо всегда иметь в виду такую полисемию

Предлагаемый русскоязычный термин	Англоязычные аналоги
Реперная точка	Tract variable
Артикуляционная модель	Vocal-tract model, Articulatory model
Целевая артикуляция (= артикуляционная цель)	(Phoneme-specific) motor task, Phonemic articulatory target, Phoneme-specific articulatory goal, Phoneme-specific invariant feature(s)
(Артикуляционный) признак	Tract variable ⁸ Tube feature
Артикуляционный жест	Articulatory gesture
Партитура	Gestural score
Интервал активации	Activation interval, Interval of active gestural control
Артикуляционные ограничения	Articulatory constraints
Критерий оптимальности	Optimality criterion, Cost function

В настоящем обзоре используются два типа примеров, иллюстрирующих те или иные аспекты динамических алгоритмов: модельные примеры, полученные с помощью некоторых алгоритмов расчета конфигураций речевого тракта и соответствующей акустики, и примеры реальных артикуляционных траекторий. Все модельные примеры выполнены автором; используемые артикуляционные и акустические модели с разной степенью подробности описаны в [Макаров, Сорокин 2004; Баден и др. 2005; Макаров 2009; 2011]. Артикуляционные траектории взяты автором из базы микролучевых рентгеноскопических измерений [Westbury 1994].

1. Основной понятийный аппарат динамических моделей

Рассмотрим основные понятия, присущие всем динамическим фонологическим моделям.

Под **фонемой** здесь и везде далее понимается символическая сегментная единица для записи означающих Лексикона⁹ данного языка после действия всех фонологических правил. В традиционной фонологии нет прямого аналога этому термину. Наверное, следовало бы придумать какой-либо особый термин, например «пост-фонема» или «фонема поверхностного уровня», однако ввиду чрезвычайно широкой распространенности термина «фонема» именно в таком понимании в динамических моделях мы здесь и везде далее будем употреблять только этот термин. Мы предполагаем, что набор фонем, необходимый и достаточный для описания Лексикона данного языка, уже определен тем или иным

и каждый раз по контексту догадываться, в каком именно значении используется тот или иной термин.

⁸ В таком значении термин «tract variable» употребляется только в работах специалистов Хаскинских лабораторий (артикуляционная фонология, task dynamics model).

⁹ Под Лексиконом здесь и далее понимается Словарь всех словоформ данного языка (такое понимание типично для многих работ в области автоматического распознавания речи [Huang et al. 2001]).

способом¹⁰. Особо подчеркнем, что установление фонетических оппозиций и чередований в данном языке, определение количества фонем и отнесение того или иного звука к определенной фонеме — все эти задачи не имеют никакого отношения к проблематике динамических моделей; динамические модели предполагают, что эти проблемы уже решены на более глубоком фонологическом уровне.

Фонема — не единственная символическая сегментная единица, которая может быть использована в динамических моделях. Другими кандидатами для записи означающих Лексикона могут быть **дифон** (сегментная единица, стоящая после другой сегментной единицы) или же чрезвычайно популярный в системах автоматического распознавания речи **трифон** (сегментная единица, стоящая между двумя другими сегментными единицами) [Kaburagi, Honda 2001; Okadome, Honda 2001]. Несмотря на существенную разницу в числе фонем, дифонов и трифонов для данного языка (несколько десятков фонем, сотни дифонов и тысячи трифонов), динамические модели на базе этих единиц дают близкие результаты (хотя, разумеется, техническая реализация фонемных, дифонных и трифонных моделей может существенно различаться).

Другие возможные сегментные единицы (например, слог) мы не рассматриваем.

Под **динамической фонологической моделью** понимается алгоритм, который по заданной дискретной цепочке фонем данного языка (а также по дополнительной временной разметке текста, соответствующего данной цепочке фонем) вычисляет непрерывную последовательность конфигураций речевого тракта в двух или трех измерениях¹¹, соответствующую этой цепочке. Под временной разметкой текста понимается указание моментов времени, в которых должны быть достигнуты **целевые артикуляции** для каждой фонемы (определение «целевой артикуляции» см. ниже).

Динамические модели разделяются на **детерминированные** и **статистические**. В рамках первого класса моделей непрерывная последовательность конфигураций речевого тракта определяется с помощью различных уравнений теории колебаний или теории упругости, использующих в качестве параметров механические и кинематические свойства различных артикуляционных органов. Второй класс моделей строится на основе некоторой обширной базы артикуляторных измерений, сегментированной на составляющие фонемы. С помощью этой базы определяются статистические (вероятностные) правила перехода от заданной цепочки фонем к соответствующим артикуляциям. Для произвольной входной цепочки фонем соответствующий речевой поток вычисляется на базе этих правил. Настоящий обзор посвящен главным образом детерминированным моделям, которые и более популярны, чем статистические, и имеют большую объяснительную силу.

Управляющими артикуляционными параметрами (или просто управляющими параметрами) называют набор постулируемых координат речевого тракта, изменение которых вызывает соответствующее изменение всей артикуляционной конфигурации. Примером управляющего параметра служит угол поворота нижней челюсти относительно ее точки прикрепления к черепу: увеличивая значение этого угла, мы изменяем текущее положение нижней челюсти, языка и нижней губы (= чем больше угол поворота, тем шире

¹⁰ Обычно состав фонем для динамических моделей устанавливается исходя из системы фонетических оппозиций в данном языке. При этом сложные для традиционной фонологии случаи, как правило, выделяются в отдельные фонемы. Например, в рамках динамической модели для русского языка в состав гласных фонем в таком понимании войдут, наряду с /И, У, Э, О, А/, еще /Ы/ и /э/ (шва). Особо отметим, что выделение /Ы/ и /э/ как особых фонем (в таком понимании!) диктуется не функциональными соображениями (т. е. анализом фонетических оппозиций и чередований), но соображениями удобства при решении задачи порождения артикуляций по дискретной цепочке символов.

¹¹ Далее все примеры приводятся для конфигурации речевого тракта только в двух измерениях, т. е. в средне-сагиттальной плоскости (это соответствует привычным для фонетистов картинкам состояния речевого аппарата).

открывается рот). Другим примером управляющих параметров служат горизонтальная и вертикальная координаты корня языка. Изменяя текущие значения этих параметров, мы меняем положение тела языка во рту (для гласных звуков горизонтальная координата корня языка изменяет **ряд** гласного, а вертикальная координата — **подъем**). Еще примеры управляющих параметров: угол поворота небной занавески относительно точки прикрепления к твердому небу (чем больше угол, тем сильнее носовая полость акустически подключена к речевому тракту), вертикальное расстояние между губами (когда расстояние равно нулю, на губах образуется смычка), горизонтальное смещение губ (чем больше смещение, тем сильнее лабиализация), вертикальная и горизонтальная координаты кончика языка и т. д. Выбор тех или иных координат определяется опытом и вкусами исследователя, а также решаемыми задачами. В некоторых современных биомеханических моделях речевого тракта управляющими параметрами служат механические и кинематические параметры мышц, определяющих текущее положение артикуляционных органов; см., например, [Gomez et al. 2020]. Несмотря на огромную теоретическую значимость таких моделей, ими очень сложно управлять; кроме того, с такими моделями связан ряд принципиальных и до сих пор не решенных физиологических и математических сложностей. Поэтому в подавляющем большинстве современных динамических моделей используются гораздо более простые наборы управляющих параметров типа тех, которые были упомянуты выше.

Фундаментальным понятием для всех динамических фонологических моделей является **артикуляционная модель**. Под артикуляционной моделью понимается набор управляющих параметров и алгоритм, который для каждого значения каждого управляющего параметра вычисляет соответствующую конфигурацию речевого тракта. На рис. 4 показаны две конфигурации речевого тракта, вычисленные для двух различных значений угла поворота нижней челюсти. На этом рисунке управляющие параметры показаны в виде ползунков; меняя положение того или иного ползунка, мы меняем значение соответствующего управляющего параметра. Специальный алгоритм по текущим положениям ползунков вычисляет конфигурацию речевого тракта, которая затем отображается на экране (вообще неформально всякую артикуляторную модель можно представлять себе как графический интерфейс типа, показанного на рис. 4 (с. 136), содержащий набор ползунков-управлений и алгоритм для отрисовки всей конфигурации речевого тракта после изменения положения произвольного ползунка).

Существует большое количество артикуляционных моделей, отличающихся друг от друга (иногда очень существенно) используемыми управляющими параметрами и алгоритмами расчета соответствующей конфигурации речевого тракта. Читателю, интересующемуся тем, как именно строятся такие модели, можно рекомендовать подробное описание этого процесса, изложенное в [Сорокин 1992: гл. 8; 2012: 96–105]. Мы не будем углубляться в этот вопрос; отметим только, что в разных динамических моделях могут быть использованы (и фактически используются) разные артикуляционные модели.

Дальнейшее изложение в значительной мере опирается на следующее утверждение: для произвольного языка задание 1) сужений в некоторых областях речевого тракта (а также площади просвета между голосовыми складками), 2) общей длины тракта от губ до гортани, 3) задания временного контура подсвязочного давления необходимо и достаточно для генерации основных аэродинамических и акустических явлений, выполняющих в данном языке смысловоразличительную функцию. Утверждение весьма хорошо согласуется с экспериментальными данными и результатами моделирования аэродинамических [Сорокин 1992: 134–143; Hanson, Stevens 2002] и акустических [Fant 2001; Story, Buntun 2011; 2019] процессов речевого тракта в частотном диапазоне до (примерно) 4 000 Гц.

Очень важным понятием в динамических фонологических моделях является понятие **целевой артикуляции** (или **артикуляционной цели**) для каждой фонемы. Под целевой артикуляцией фонемы понимаются значения площадей поперечных сечений¹² речевого

¹² С акустической точки зрения речевой тракт представляет собой трубу переменного поперечного сечения и переменной длины. Различным конфигурациям тракта при этом будут соответствовать

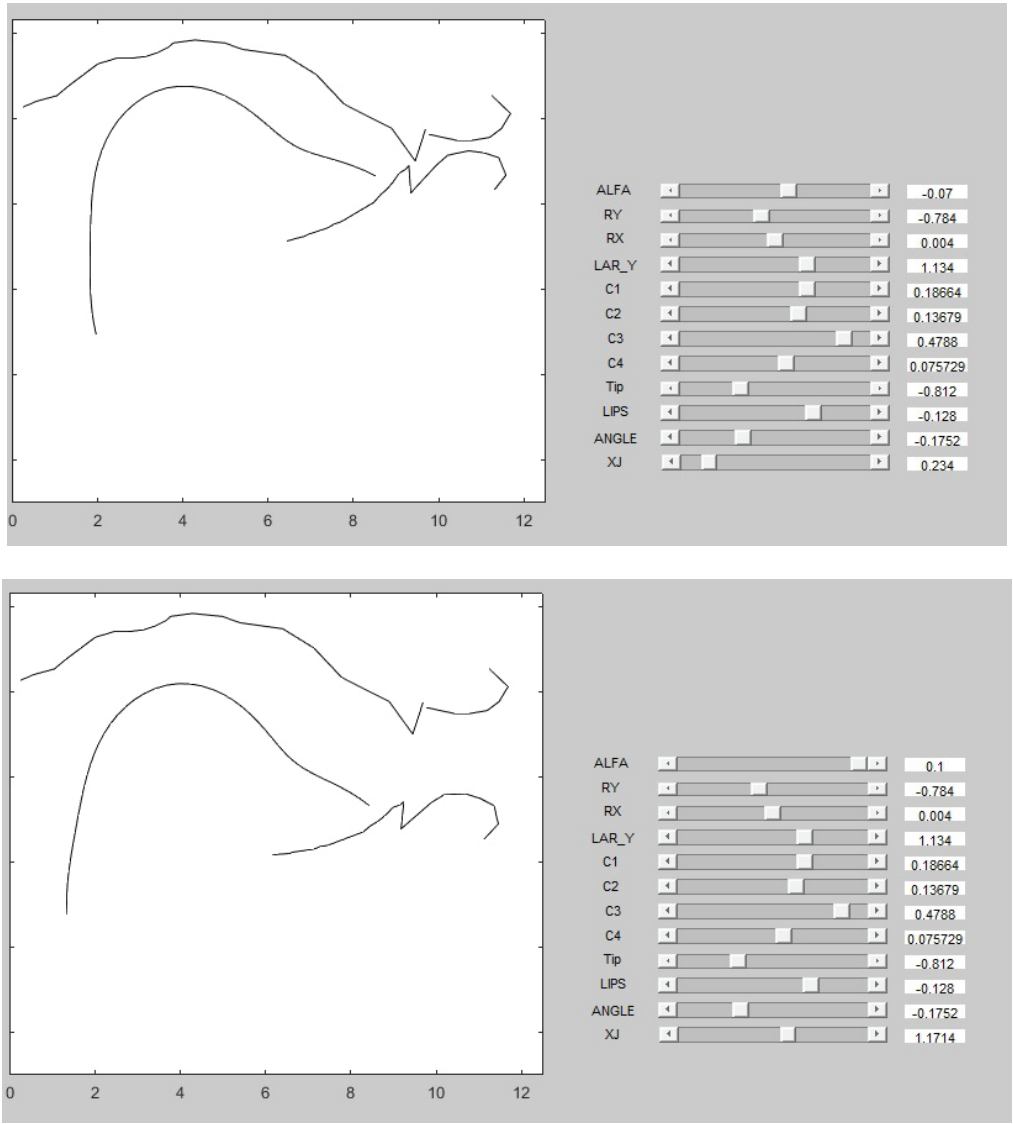

Рис. 4. Две конфигурации речевого тракта, построенные с помощью некоторой артикуляционной модели. Конфигурации отличаются друг от друга значениями угла поворота нижней челюсти (= степенью раскрытия рта)
(условное название соответствующего ползунка = ALFA)

тракта в определенных контрольных областях речевого тракта, а также приращение длины речевого тракта относительно некоторого нейтрального состояния артикуляционного аппарата (под нейтральным состоянием обычно понимают состояние покоя речевого тракта: человек молчит, челюсти и губы сомкнуты, никаких движений, в том числе жевательных,

различные распределения площадей поперечных сечений этой трубы от гортани до губ (подробнее см. [Кодзасов, Кривнова 2001: 115–118]).

во рту не происходит)¹³. Иначе говоря, для каждой фонемы ее целевая артикуляция определяется заданием а) координат контрольных областей (координата отсчитывается вдоль средней линии тракта от гортани к губам), б) значений площадей поперечных сечений тракта в этих координатах, в) изменения общей длины тракта от гортани до губ относительно длины в нейтральном состоянии. Для дальнейшего обсуждения условно выделим в речевом тракте набор из восьми контрольных областей¹⁴ (рис. 5): 1-я область — область между губами (губная область), 2-я область — область между нижней губой и верхними передними зубами (губно-зубная область), 3-я область — область между кончиком языка и верхними передними зубами (переднеязычно-зубная область), 4-я область — область между передней частью языка и альвеолами (переднеязычно-альвеолярная область), 5-я область — область между передне-средней частью языка и средней частью твердого неба (палатальная область), 6-я область — область между серединой языка и мягким небом (велярная область), 7-я область — область между задней частью языка и задней стенкой речевого тракта (заднеязычная область), 8-я область — область между небной занавеской и задней стенкой речевого тракта (назальная область).

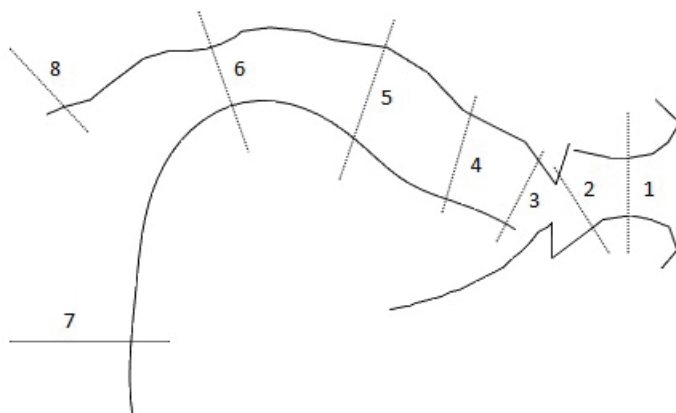

Рис. 5. Схема расположения 8-ми контрольных сечений

В качестве S_i , $i = 1, 2, \dots, 8$ мы будем обозначать значение площади поперечного сечения в i -той области (например, S_1 — значение площади поперечного сечения на губах и т. д.). Введем еще dL — приращение длины речевого тракта относительно нейтральной длины (если тракт удлиняется относительно нейтрального состояния, то мы будем считать, что $dL > 0$; в противном случае (т. е. когда речевой тракт укорачивается) $dL < 0$). Для произвольного сечения произвольной фонемы площадь S_i будет либо удовлетворять ограничению-равенству ($S_i = a$, a — некоторое число), либо ограничению-неравенству ($b < S_i < c$; b , c — некоторые числа). Ограничения-равенства реализуются в первую очередь для смычных фонем (например, для фонем /Б, П/ имеем $S_1 = 0$). Подавляющее большинство фонем

¹³ Авторы классических работ по динамическим моделям (например, [Saltzman, Munhall 1989]) особо отмечают, что целевая артикуляция фонемы в общем случае не совпадает с определенной конфигурацией речевого тракта. Именно по этой причине в рамках артикуляционной фонологии целевые артикуляции задаются на более глубинном уровне представления высказывания, чем соответствующие положения произносительных органов (см. далее).

¹⁴ Предлагаемая схема контрольных областей условна и служит исключительно демонстрационным целям. С определенными оговорками эта схема подходит для русского литературного языка. Разумеется, для других языков число и схема расположения контрольных областей могут быть совершенно иными.

реализуют ограничения-неравенства (например, для фонем /C, 3/ имеем $b_3 < S_3 < c_3$, где числа b_3, c_3 выбираются таким образом, чтобы площадь S_3 щели между кончиком языка и передними зубами оказывалась в диапазоне, необходимом для турбулизации воздушного потока, протекающего через эту щель).

Приведем примеры целевых артикуляций для некоторых фонем русского языка: 1) твердые смычные /П, Б/: $S_1 = 0$ (смычка на губах), $S_8 = 0$ (отсутствие назализации, противопоставляющее этим фонемам фонемы /М, М'/, $S_5 > a_5$ (отсутствие палатализации))¹⁵, 2) фрикативные мягкие фонемы /С', 3'/: $b_3 < S_3 < c_3$, $S_5 < a_5$, 3) твердая назальная фонема /Н/: $S_3 = 0$, $S_8 > 0$, $S_5 > a_5$, 4) гласная фонема /У/: $b_6 < S_6 < c_6$, $S_5 > a_5$, $S_7 > a_7$ (три ограничения определяют наличие необходимого сужения между средней частью языка и мягким небом при больших значениях площади поперечного сечения в передней и задней областях речевого тракта), $dL > thr$ (приращение длины речевого тракта должно превосходить некоторый порог thr)¹⁶.

Из приведенных примеров ясно, что целевую артикуляцию можно определить еще так: «целевая артикуляция» — набор ограничений (равенств и неравенств) для данной фонемы, накладываемых на площади поперечного сечения в определенных контрольных областях речевого тракта, а также на приращение длины тракта. Такое определение дает возможность построить конструктивный алгоритм перехода от цепочки фонем, характеризующихся своими целевыми артикуляциями, к непрерывному артикуляционному потоку (см. ниже).

Каким образом устанавливаются целевые артикуляции фонем в том или ином языке? Для определения контрольных областей в данном языке, а также конкретных численных значений коэффициентов в ограничениях-равенствах и неравенствах используются специальные базы данных, содержащие измерения артикуляционных движений, совершаемых носителями этого языка при произнесении различного речевого материала (например, уже упомянутая нами база микролучевых рентгенографических измерений [Westbury 1994]). Проводя статистический анализ этих данных, можно определить количество и расположение контрольных областей, необходимых для порождения артикуляций по дискретной цепочке фонем в данном языке, а также подобрать нужные коэффициенты в ограничениях [Kaburagi, Honda 1996; Dusan 2000: 37–59; Okadome, Honda 2001]. Альтернативным подходом является подбор целевых артикуляций с помощью алгоритмов артикуляционного синтеза [Schroeter, Sondhi 1991]. Подбор коэффициентов в ограничениях-неравенствах для фрикативных фонем может быть выполнен как с помощью статистического анализа измеренных артикуляций, так и путем решения задачи рассеяния воздушного потока на препятствии, создаваемом губами, зубами или небом [Narayanan, Alwan 2000].

Понятие целевой артикуляции предполагает задание ограничений на площади сечения в определенных областях, но **не конкретизацию** того, с помощью каких артикуляций эти ограничения достигаются. Это свойство является ключевым для объяснения различных компенсационных эффектов в речевом потоке. Например, смычка ($S_3 = 0$) между кончиком языка и передними верхними зубами (как при артикуляции фонем /Т, Д/) может достигаться за счет использования одной из трех артикуляционных тактик: а) активное поднятие кончика языка к зубам при неизменном положении нижней челюсти, б) активное закрывающее движение нижней челюсти при неподвижном поднятом кончике языка, в) совместное использование активных движений кончика языка и нижней челюсти. Какая конкретная тактика будет использована человеком в данный момент времени — определяется

¹⁵ Между собой эти фонемы различаются наличием / отсутствием голосового возбуждения, т. е. фонационным, а не артикуляционным признаком. Для поставленной задачи синтеза артикуляционных траекторий фонационные различия нерелевантны.

¹⁶ Коэффициенты в ограничениях-равенствах и неравенствах для различных фонем должны быть различными. Приводимые в тексте целевые артикуляции не претендуют на полноту и преследуют демонстрационную цель.

текущими (в частности, экстралингвистическими) условиями произношения. Например, если в данный момент времени у человека практически обездвижена нижняя челюсть (ситуация сигареты в зубах или стоматологической анестезии), то будет использована тактика (а). В иных условиях человек может воспользоваться другими артикуляционными сценариями (никак не затрагивающими целевую артикуляцию переднеязычных зубных смычных фонем). Еще пример. На рис. 6 показаны две конфигурации речевого тракта при артикуляции фонемы /У/. Для данной фонемы в целевую артикуляцию входит условие удлинения речевого тракта относительно нейтрального состояния ($dL > thr$), при этом — на уровне целевой артикуляции — **не конкретизируется**, с помощью каких артикуляционных движений достигается это удлинение. На левом рисунке удлинение тракта достигается за счет лабиализации; на правом лабиализация отсутствует, а требуемое удлинение достигается за счет опускания гортани и уменьшения значения площади S_6 в области мягкого неба. Из рис. 6 видно, что для обеих конфигураций значения первых трех формантных частот очень близки. Какую конкретно артикуляционную тактику будет использовать человек для достижения требуемого удлинения — зависит от текущих условий произношения (например, в ситуации обездвиженных губ будет использована вторая тактика). В любом случае, соответствующая целевая артикуляция остается неизменной.

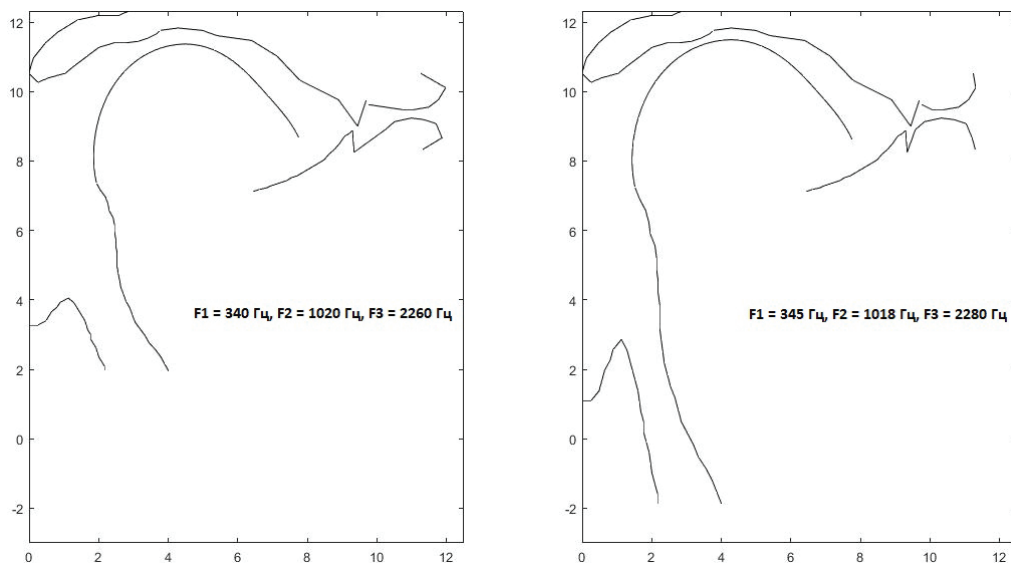

Рис. 6. Две артикуляционные конфигурации фонемы /У/ и соответствующие значения трех первых формантных частот. Необходимые значения формантных частот на левом графике достигаются за счет лабиализации, а на правом — за счет опускания гортани и уменьшения значения площади в области мягкого неба

Целевая артикуляция произвольной фонемы предполагает задание значений площадей лишь в определенных областях (своих для каждой фонемы) — в других же областях значения площадей могут лежать в весьма широких диапазонах значений. Это свойство является ключевым для объяснения очень многих коартикуляционных явлений в речевом потоке. Например, в целевую артикуляцию русских гласных фонем не входит площадь S_8 прохода в носовую область; соответственно, угол поворота небной занавески при их артикуляции лежит в весьма широких диапазонах. Конкретное значение угла поворота при произнесении русских гласных фонем будет определяться текущей фонетической позицией: в соседстве назальных звуков площадь прохода в носовую тракт будет ненулевой (произойдет

назализация гласных), а в соседстве неназальных звуков — нулевой (назализации не будет). Целевые артикуляции русских гласных фонем при этом останутся неизменными.

Понятие целевой артикуляции является ключевым для моделирования индивидуальных артикуляционных тактик. На рис. 7 (данные взяты из базы [Westbury 1994]) показана артикуляция звуко сочетания /ARA/ двумя различными дикторами (три верхних рисунка соответствуют артикуляции звуко сочетания /ARA/ диктором-мужчиной, три нижних рисунка — диктором-женщиной. Левый столбец соответствует артикуляции начального /A/, средний столбец — артикуляции /R/, правый столбец — артикуляции конечного /A/. Во всех случаях показана фаза выдержки для каждой из трех фонем. Временной интервал между конфигурациями на рисунках составляет примерно 150 мсек. В целевую артикуляцию фонемы /R/ входит ограничение-неравенство на значение площади в области между передней частью языка и твердым небом [Zhou et al. 2008]. Видно, что дикторы используют принципиально различные артикуляционные тактики достижения этой цели: в первом случае (средний столбец, верхний рисунок) цель достигается за счет подъема кончика языка к твердому небу и значительного изгиба кончика назад; во втором случае (средний столбец, нижний рисунок) цель достигается за счет подъема тела языка к твердому небу при опущенном кончике языка.

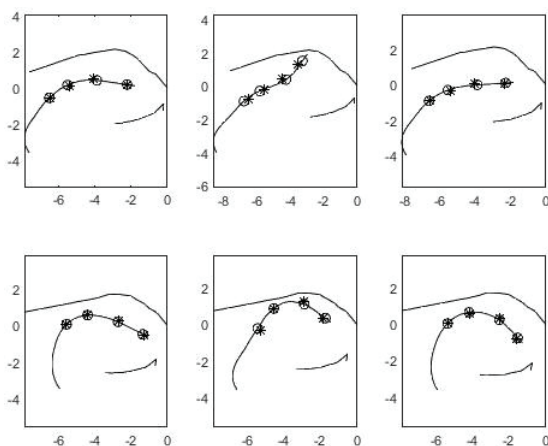

Рис. 7. Несколько фреймов для звуко сочетания /ARA/. Верхняя строка — диктор-мужчина, нижняя — диктор-женщина. * — измеренные реперные точки на поверхности языка, o — соответствующие точки, вычисленные по модели. Временной интервал между кадрами примерно равен 150 мсек. На всех рисунках губы не показаны

Принципиально важным и до сих пор нерешенным вопросом является вопрос о том, насколько индивидуальное анатомическое строение речевых трактов людей влияет на определение целевых артикуляций тех или иных фонем. На рис. 8 показаны измеренные формы твердого неба для трех дикторов из базы [Westbury 1994]. Видно, что эти формы существенно различаются между собой. Отсюда следует, что и положения контрольных областей, и значения площадей в этих областях для разных дикторов могут быть различными. Как учесть такие различия в динамической фонологической модели? Нужно ли описывать каждую целевую артикуляцию с помощью некоторой вероятностной модели (например, для каждой целевой артикуляции строить модель гауссовых смесей, крайне популярную в системах распознавания речи [Huang et al. 2001])? Или же можно построить некоторый идеальный речевой тракт, в котором нивелированы все возможные анатомические различия между говорящими, определить целевые артикуляции для всех фонем относительно данного идеального тракта, а потом — при переходе к речевому тракту конкретного

человека — каким-то образом пересчитывать цели с учетом индивидуальных анатомических особенностей? Некоторые подходы к решению этой задачи предложены, например, в [Hashi et al. 1998; Serrurier et al. 2017; 2023], однако проблема все еще далека от окончательного решения. В рамках существующих динамических моделей синтез речевого потока обычно осуществляется для заданного речевого тракта с заранее известными анатомическими характеристиками (т. е. по сути для одного диктора). Именно такой подход принят в настоящем обзоре.

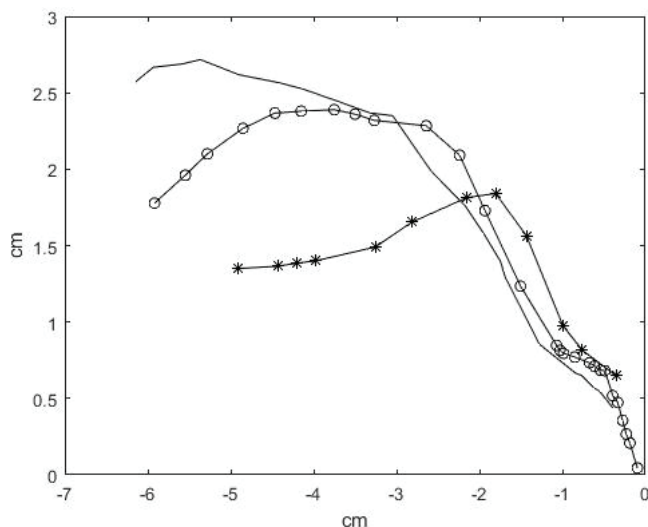

Рис. 8. Измеренные формы твердого неба для трех дикторов из базы [Westbury 1994]. В базе горизонтальная координата твердого неба отсчитывается от основания верхних резцов до точки прикрепления небной занавески, при этом значения этой координаты берутся со знаком «минус»

Итак, каждая фонема задается набором определенных значений площадей в некоторых контрольных сечениях речевого тракта. Естественно определить **фонологический артикуляционный признак** как площадь тракта в определенном контрольном сечении (в работах специалистов Хаскинских лабораторий артикуляционные признаки называются **phoneme tube features**, от слова *tube* — речевая труба). Например, губной признак соответствует площади S_1 в губной области, апикальный признак — площади S_3 в переднеязычно-зубной области и т. д. Признак — это переменная величина; для различных фонем он будет принимать различные **целевые** значения. Например, для фонем типа /Т, Д/ целевым значением переднеязычно-зубного признака будет ноль, а для фонем типа /С, З/ целевое значение того же признака должно оказаться внутри диапазона $b_3 < S_3 < c_3$ (b_3 , c_3 — минимальное и максимальное значение площади, необходимой для турбулизации воздушного потока). Общее количество фонологических артикуляционных признаков в языке соответствует числу контрольных сечений; например, для схемы, показанной на рис. 5, число признаков = 8¹⁷. Определение термина «фонема» можно теперь ввести через термин «фонологический артикуляционный признак»: фонема — это набор целевых значений фонологических артикуляционных (и фонационных) признаков. Разные фонемы различаются а) наборами признаков, б) целевыми значениями признаков.

¹⁷ Разумеется, для полной характеристики системы фонем в том или ином языке необходимо, помимо артикуляционных, указывать еще и фонационные признаки (а возможно, и что-то еще).

Представляет значительный интерес исследование того, как признаки меняют свои значения во времени (например, как меняется площадь губной области в процессе артикуляции определенного речевого материала). В рамках **артикуляционной фонологии** вводится специальный термин — «артикуляционный жест». Под артикуляционным жестом понимается любая траектория площади тракта $S_i(t)$ в i -том контрольном сечении (t — время), которая начинается с произвольного значения этой площади в некоторый начальный момент наблюдения t_0 и заканчивается целевым значением этой площади в заданный момент времени t_1 . Мы уже видели, что одна и та же площадь в данном контрольном сечении может быть достигнута с помощью различных движений артикуляционных органов. Поэтому термин «артикуляционный жест» можно определить еще так: артикуляционный жест — набор координированных движений артикуляционных органов, осуществляемых для достижения целевого значения площади речевого тракта в определенном контрольном сечении в заданный момент времени¹⁸.

При порождении конкретного речевого потока для каждого артикуляционного жеста необходимо задать набор **интервалов активации**, т. е. набор временных интервалов, содержащих следующую информацию: а) в какие моменты времени признак, соответствующий данному жесту, должен принимать определенные целевые значения (зависящие от входной цепочки фонем), б) сколько по времени должно выдерживаться то или иное целевое значение. Очень наглядно это можно отобразить с помощью **партитуры**, т. е. с помощью графика артикуляционного планирования данного высказывания. На рис. 9 показана партитура английской словоформы [bæn] (ban) для четырех артикуляционных жестов: губно-губного, палатального, апикального и назального.

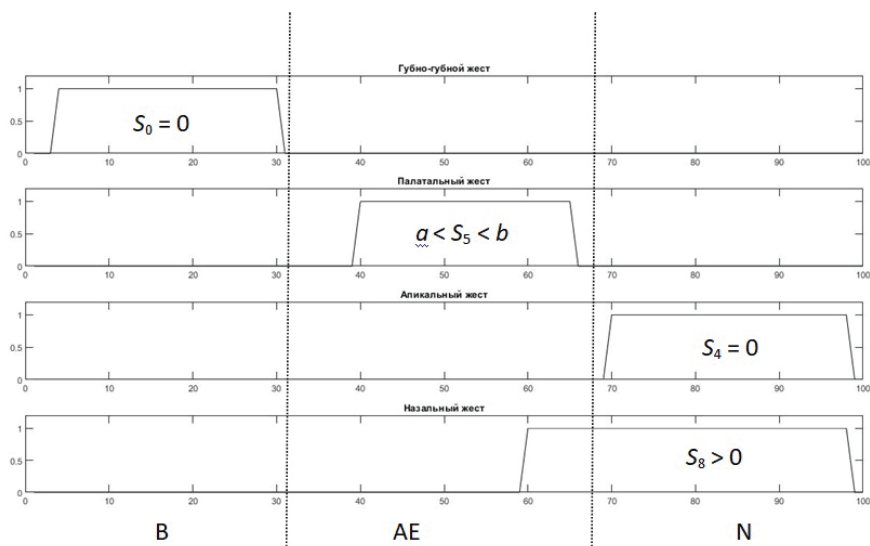

Рис. 9. Артикуляционная партитура словоформы [bæn] (ban).

По горизонтальной оси отложено время (в некоторых условных единицах); по вертикальной — амплитуда активации для каждого жеста. На временных интервалах, на которых амплитуда активации равна единице (на этих интервалах соответствующий жест

¹⁸ Это классическое определение термина «артикуляционный жест» [Saltzman, Munhall 1989]. Иные определения артикуляционного жеста (например, жест — это некоторая артикуляция, жест — это звукотип и т. д.) не совпадают с классическим пониманием этого термина, что особо подчеркивалось в указанной работе.

считается активированным), площадь в соответствующем сечении должна быть равной целевому значению (например, на участке, соответствующем артикуляции фонемы /В/, площадь S_0 между губами должна быть нулевой; на участке, соответствующем фонеме /N/, должна быть достигнута смычка в переднеязычной области ($S_4 = 0$) и, кроме того, должна присутствовать назализация ($S_8 > 0$)). На интервалах, не являющихся интервалами активации, площади сечения соответствующих жестов могут быть практически произвольными (с условием, что они не будут нулевыми, а также не будут принимать слишком малые значения, достаточные для турбулизации воздушного потока в данном сечении). Какие конкретные значения примут площади соответствующих жестов на интервалах, не являющихся интервалами активации, будет определяться текущими артикуляционными ограничениями, а также условиями, задаваемыми принципом экономии произносительных усилий (см. ниже).

На этом мы заканчиваем обсуждение понятия **артикуляторный жест**. Мы еще к нему вернемся ниже, когда речь пойдет о работах исследователей из Хаскинских лабораторий в области артикуляторной фонологии. Сейчас только отметим, что не все динамические фонологические модели оперируют термином «артикуляторный жест»; например, в работах многих японских исследователей он не используется.

Итак, каждая фонема в данном языке представлена одной целевой артикуляцией. Имея на входе цепочку фонем, динамическая модель для каждой фонемы считывает соответствующую целевую артикуляцию, после чего по последовательности целей вычисляет траектории управляющих артикуляционных параметров. Для заданной артикуляционной модели эти траектории однозначно определяют последовательность конфигураций речевого тракта. Для понимания того, как именно происходит процесс перехода от последовательности целевых артикуляций к траекториям управляющих параметров, нам необходимы два важных термина: «критерий оптимальности» и «артикуляционные ограничения» (не путать с ограничениями, входящими в определение той или иной целевой артикуляции).

Под **артикуляционными ограничениями** понимаются любые ограничения (равенства или неравенства), накладываемые на возможные значения управляющих артикуляционных параметров. Эти ограничения разделяются на **глобальные** и **ситуативные**. Под глобальными понимаются ограничения на управляющие параметры, диктуемые физиологическими и физическими свойствами речевого аппарата. Например, угол поворота нижней челюсти (= угол раствора рта) лежит в определенных физиологически допустимых пределах и обычно не превышает 30° . Вертикальные и горизонтальные смещения языка, нижней челюсти и губ, а также вертикальное смещение гортани не могут превышать нескольких сантиметров. В силу механических и кинематических свойств артикуляционных органов допустимые скорости и ускорения, развиваемые языком, челюстью и губами, также находятся в определенных пределах (например, мышцы языка не могут развивать усилия в десятки кг). Примерные значения глобальных ограничений для некоторой артикуляционной модели приведены в [Сорокин 2012: 106]. В качестве глобальных ограничений могут использоваться ограничения-равенства, которые диктуются математическими алгоритмами, моделирующими артикуляционные траектории. Весьма распространенной является модель, описывающая динамику каждого управляющего параметра как отклик гармонического осциллятора на (ступенчатую или линейную) команду управления; при этом масса, упругость и коэффициент потерь данного осциллятора соответствует массе, упругости и коэффициенту потерь соответствующего управляющего параметра [Kaburagi, Honda 1996; Сорокин 2012: 104–106]. Выбор того или иного модельного ограничения-равенства (или неиспользование никакого) определяется теоретическими представлениями, вкусом и опытом конкретного исследователя.

Под ситуативными артикуляционными ограничениями понимаются ограничения на управляющие параметры, накладываемые конкретными текущими (в частности, экстралингвистическими) условиями произношения. Например, если в данный момент времени у человека заблокировано движение губ, то диапазон расстояний между верхней и нижней

губой сократится до нуля. Возможны различные ситуативные ограничения на значения скоростей и ускорений управляющих параметров (например, человек говорит на бегу, эмоционально возбужден и т. д.).

Задание глобальных и/или ситуативных ограничений на скорости или ускорения управляющих параметров позволяет моделировать явление недостижения целевых артикуляций тех или иных фонем в речевом потоке — т. н. явление **undershoot** (недострел).

Рассмотрим теперь понятие **критерия оптимальности**. Как следует из предыдущего изложения, достижение целевых артикуляций в потоке речи возможно принципиально различными артикуляционными движениями; общее количество потенциально возможных артикуляционных траекторий бесконечно. Критерий оптимальности (совместно с глобальными и ситуативными ограничениями) определяет, какая конкретно последовательность конфигураций речевого тракта будет порождена в текущих условиях произношения. Критерий оптимальности — это принцип экономии произносительных усилий: человек из всех возможных артикуляционных траекторий выбирает такие, которые обеспечивают для него минимум затрачиваемых произносительных усилий¹⁹.

С математической точки зрения²⁰ под **критерием оптимальности** понимается алгоритм, который по произвольной артикуляционной траектории управляющего параметра (или по целому набору произвольных траекторий различных управляющих параметров) определяет некоторое число. Простейший пример критерия оптимальности — среднее значение управляющего параметра на некотором интервале времени (мы берем траекторию управляющего параметра на некотором интервале времени и вычисляем среднее значение этого параметра на заданном интервале). Можно придумать бесконечное количество критериев оптимальности. В динамических фонологических моделях наиболее популярными являются: **энергетический** критерий (определяемый как сумма квадратов скоростей управляющего параметра в различные моменты времени) и **силовой** критерий (определяемый как сумма квадратов ускорений управляющего параметра в различные моменты времени) [Kabuagi, Honda 1996; Сорокин 2012: 335–372]. Энергетический критерий определяет суммарную кинетическую энергию, которую затрачивает человек в процессе артикуляции; силовой критерий есть суммарное усилие, которое человек затрачивает на осуществление движений артикуляционных органов. С фонетической точки зрения оба критерия могут быть интерпретированы как мера произносительных усилий, затрачиваемых человеком в процессе артикуляции. Отсюда следует, что само по себе словосочетание «произносительное усилие» не обозначает никакого физического или физиологического явления; однако смысл этого словосочетания вполне определяется, когда мы задаем конкретный критерий оптимальности²¹.

В динамических фонологических моделях предполагается, что при планировании артикуляционных движений из всех возможных траекторий управляющих параметров выбираются только такие траектории, которые доставляют минимальное значение выбранному критерию оптимальности. Эта формулировка конкретизирует смысл словосочетания «принцип экономии произносительных усилий». Например, если в качестве критерия оптимальности используется энергетический критерий, то принцип экономии произносительных усилий означает следующее: из всех возможных артикуляционных траекторий

¹⁹ Ср. [Кодзасов, Кривнова 2001: 88]: «Предполагается, что при планировании траекторий важную роль играет принцип экономии произносительных усилий».

²⁰ Дальнейшее описание в текущем абзаце вынужденно упрощенное.

²¹ Энергетический и силовой критерии — не единственные критерии, используемые в динамических фонологических моделях. Весьма популярным является критерий работы на перемещение артикуляционных органов из нейтрального состояния (понимаемый как сумма квадратов смещений управляющего параметра из нейтрального состояния в различные моменты времени) [Сорокин 1992: 266 и сл.]. Возможно использование и комбинации тех или иных критериев [Kabuagi, Honda 1996].

человек выбирает такие, для которых суммарные энергетические затраты, связанные с совершением артикуляционных движений, минимальны. Для силового критерия принцип экономии произносительных усилий требует выбора только таких траекторий, для которых суммарное усилие на осуществление движений артикуляционных органов минимально.

Справедлив вопрос: откуда следует, что человек что-то вообще экономит при планировании и осуществлении артикуляционных движений? Вопрос очень тонкий, и его обсуждение завело бы нас слишком далеко в сторону от предмета настоящего обзора. Здесь мы ограничимся следующими пояснениями. Теоретическая механика учит, что механические системы, изменяя свое положение во времени, из всех возможных траекторий выбирают только такие, которые обеспечивают минимум некоторого критерия оптимальности (такое утверждение носит название «принципа наименьшего действия», см. [Арнольд 1999: 49])²². Поскольку речевой аппарат с физической точки зрения также является механической системой, он должен подчиняться принципу наименьшего действия. Весь вопрос в выборе такого критерия оптимальности, который бы адекватно моделировал наблюдаемые артикуляционные траектории. Опыт показывает, что траектории, минимизирующие энергетический или силовой критерии, во многих случаях аппроксимируют наблюдаемые артикуляционные движения с очень высокой точностью. В качестве примера на рис. 10 показаны измеренные траектории 4-х реперных точек из микролучевой базы [Westbury 1994] при произнесении звукосочетания /IA/ (см. тж. рис. 2-3, где те же самые траектории отображены на фоне модельных конфигураций речевого тракта). Траектории отрисованы линиями «*-». Поверх них отображены траектории, вычисленные путем минимизации силового критерия оптимальности (отрисованы линией «о-»). Видно, что измеренные

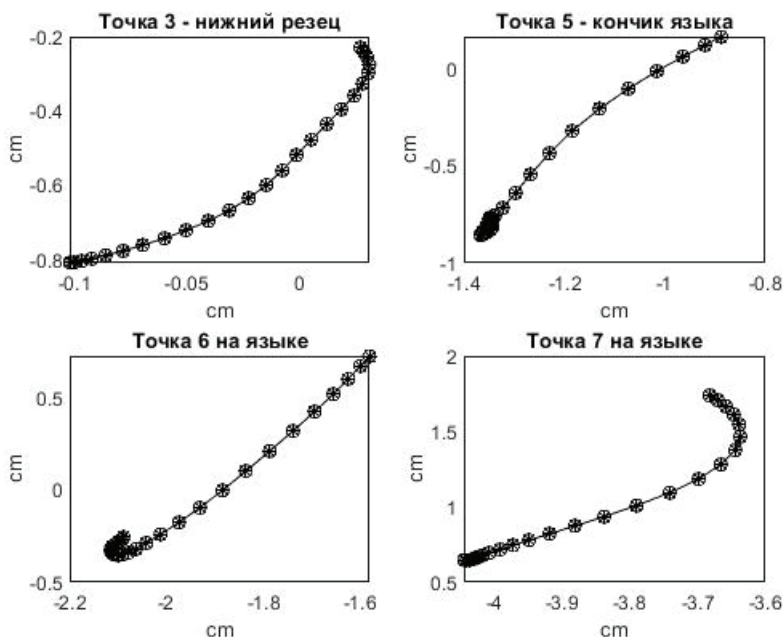

Рис. 10. Измеренные траектории четырех реперных точек при произнесении звукосочетания /IA/ (отображены как *-) и траектории, минимизирующие силовой критерий (отображены как о-)

²² Отметим, что этот принцип не имеет рационального объяснения, что создает широкое поле для общеполитических и даже религиозных спекуляций.

и модельные траектории практически неотличимы друг от друга (по крайней мере, для данного речевого файла). Минимизация силового критерия оптимальности позволила в данном случае вычислить траектории, которые очень похожи на измеренные артикуляционные движения. Использование энергетического критерия также зачастую приводит к весьма точной аппроксимации измеренных траекторий.

Итак, для заданной последовательности целевых артикуляций в качестве соответствующих траекторий управляющих параметров выбираются такие, которые, во-первых, удовлетворяют всем глобальным и ситуативным ограничениям; во-вторых, обеспечивают экономии произносительных усилий; в-третьих, по возможности обеспечивают достижение целей в заданные моменты времени²³.

Вопрос о том, каким образом технически реализуется нахождение траекторий управляющих параметров, минимизирующих произносительные усилия, удовлетворяющих всем ограничениям и обеспечивающих достижение целевых артикуляций в заданные моменты времени, решается средствами теории оптимального управления, например методом динамического программирования или алгоритмами на базе принципа максимума Понтрягина. В силу значительных математических трудностей в настоящем обзоре этот вопрос не рассматривается (подробный алгоритм нахождения артикуляционных траекторий на базе динамического программирования представлен, например, в [Kaburagi, Honda 1996]).

Суммируем введенный понятийный аппарат в единую схему порождения речевого потока. Предполагается, что в памяти динамической фонологической модели означающие Лексикона записаны в виде цепочек фонем. Кроме того, в памяти модели хранится следующая информация: 1) целевая артикуляция для каждой фонемы, 2) артикуляционная модель, 3) список глобальных ограничений для управляющих параметров, 4) критерий оптимальности (или набор таких критериев).

На лингвистическом этапе построения высказывания из Лексикона извлекаются словоформы, которые организуются в некоторую синтаксическую структуру с помощью грамматических и синтаксических правил данного языка. Также на этом этапе осуществляются контекстные модификации означающих словоформ с помощью фонологических (лингвистических) правил — ассимиляции, редукции гласных, оглушения / озвончения конечных согласных и т. д. Лингвистический этап **не является** объектом изучения динамических фонологических моделей.

На вход динамической фонологической модели поступает некоторая цепочка фонем, полученная после завершения действия всех фонологических правил, и информация о текущих условиях, в том числе экстралингвистических, произношения²⁴. Дальнейший синтез речевого потока удобно представить в виде следующей многоэтапной схемы.

Глубинно-моторный этап: на этом этапе для каждой фонемы из входной цепочки определяется соответствующая целевая артикуляция. Эквивалентным представлением является партитура артикуляционных жестов для входной цепочки фонем.

Этап внутреннего тайминга: на этом этапе расставляются моменты времени, в которые должны быть достигнуты целевые артикуляции. При расстановке временных меток

²³ Фраза «по возможности обеспечивают достижение целей в заданные моменты времени» означает следующее. Условия удовлетворения ограничениям и обеспечения экономии произносительных усилий выполняются всегда; напротив, условие достижения артикуляционных целей в речевом потоке для определенных фонем может и не выполняться (явление *undershoot*, недострел). Недострел произойдет в том случае, если при генерации траекторий управляющих параметров возникнет нарушение глобальных или ситуативных ограничений. Например, если для достижения цели в заданный момент времени необходимы такие скорости или ускорения некоторых управляющих параметров, которые физиологически или ситуативно недопустимы (= не удовлетворяют ограничениям), то в речевом потоке данная целевая артикуляция достигнута не будет.

²⁴ Вопрос о языке записи текущих условий произношения представляет большую практическую важность, однако, насколько автор может судить, совершенно не изучался в литературе.

учитываются как правила, свойственные данному языку, так и индивидуальные особенности организации темпо-ритмической структуры для данного человека (темп, свойственный данному человеку) и текущие условия произношения (текущее эмоциональное состояние человека, говорит ли он в положении покоя или на бегу и т. д.). Один из алгоритмов внутреннего тайминга построен в [Kaburagi, Kim 2007]. Если используется понятие партитуры, то этап внутреннего тайминга самостоятельно не выделяется — партитура уже содержит всю необходимую временную информацию для порождаемого высказывания.

Этап установки ситуативных ограничений: на этом этапе вводятся ситуативные ограничения на значения, скорости и ускорения управляющих параметров.

Поверхностно-моторный этап. На данном этапе происходит синтез артикуляционных конфигураций путем порождения таких траекторий, которые бы, во-первых, удовлетворяли всем глобальным и ситуативным ограничениям, во-вторых, минимизировали выбранный критерий оптимальности и, в-третьих, по возможности достигали бы целевых артикуляций в заданные моменты времени.

Далее мы рассмотрим две наиболее известные в мировой литературе динамические фонологические модели: 1) модели, построенные специалистами Хаскинских лабораторий, США (работы E. Saltzman, K. Munhall, J. Perkell, D. Ostry, K. Browman, L. Goldstein и др.), 2) модели японских специалистов, в первую очередь сотрудников Waseda University и NTT Communication Science Labs (работы M. Honda, K. Honda, J. Dang, T. Kaburagi, T. Okadome и др.).

2. Специалисты Хаскинских лабораторий (Haskins Labs)

Основной фонологической концепцией, в рамках которой специалисты Хаскинских лабораторий описывают фонетику естественных языков, является так называемая **артикуляционная фонология** [Browman, Goldstein 1989]. В рамках данной концепции атомарной единицей фонологической системы для произвольного языка является артикуляционный жест²⁵. Разные языки отличаются друг от друга различными наборами жестов и/или различными целевыми значениями артикуляционных признаков для тех или иных жестов. Моторная программа каждого планируемого высказывания записывается в виде партитуры (см. выше), на которой в явном виде указываются как интервалы активации для каждого жеста, так и целевые значения соответствующих артикуляционных признаков.

Понятие партитуры дает возможность ввести в фонологическое описание естественных языков время. Каждое планируемое высказывание на моторном уровне может быть представлено в виде той или иной партитуры; иначе говоря, на моторном уровне каждое высказывание является скоординированной во времени структурой определенных артикуляционных жестов. Для различных входных фонемных цепочек эти структуры различны; вместе с тем, в каждом языке присутствует набор типичных (для данного языка) артикуляционных структур. В рамках артикуляционной фонологии такие структуры называются фонологическими созвездиями (constellations), или фонологическими молекулами (molecules). Одни созвездия соответствуют фонемам (в традиционном таксономическом понимании этого термина), другие — слогам и т. д. Важно иметь в виду, что понятие «фонема» не является, в противоположность артикуляционному жесту, основополагающим в артикуляционной фонологии.

Интервалы активации для различных жестов могут перекрываться во времени — полностью или частично (например, на рис. 9 интервалы активации для палатального

²⁵ В работе [Byrd, Krivokapic 2021] предпринята попытка построить динамическую просодическую модель на базе постулатов артикуляционной фонологии. В рамках данной концепции атомарной единицей является просодический жест.

и назального жеста частично перекрываются во времени; на том же рисунке интервалы назального и апикального жестов полностью перекрываются во времени). В рамках артикуляционной фонологии явление временного перекрытия интервалов активации является основным для объяснения различных коартикуляционных явлений (например, частичной назализации гласного /æ/, очевидной на партитуре рис. 9). Различие между полным и неполным стилями произношения в рамках артикуляционной фонологии объясняется а) сокращением интервалов активации в неполном стиле, б) увеличением случаев частичного или полного перекрытия интервалов активации в неполном стиле, в) уменьшением амплитуды активаций для разных жестов (что означает недостижение теми или иными признаками своих целевых значений, *undershoot*) (подробнее см. [Browman, Goldstein 1989]).

Вычислительным модулем, позволяющим в рамках артикуляционной фонологии генерировать конкретные артикуляционные траектории по заданной дискретной цепочке фонем, является так называемая **task-dynamics**-модель, построенная в [Saltzman, Munhall 1989]. В рамках статьи порождение произвольного речевого потока по входной цепочке фонем разбивается на два этапа — глубинно-моторный этап («*intergestural coordination*», согласно терминологии [Ibid.]) и поверхностно-моторный этап («*interarticulatory coordination*», согласно терминологии [Ibid.]). На глубинно-моторном этапе осуществляется построение партитуры планируемого высказывания с помощью ряда эвристических правил. На поверхностно-моторном этапе происходит синтез конкретных артикуляционных траекторий.

В основе всех построений лежит артикуляционная модель, предложенная в [Rubin et al. 1981]. Модель характеризуется следующими управляющими параметрами («*articulatory variables*», согласно терминологии [Saltzman, Munhall 1989]): LH — горизонтальное смещение губ, JA — угол раствора нижней челюсти, ULV — вертикальное смещение верхней губы, LLV — вертикальное смещение нижней губы, TBR, TBA — вертикальное и горизонтальное смещение тела языка относительно системы координат, жестко связанной с нижней челюстью, TTR, TTA — вертикальное и горизонтальное смещение кончика языка, V — угол поворота небной занавески относительно точки ее прикрепления к твердому небу, G — расстояние между черпаловидными хрящами (т. е. фонационный признак, определяющий наличие / отсутствия голосового источника), т. е. всего 10 управляющих параметров. Кроме того, вводятся следующие 9 артикуляционных признаков («*tract variables*», согласно терминологии [Saltzman, Munhall 1989]), определяющих целевые артикуляции фонем: LP — степень огубления, LA — площадь поперечного сечения губной секции, LTH — площадь поперечного сечения зубной секции, TTCD — площадь поперечного сечения переднеязычной секции, TTCL — координата переднеязычной секции, TDCL — площадь поперечного сечения, соответствующего дорсальной области на языке, TDCL — координата соответствующей секции, VEL — площадь прохода в назальную область, GLO — площадь просвета между голосовыми складками. Артикуляционные признаки и управляющие параметры связаны набором линейных уравнений, полученных по результатам экспериментов с артикуляционной моделью из [Rubin et al. 1981].

С каждым из девяти артикуляционных признаков и каждой фонемой в данном языке связывается определенный артикуляционный жест. Каждый жест определяется четырьмя характеристиками: а) целевое значение артикуляционного признака для данной фонемы, б) эквивалентная масса секции речевого тракта, связанной с данным жестом (например, для билабиального жеста задается масса верхней и нижней губы), в) эквивалентная жесткость²⁶ секции речевого тракта, связанной с данным жестом, г) эквивалентный коэффициент механических потерь секции речевого тракта, связанной с данным жестом. Динамика каждого жеста описывается уравнением гармонического осциллятора²⁷. В качестве

²⁶ Жесткость некоторого речевого участка является мерой его напряженности: чем выше жесткость, тем больше напряжены стенки речевого тракта на данном участке, и наоборот.

²⁷ Читатели, не знакомые с уравнением гармонического осциллятора, могут обратиться за дополнительной информацией к любому учебнику по обыкновенным дифференциальным уравнениям.

критерия оптимальности используется критерий минимума работы управляющих параметров на смещение относительно нейтральной конфигурации речевого тракта. Построение интервалов активации для каждого жеста осуществляется с помощью специальных лингвистических правил; эти правила совместно с критерием минимума работы артикуляторов, уравнениями гармонического осциллятора и аналитическими соотношениями между артикуляционными признаками и управляющими параметрами полностью определяют динамическую модель [Saltzman, Munhall 1989]. Выстраивая для каждой входной цепочки фонем соответствующую партитуру и используя упомянутые выше уравнения, можно вычислить искомый речевой поток.

Используя построенную динамическую модель, авторы провели ряд экспериментов по моделированию некоторых артикуляционных явлений:

1. Были смоделированы звуко сочетания /i g i/ и /æ g æ/, при этом конфигурации начальной и конечной гласной фонемы были заданы. Для согласной фонемы /g/ в качестве целевой артикуляции задавалась только нулевая велярная смычка, но не место смыкания (место смыкания должно было быть рассчитано динамической моделью). Для /g/ в окружении гласных /i/ вычисленное место смыкания справедливо оказалось гораздо более передним (палатализованным), чем для /g/ в окружении гласных /æ/.
2. Были сгенерированы траектории нескольких реперных точек на губах, нижней челюсти и языке при артикуляции звуко сочетания $/\Gamma_1 - C_1 - \Gamma_2 - C_2 - \Gamma_3/$, где в качестве C_1 и C_2 выступали глухие и звонкие билабиальные взрывные фонемы, а в качестве Γ_1 , Γ_2 и Γ_3 выступали гласные фонемы /ə, æ, ə/. Вычисленные траектории были сопоставлены с траекториями, измеренными с помощью скоростной кинорентгено съемки для некоторого носителя американского английского языка. Траектории качественно оказались весьма похожими; к сожалению, количественные результаты сравнения траекторий в статье не приводятся.

В [Browman, Goldstein 1990] артикуляционная партитура дополнена информацией о ритмической организации порождаемого высказывания. Кроме того, показана необходимость использования более глубинных, чем партитура, представлений высказывания в терминах гласных и согласных классов фонем. Полученные результаты обсуждаются применительно к проблеме моделирования речевого потока в неполном стиле произношения.

Построение партитуры для произвольного высказывания требует задания интервалов активации артикуляционных жестов, а также временных сдвигов этих интервалов друг относительно друга (intergestural timing). Правила построения таких сдвигов для полного и неполного стилей произношения на материале различных языков обсуждаются в [Browman 1992; Gafos et al. 2020]. Более сложная модель, опирающаяся на методы нелинейной динамики, построена и исследована в [Saltzman, Byrd 2000].

В работах [Smith et al. 1993; McGowan 1994; McGowan, Lee 1996] построены алгоритмы вычисления характеристик артикуляционных жестов (т. е. значений эквивалентных масс, коэффициентов потерь и жесткостей) по измеренным траекториям реперных точек на подвижных поверхностях речевого тракта и по формантным траекториям.

В [McGowan, Saltzman 1995] в число управляющих параметров артикуляционной модели были внесены три новых: а) сила, оказываемая диафрагмой на легкие, б) натяжение голосовых складок и в) объем речевого тракта от голосовой щели до места наибольшего сужения во рту. Состав признаков также был дополнен тремя новыми: а) подсвязочное давление, б) перепад надсвязочного и подсвязочного давления и в) частота основного тона. Новые управляющие параметры и признаки позволили авторами моделировать не только артикуляцию, но и некоторые аэродинамические процессы, происходящие в речевом тракте в процессе речеобразования. В статье по входным цепочкам фонем для некоторых звуко сочетаний типа «гласная фонема + согласная фонема + гласная фонема» синтезированы не только речевые потоки (= последовательности артикуляций), но и соответствующие этим потокам акустические сигналы. В [Rubin et al. 1996] набор управляющих параметров

дополнен еще одним — параметром, определяющим прогиб кончика языка (ТТСО) в средне-сагиттальном сечении. Кроме того, предложена модель автоматического построения интервалов активации на базе некоторой рекуррентной нейронной сети. Обновленная динамическая модель с успехом была использована в артикуляционном синтезаторе CASY [Iskarous et al. 2003; Nam et al. 2013].

3. Японские исследования (Waseda University, NTT Communication Science Labs)

Классической статьёй, в значительной степени определившей направление работ японских исследователей, стала публикация [Kaburagi, Honda 1996]. В ней в качестве данных использовались синхронные измерения траекторий семи реперных точек (одна точка на верхней губе, одна на нижней, одна на нижнем резце, четыре точки на языке) и соответствующих речевых сигналов. Все измерения выполнены с помощью электромагнитного артикулографа. В качестве минимальной единицы Лексикона выступает фонема. Управляющими параметрами служили: расстояние между верхней и нижней губой, степень огубления, координаты нижнего резца и координаты 32-х управляющих точек на поверхности языка. Динамика каждого управляющего параметра моделировалась уравнением гармонического осциллятора, возбуждаемого ступенчатой командой (с физиологической точки зрения команда есть равнодействующая всех сил, оказываемых мышцами на данный управляющий параметр). В качестве критерия оптимальности использовалась сумма энергетического критерия и дополнительного критерия, минимизирующего количество команд на некотором временном интервале (около 150 мсек). Целевые артикуляции для каждой фонемы определялись посредством специальных ограничений-равенств, связывающих управляющие параметры с сужениями в различных сечениях речевого тракта. Полная процедура автоматического вычисления артикуляционных траекторий по заданной дискретной цепочке фонем сводилась к минимизации суммарного энергетического критерия при двух типах ограничений: а) ограничения-равенства, задаваемые целевыми артикуляциями фонем в определенные моменты времени, б) модельные ограничения-равенства, связывающие динамику каждого управляющего параметра с командой посредством уравнения гармонического осциллятора. В статье построен алгоритм аналитического решения этой оптимизационной задачи на базе динамического программирования.

В [Kaburagi, Honda 2001] разработана специальная статистическая процедура (на базе линейного дискриминантного анализа), позволяющая по измерениям с помощью электромагнитного артикулографа определять целевые артикуляции фонем (всего в исследовании использовалось 35 фонем японского языка). Используя данную процедуру, а также упомянутый выше алгоритм расчета речевого потока по дискретной цепочке фонем, авторы смоделировали ряд коартикуляционных эффектов в японском языке на синтетических траекториях некоторых звукосочетаний типа «гласная фонема + согласная фонема + гласная фонема» (гласные = /Е, I/, согласные = /Р, Т, К/). На интервале произнесения всех согласных фонем алгоритм правильно автоматически рассчитал палатализацию языка перед /I/ и веляризацию перед /А/²⁸. Также были смоделированы речевые потоки для ряда фраз японского языка. Траектории для каждой реперной точки были сопоставлены с траекториями, измеренными с помощью электромагнитного артикулографа. Средняя ошибка между измеренными и вычисленными траекториями по всем точкам составила 1,5 мм

²⁸ Целевые артикуляции для /Р, Т, К/ в этой работе определялись как нулевая площадь на губах, в переднеязычной и заднеязычной областях соответственно. Палатализация и веляризация не входили в число целевых артикуляций, поскольку оппозиция по «твёрдости — мягкости» в японском языке не является смыслообразительной.

(к сожалению, значения среднеквадратической ошибки в процентах не приводятся). Также были проведены эксперименты по синтезу речевых потоков при условии, что минимальной единицей Лексикона является не фонема, а дифон (всего в исследовании использовалось 248 дифонов). Выяснилось, что точность аппроксимации измеренных траекторий фонемной и дифонной моделями практически одинакова. Отсюда был сделан вывод о физиологической адекватности построенной фонемной модели.

В [Okadome, Honda 2001] в качестве минимальной единицы Лексикона использовался трифон (всего использовалось 507 трифонов). В качестве целевой артикуляции каждого трифона использовались средние значения координат и скоростей управляющих параметров, определенных с помощью базы артикулографических измерений. В качестве целевого функционала использовался силовой критерий. Средняя ошибка между измеренными и вычисленными траекториями по всем реперным точкам составила 1,55 мм, что сопоставимо с точностью фонемной динамической модели.

В [Kaburagi, Kim 2007] исследовалась задача порождения как артикуляционных траекторий, так и соответствующих речевых сигналов по дискретной цепочке фонем. В качестве реперных точек использовались 8 точек измерения (7 точек на губах, нижнем резце и языке — см. выше, и одна точка на мягком небе). В качестве единицы Лексикона использовалась фонема. Артикуляторная модель, ограничения и критерий оптимальности заимствовались из [Kaburagi, Honda 1996]. Процедура определения целевых артикуляций фонем совпадала с процедурой из [Kaburagi, Honda 2001]. Построен алгоритм внутреннего таймирования. С помощью базы синхронных измерений речевых сигналов и соответствующих траекторий реперных точек каждой фонеме был составлен соответствующий ей акустический спектр (акустические спектры параметризовались 14 коэффициентами линейного предсказания при частоте дискретизации речевого сигнала = 8 кГц). После генерации артикуляционных траекторий акустический спектр в произвольный момент времени вычислялся как взвешенная сумма акустических спектров, соответствующих двум соседним фонемам. Эксперименты с синтезом артикуляционных траекторий и соответствующих им сонограмм были проведены на материале ряда звуко сочетаний японского языка типа «гласная фонема + согласная фонема + гласная фонема», а также на одной японской фразе. Синтетические траектории и соответствующие им сонограммы оказались качественно весьма похожими на артикуляционные и акустические измерения. Среднее значение среднеквадратических погрешностей между измеренными и синтетическими траекториями для всех фраз составила 1,27 мм, а среднее значение различий между измеренными спектрами и спектрами, вычисленными по артикуляциям, составило 3,44 дБ. Таким образом, полученные результаты можно считать обнадеживающими.

В упомянутых выше работах использовалась сравнительно простая артикуляторная модель. Гораздо более сложная модель построена в [Dang, Honda 2004]. В рамках модели тело языка в трех измерениях аппроксимируется набором связанных друг с другом упругих параллелепипедов. Девять управляющих язычных мышц (*genioglossus*, *styloglossus*, *hyoglossus*, *verticalis* и т. д.) описываются упругими цилиндрами. Управляющими параметрами служат амплитуды сил, действующих на язычные мышцы. Построен алгоритм, позволяющий пересчитывать мышечные усилия в сужения в тех или иных областях речевого тракта. Исследован вопрос о реорганизации партитуры мышечных усилий при генерации различных компенсационных артикуляционных явлений. В [Ito et al. 2004] предложено дополнить набор управляющих параметров значениями жесткости соответствующих язычных мышц.

В [Chen et al. 2013; Yan et al. 2014] построена статистическая динамическая фонологическая модель. В рамках модели отображение пространства мышечных усилий на целевые артикуляции и соответствующие управляющие параметры осуществляется с помощью специальных нейронных сетей (так называемых самоорганизующихся карт Кохонена). Построенная модель позволила сгенерировать ряд коартикуляционных явлений в различных сочетаниях «согласная фонема + гласная фонема» для японского языка.

Процедура определения целевых артикуляций, предложенная в [Kaburagi, Honda 2001], хорошо подходит для согласных фонем; для гласных же эта процедура гораздо менее эффективна. Работа [Lu, Dang 2010] посвящена определению целевых артикуляций гласных фонем японского языка методами алгебраической топологии. Построен алгоритм, позволяющий вычислять целевые артикуляции по базе измерений, выполненных с помощью электромагнитного артикулографа.

Ряд работ посвящен проблеме учета индивидуальных анатомических особенностей речевого тракта при определении целевых артикуляций. В [Hashi et al. 1998] вместо стандартной декартовой системы координат введены две новые координатные оси — одна соответствует расстоянию, измеренному вдоль поверхности мягкого и твердого неба (т. е. речевой тракт в этих областях как бы выпрямляется), а вторая ось откладывается перпендикулярно первой. Для некоторых гласных звуков и некоторых дикторов подобная нормализация позволила снизить дисперсию измерений реперных точек на поверхности языка на 1 мм (по сравнению с дисперсией исходных измерений). Другой подход предложен в [Wei, Dang 2008]. В рамках этого подхода соответствие между реперными точками произвольного диктора с произвольными анатомическими и артикуляторными характеристиками и реперными точками идеального речевого тракта строится с помощью формулы для тонкой бесконечной пластины. Дисперсия измерений всех реперных точек снизилась на 2 мм по сравнению с дисперсией исходных ненормированных измерений. При этом процедура нормализации практически не затронула расположение контрольных сечений, в которых определяются целевые значения площадей речевого тракта.

Заключение

На этом мы заканчиваем обзор основных научных результатов, полученных специалистами Хаскинских лабораторий и исследователями из Waseda University и NTT Communication Science Labs. Рамки обзора не позволили осветить ряд важных тем. Например, мы опустили вопрос о сопоставлении артикуляционной фонологии с другими фонологическими теориями (традиционная таксономическая фонология, генеративная фонология, автосегментная фонология и т. д.) (детально этот вопрос изложен в [Browman, Goldstein 1989; Studdart-Kennedy, Goldstein 2003; Honorof 2004]). Мы также не коснулись того, каким образом в рамках динамических моделей объясняются процессы усвоения фонетической структуры языка детьми (см. [Goldstein, Fowler 2003; Rubertus, Noiray 2018]). За рамками обзора осталась проблема поиска фонетических и фонологических коррелятов в человеческом мозгу [Mascheretti et al. 2021; Ohashi, Ostry 2021]. Все же автор надеется, что ему удалось в какой-то степени рассказать об основных положениях теории динамических моделей и, возможно, даже заинтересовать кого-то из читателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арнольд 1999 — Арнольд В. И. *Лекции об уравнениях с частными производными*. М.: ФАЗИС, 1999. [Arnol'd V. I. *Lektsii ob uravneniyakh s chastnymi proizvodnymi* [Lectures on partial differential equations]. Moscow: FAZIS, 1999.]
- Баден и др. 2005 — Баден П., Макаров И. С., Сорокин В. Н. Алгоритм вычисления площадей поперечных сечений речевого тракта. *Акустический журнал*, 2005, 51(1): 52–58. [Badin P., Makarov I. S., Sorokin V. N. An algorithm for calculating the cross-section areas of the vocal tract. *Akusticheskii zhurnal*, 2005, 51(1): 52–58.]
- Князев 1999 — Князев С. В. О прогрессивной ассимиляции в современном русском языке. *Вестник Московского государственного университета. Сер. 9. Филология*, 1999, 4: 18–33. [Knyazev S. V.

- On progressive assimilation in Modern Russian. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 1999, 4: 18–33.]
- Князев 2001 — Князев С. В. Еще раз о соотношении фонетики и фонологии. *Вестник Московского государственного университета. Сер. 9. Филология*, 2001, 5: 101–112. [Knyazev S. V. Once again on the relationship between phonetics and phonology. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 2001, 5: 101–112.]
- Князев 2004 — Князев С. В. Об иерархии фонологических правил в русском языке (несколько новых соображений по поводу язв А. А. Реформатского). *Семиотика, лингвистика, поэтика: К столетию со дня рождения А. А. Реформатского*. Виноградов В. А. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2004, 151–166. [Knyazev S. V. On the hierarchy of phonological rules in Russian (several new thoughts on yavz of A. A. Reformatsky). *Semiotika, lingvistika, poetika: K stoletiyu so dnya rozhdeniya A. A. Reformatskogo*. Vinogradov V. A. (ed.). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004, 151–166.]
- Кодзасов, Кривнова 2001 — Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. *Общая фонетика: Учебник*. М.: РГГУ, 2001. [Kodzason S. V., Krivnova O. F. *Obshchaya fonetika: Uchebnik* [General phonetics: A textbook]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2001.]
- Леонов и др. 2003 — Леонов А. С., Макаров И. С., Сорокин В. Н., Цыплихин А. И. Артикуляторный ресинтез гласных. *Информационные процессы*, 2003, 3(2): 73–82. [Leonov A. S., Makarov I. S., Sorokin V. N., Tsyplikhin A. I. Articulatory resynthesis of vowels. *Informatsionnye protsessy*, 2003, 3(2): 73–82.]
- Леонов и др. 2004 — Леонов А. С., Макаров И. С., Сорокин В. Н., Цыплихин А. И. Артикуляторный ресинтез фрикативных. *Информационные процессы*, 2004, 4(2): 141–159. [Leonov A. S., Makarov I. S., Sorokin V. N., Tsyplikhin A. I. Articulatory resynthesis of fricatives. *Informatsionnye protsessy*, 2004, 4(2): 141–159.]
- Леонов и др. 2005 — Леонов А. С., Макаров И. С., Сорокин В. Н., Цыплихин А. И. Кодовая книга для речевых обратных задач. *Информационные процессы*, 2005, 5(2): 101–119. [Leonov A. S., Makarov I. S., Sorokin V. N., Tsyplikhin A. I. A codebook for speech inverse problems. *Informatsionnye protsessy*, 2005, 5(2): 101–119.]
- Макаров 2005 — Макаров И. С. *Построение и исследование артикуляторных кодовых книг для решения речевых обратных задач*. Дис. ... канд. тех. н. М.: ИППИ РАН, 2005. [Makarov I. S. *Postroenie i issledovanie artikulyatornykh kodovykh knig dlya resheniya rechevykh obratnykh zadach* [Construction and research of articulatory codebooks for solution of speech inverse problems]. Candidate diss. Moscow: Kharkevich Institute for Information Transmission Problems, 2005.]
- Макаров 2009 — Макаров И. С. Аппроксимация речевого тракта коническими рупорами. *Акустический журнал*, 2009, 55(2): 256–265. [Makarov I. S. Approximating the vocal tract by conical horns. *Akusticheskii zhurnal*, 2009, 55(2): 261–269.]
- Макаров 2011 — Макаров И. С. Алгоритм быстрого вычисления передаточной функции для неоднородной акустической трубы. *Акустический журнал*, 2011, 57(5): 695–708. [Makarov I. S. A fast transfer function algorithm for nonuniform acoustic tubes. *Akusticheskii zhurnal*, 2011, 57(5): 695–708.]
- Макаров 2023 — Макаров И. С. Двухмерная математическая модель языка. Рук., 2023. [Makarov I. S. *Dvukhmernaya matematicheskaya model' yazyka* [A 2D-tongue mathematical model]. Ms., 2023.]
- Макаров, Сорокин 2004 — Макаров И. С., Сорокин В. Н. Резонансы разветвленного речевого тракта с податливыми стенками. *Акустический журнал*, 2004, 50 (3): 389–396. [Makarov I. S., Sorokin V. N. Resonances of the branched vocal tract with compliant walls. *Akusticheskii zhurnal*, 2004, 50(3): 323–330.]
- Сорокин 1992 — Сорокин В. Н. *Синтез речи*. М.: Наука, 1992. [Sorokin V. N. *Sintez rechi* [Speech Synthesis]. Moscow: Nauka, 1992.]
- Сорокин 2012 — Сорокин В. Н. *Речевые процессы*. М.: Народное образование, 2012. [Sorokin V. N. *Rechevye protsessy* [Speech Processes]. Moscow: Narodnoe obrazovanie, 2012.]
- Щерба 1974 — Щерба Л. В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов. *Языковая система и речевая деятельность*. Зиндер Л. Р., Матусевич М. И. (ред.). Л.: Наука, 1974. [Shcherba L. V. On different pronunciation styles and on the ideal phonetic structure of words. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'*. Zinder L. R., Matusevich M. I. (eds.). Leningrad: Nauka, 1974.]
- Browman 1992 — Browman C. Articulatory Phonology: An overview. *Phonetica*, 1992, 49: 155–180.
- Browman, Goldstein 1989 — Browman C., Goldstein L. Articulatory gestures as phonological units. *Phonology*, 1989, 6: 201–251.

- Browman, Goldstein 1990 — Browman C., Goldstein L. Tiers in articulatory phonology, with some implications for casual speech. *Papers in laboratory phonology I: Between the grammar and the physics of speech*. Kingston J., Beckman M. E. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990, 341–376.
- Byrd, Krivokapic 2021 — Byrd D., Krivokapic E. Cracking prosody in articulatory phonology. *Annual Review in Linguistics*, 2021, 7: 31–53.
- Chen et al. 2013 — Chen X., Dang J., Yan H., Fang Q., Kröger B. A neural understanding of speech motor learning. *Proc. of the 2013 Asia-Pacific Signal and Information Processing Association Annual Summit and Conference (Kaohsiung, Oct. 29–Nov. 1, 2013)*. New York: Institute of Electrical and Electronics Engineers, 2013, 1–14.
- Dang, Honda 2004 — Dang J., Honda K. Construction and control of a physiological articulatory model. *Journal of the Acoustical Society of America*, 2004, 115(2): 853–870.
- Dusan 2000 — Dusan S. *Statistical estimation of articulatory trajectories from the speech Signal using dynamic and phonological constraints*. Ph.D. diss. Waterloo: Univ. of Waterloo, 2000.
- Fant 2001 — Fant G. Swedish vowels and a new three-parameter model. *Quarterly Progress and Status Report*, 2001, 42(1): 43–49.
- Gafos et al. 2020 — Gafos A., Roeser J., Sotiropoulou S., Hoole P., Zeroual C. Structure in mind, structure in vocal tract. *Natural Language Linguistic Theory*, 2020, 38: 43–75.
- Goldstein, Fowler 2003 — Goldstein L., Fowler C. Articulatory Phonology: A phonology for public language use. *Phonetics and phonology in language Comprehension and production*. Schiller N. O., Meyer A. S. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2003, 159–207.
- Gomez et al. 2020 — Gomez A., Stone M. L., Woo J., Xing F., Prince J. L. Analysis of fiber strain in the human tongue during speech. *Computer Methods in Biomechanics and Biomedical Engineering*, 2020: 23(8), 312–322.
- Hanson, Stevens 2002 — Hanson H., Stevens K. A quasiarticulatory approach to controlling acoustic source parameters in a Klatt-type formant synthesizer using Hlsyn. *Journal of the Acoustical Society of America*, 2002, 112: 1158–1182.
- Hashi et al. 1998 — Hashi M., Westbury J. R., Honda K. Vowel posture normalization. *Journal of the Acoustical Society of America*, 1998, 104: 2426–2437.
- Honorof 2004 — Honorof D. Articulatory events are given in advance. *Hard-Science Linguistics*. Yngve V. H., Wasik Z. (eds.). London: Continuum, 2004, 67–86.
- Huang et al. 2001 — Huang X., Acero A., Hon H.-W. *Spoken Language Processing*. New Jersey: Prentice Hall, 2001.
- Iskarous et al. 2003 — Iskarous K., Goldstein L., Whalen D., Tiede M., Rubin P. CASY: The Haskins Configurable Articulatory Synthesizer. *Proc. of the 15th International Congress of Phonetic Sciences (Barcelona, Aug. 3–9, 2003)*. Solé M. J., Recasens D., Romero J. (eds.). Barcelona: FUTURGRAFIC, 2003, 185–188.
- Ito et al. 2004 — Ito T., Gomi H., Honda M. Dynamical simulation of speech cooperative articulation by muscle linkages. *Biological Cybernetics*, 2004, 91: 275–282.
- Kaburagi, Honda 1994 — Kaburagi T., Honda M. Determination of sagittal tongue shape from the positions of points on the tongue surface. *Journal of the Acoustical Society of America*, 1994, 96(3): 1356–1366.
- Kaburagi, Honda 1996 — Kaburagi T., Honda M. A model of articulator trajectory formation based on the motor tasks of vocal-tract shapes. *Journal of the Acoustical Society of America*, 1996, 99(5): 3154–3170.
- Kaburagi, Honda 2001 — Kaburagi T., Honda M. Dynamic articulatory model based on multidimensional invariant-feature task representation. *Journal of the Acoustical Society of America*, 2001, 110(1): 441–451.
- Kaburagi, Kim 2007 — Kaburagi T., Kim J. Generation of the vocal tract spectrum from the underlying articulatory mechanism. *Journal of the Acoustical Society of America*, 2007, 121(1): 456–468.
- Lu, Dang 2010 — Lu X., Dang J. Vowel Production Manifold: Intrinsic Factor Analysis of Vowel Articulation. *IEEE Transactions on Audio, Speech, and Language Processing*, 2010, 18(5): 1053–1062.
- Mascheretti et al. 2021 — Mascheretti S., Perdue M., Feng B., Andreola Ch., Dionne G., Jasińska K., Pugh K., Grigorenko E., Landi N. From BDNF to reading: Neural activation and phonological processing as multiple mediators. *Behavioral Brain Research*, 2021, 396: 112859.
- McGowan 1994 — McGowan R. Recovering articulatory movement from formant frequency trajectories using task dynamics and a genetic algorithm: Preliminary model tests. *Speech Communication*, 1994, 14: 19–48.
- McGowan, Lee 1996 — McGowan R., Lee M. Task dynamic and articulatory recovery of lip and velar approximations under model mismatch conditions. *Journal of the Acoustical Society of America*, 1996, 99(1): 595–608.
- McGowan, Saltzman 1995 — McGowan R., Saltzman E. Incorporating aerodynamic and laryngeal components into task dynamics. *Journal of Phonetics*, 1995, 23: 255–269.

- Nam et al. 2013 — Nam H., Mooshammer Ch., Iskarous K., Whalen D. Hearing tongue loops: Perceptual sensitivity to acoustic signatures of articulatory dynamics. *Journal of the Acoustical Society of America*, 2013, 134(5): 3808–3817.
- Narayanan, Alwan 2000 — Narayanan S., Alwan A. Noise source models for fricative consonants. *IEEE Transactions on Speech and Audio Processing*, 2000, 8(3): 328–344.
- Ohashi, Ostry 2021 — Ohashi H., Ostry D. Neural Development of Speech Sensorimotor Learning. *The Journal of Neuroscience*, 2021, 41(18): 4023–4035.
- Okadome, Honda 2001 — Okadome T., Honda M. Generation of articulatory movements by using a kinematic triphone model. *Journal of the Acoustical Society of America*, 2001, 110(1): 453–462.
- Rubertus, Noiray 2018 — Rubertus E., Noiray A. On the development of gestural organization: A cross-sectional study of vowel-to-vowel anticipatory coarticulation. *PLOS ONE*, 2018, 13(9): 1–21.
- Rubin et al. 1981 — Rubin P., Baer T., Mermelstein P. An articulatory synthesizer for perceptual research. *Journal of the Acoustical Society of America*, 1981, 70, 321–328.
- Rubin et al. 1996 — Rubin P., Saltzman E., Goldstein L., McGowan R., Tiede M., Browman C. CASY and extensions to the task-dynamic model. *1st ESCA Tutorial and Research Workshop on Speech Production Modeling — 4th Speech Production Seminar (Atrants, May 20–24, 1996)*. 1996, 125–128.
- Saltzman, Byrd 2000 — Saltzman E., Byrd D. Task-dynamics of gestural timing: Phase windows and multifrequency rhythms. *Human Movement Science*, 2000, 19: 499–526.
- Saltzman, Munhall 1989 — Saltzman E., Munhall K. A dynamical approach to gestural patterning in speech production. *Ecological Psychology*, 1989, 1(4): 333–382.
- Schroeter, Sondhi 1991 — Schroeter J., Sondhi M. M. Speech coding based on physiological models of speech production. *Advances in speech signal processing*. Furui S., Sondhi M. M. (eds.). New York: Marcel Dekker, 1991, 231–266.
- Serrurier et al. 2017 — Serrurier A., Badin P., Boe L.-J., Lamalle L., Neuschaefer-Rube C. Inter-speaker variability: Speaker normalisation and quantitative estimation of articulatory invariants in speech production for French. *Proc. of 18th Annual Conf. of the International Speech Communication Association (Stockholm, Aug. 20–24, 2017)*. Red Hook (NY): Curran Associates, 2017: 2272–2276.
- Serrurier et al. 2023 — Serrurier A., Neuschaefer-Rube Ch. Morphological and acoustic modeling of the vocal tract. *Journal of the Acoustical Society of America*, 2023, 153: 1867–1886.
- Smith et al. 1993 — Smith C., Browman C., McGowan R., Kay B. Extracting dynamic parameters from speech movement data. *Journal of the Acoustical Society of America*, 1993, 93(3): 1580–1586.
- Sorokin et al. 2005 — Sorokin V. N., Leonov A. S., Makarov I. S., Tsyplikhin A. I. Speech inversion and resynthesis. *Proc. of the 6th Interspeech 2005 and 9th European Conf. on Speech Communication and Technology (Lisboa, Sept. 4–8, 2005)*. Red Hook (NY): Curran Associates, 2005, 3209–3212.
- Story, Bunton 2011 — Story B., Bunton K. Decomposition of vowel and consonant contributions to the time-varying vocal tract shape. *Journal of the Acoustical Society of America*, 2011, 129, 2456.
- Story, Bunton 2019 — Story B., Bunton K. A model of speech production based on the acoustic relativity of the vocal tract. *Journal of the Acoustical Society of America*, 2019, 146: 2522–2528.
- Studdart-Kennedy, Goldstein 2003 — Studdart-Kennedy M., Goldstein L. Launching Language: The Gestural Origin of Discrete Infinity. *Language Evolution*. Christiansen M., Kirby S. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2003, 235–254.
- Wang et al. 2014 — Wang W., Arora R., Livescu K. Reconstruction of articulatory measurements with smoothed low-rank matrix completion. *Proc. of the 2014 IEEE Spoken Language Technology Workshop (South Lake Tahoe, Dec. 7–8, 2014)*. 54–59.
- Wei, Dang 2008 — Wei J., Dang J. Vocal tract normalization in articulatory space using thin-plate spline method. *Journal of the Acoustical Society of America*, 2008, 123, 3885.
- Westbury 1994 — Westbury J. R. *X-ray microbeam speech production database. User's handbook. Version 1*. Madison: Univ. of Wisconsin, 1994.
- Yan et al. 2014 — Yan H., Dang J., Cao M., Kröger B. A new framework of neurocomputational model for speech production. *Proc. of the 9th International Symposium on Chinese Spoken Language Processing (Singapore, Sept. 12–14, 2014)*. 2014, 294–298.
- Zhou et al. 2008 — Zhou X., Espy-Wilson C., Boyce S., Tiede M., Holland Ch., Choe A. A magnetic resonance imaging-based articulatory and acoustic study of “retroflex” and “bunched” American English /v/. *Journal of the Acoustical Society of America*, 2008, 123(6): 4466–4481.

[Рец. на: / Review of:] **Н. С. Джидалаев, З. Д. Магомедова, М. Ш. Халилов. *Словарь хваршинского языка***. М. Ш. Халилов (ред.). Махачкала: Алеф, 2022. 843 с. (Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Серия «Национально-русские словари». Бесписьменные языки Дагестана.) [N. S. Dzhidalaev, Z. D. Magomedova, M. Sh. Khalilov. *Slovar' khvarshinskogo yazyka* [A dictionary of Khwarshi]. M. Sh. Khalilov (ed.). Makhachkala: Alef, 2022. 843 p.] ISBN 978-5-00128-920-3.

Яков Георгиевич Тестелец

Yakov G. Testelecs

Институт языкознания РАН, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; testelets@gmail.com

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; testelets@gmail.com

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.1.156-160

«Словарь хваршинского языка» завершает впечатляющую как по объему, так и по уровню лексикографической разработки серию монографических словарей языков цезской группы нахско-дагестанской (восточнокавказской) языковой семьи, которая была создана М. Ш. Халиловым (два словаря в соавторстве с И. А. Исаковым). Работа над словарями пяти бесписьменных цезских языков представляет главную часть многолетней неустанной деятельности М. Ш. Халилова по созданию одно- и многоязычных словарей дагестанских языков, их фонетическому и грамматическому описанию, документации фольклора и исследованию языковых контактов, см. [Тестелец 2013]. Этот проект был начат в 1990-е гг. публикацией бежтинско-русского словаря [Халилов 1995], за которым последовали цезско-русский [Халилов 1999], гунзибско-русский [Исаков, Халилов 2001], гинухско-русский [Халилов, Исаков 2005] и новый, значительно расширенный и построенный на новых принципах, бежтинско-русский словарь [Халилов 2015].

Хваршинский язык — один из наиболее труднодоступных для исследователей и до последнего времени слабоизученных языков Дагестана. На нем говорит свыше 10 тыс. человек¹ в семи селениях высокогорного Цумадинского района и в нескольких населенных пунктах равнинной части Дагестана. Этот язык представлен двумя диалектами: собственно хваршинским и инхокваринским (с инхокваринским, квантладинским, сантладинским и хвайнинским говорами), которые могут рассматриваться и как два самостоятельных языка; о генетической принадлежности см. выше. Несмотря на то что хваршинский язык пока не находится под непосредственной угрозой исчезновения, перспективы его сохранения, как и у всех «малых» языков, не вызывают оптимизма. Нет сомнения в том, что следующее поколение лингвистов не смогло бы составить словарь подобного объема и уровня разработки материала — лексика, отражающая уходящие области традиционного хозяйства и культуры, исчезает из памяти носителей языка.

До 1990-х гг. систематической информации о лексике хваршинского языка в литературе не было. Затем был опубликован именник словарь инхокваринского диалекта [Кибрик, Кодзасов 1990] и данные по обоим диалектам, включенные в многоязычные словари разных жанров [Nikolayev, Starostin 1994; Климов, Халилов 2003; Comrie, Khalilov

¹ Эта оценка, с данными по отдельным населенным пунктам, приводится во введении к словарю (с. 18). Фактически это численность всего хваршинского этноса, из которого 2000–3000 чел., проживающие в горном Цумадинском районе, постоянно пользуются родным языком в повседневной жизни.

2010], а также монография, посвященная заимствованной лексике в хваршинском языке [Каримова, Халилов 2013]. Из других работ по хваршинскому языку следует упомянуть первое монографическое исследование [Khalilova 2009] и объемную публикацию фольклорных текстов [Каримова 2014].

Работа над «Словарем хваршинского языка» велась с длительными перерывами более 40 лет. Она была начата в 1978–1980 гг. в секторе бесписьменных языков Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР Н. С. Джидалаевым (1935–2014), специалистом по лакскому языку и тюркско-дагестанским языковым контактам, составившим первоначальный словник с участием второго из соавторов — З. Д. Магомедовой, школьной учительницы из с. Инхоквари, много сделавшей для сохранения и научного описания родного языка. В 2014 г. работа была продолжена З. Д. Магомедовой и завершена в 2020–2021 гг. с активным участием М. Ш. Халилова, обеспечившего полноту сбора материала и профессиональный формат представления данных. В результате двух лет интенсивной работы М. Ш. Халилов значительно увеличил, переработал и проверил собранный материал в соответствии с лексикографическими стандартами, заданными в словаре [Халилов 2015].

В итоге научная литература по дагестанским языкам обогатилась фундаментальным исследованием, содержащим в качестве заглавных лексем более 12 тыс. исконных и заимствованных слов с указанием ударения и основных морфологических форм, проиллюстрированных свободными и устойчивыми сочетаниями и идиомами.

В качестве приложения в словаре даны русско-хваршинский словарь-указатель, списки топонимов, микропонимов и антропонимов, названия хваршинских родов (тухумов) и их ветвей, краткий грамматический очерк З. М. Халиловой и М. Ш. Халилова на базе говора с. Квантлада, незначительно отличающегося от опорного говора с. Инхоквари, образцы текстов на нескольких говорах и литература по хваршинскому и другим цезским языкам, включая все публикации по хваршинскому до 2021 г. и многоязычные словари кавказских языков.

Как и в других словарях серии, авторам удалось найти компромисс между требованиями, предъявляемыми к научному изданию, и удобством для читателей — носителей языка. Так, слова, присоединяющие классно-числовые показатели (прилагательные, глаголы и некоторые местоимения, наречия и частицы) даны не в виде «чистых» основ: в качестве заглавного слова используется реальная словоформа, обычно II или IV класса ед. числа с показателем *-й-*, отделенным косой чертой.

В словаре с достаточной полнотой представлены сложные глаголы с неспрягаемой частью и полувспомогательными («легкими») глаголами *гула* ‘класть’, *йехъва* ‘стать’, *иййи* ‘делать’, *йегъва* ‘снять’ и *тылла* ‘давать’. В качестве иллюстративного материала приведено множество паремий (поговорок, благопожеланий, проклятий и т. п.). Указана классная принадлежность существительных и основные морфологические формы для всех изменяемых частей речи, и читатель имеет возможность самостоятельно построить все остальные формы словоизменительных парадигм. Особую ценность словарю придает, как и в других словарях серии, систематическое отражение глагольного словообразования: каузативных, дуративных и итеративных форм, особенно тех из них, которые только на первый взгляд кажутся регулярными, обширного пласта заимствованных из аварского языка глаголов на *-да-*, а также различного рода редупликаций. Например, отдельными статьями описываются *дурид-а* ‘бежать’, редуплицированный итератив *дур-дурид-а*, простой каузатив *дурид-окI-а*, двойной каузатив *дурид-ох-кI-а*, каузатив от итератива *дур-дурид-окI-а* и двойной каузатив от итератива *дур-дурид-ох-кI-а* (с. 173). Статьи, посвященные фразеологически активным лексемам, обозначающим части тела (*локIо* ‘сердце’, *эзол* ‘глаз’ или *лыкъа* ‘рука’), закономерно занимают по несколько страниц.

Словарь акцентуирован, и новый лексический материал следует правилам расстановки слабого динамического ударения, сформулированным в [Khalilova 2009: 34–37]. По нашим данным, эти правила верны для обоих диалектов, а не отраженные в словаре тоны,

обнаруженные в ходе экспедиции МГУ в 1975 г. [Кибрик и др. 1978; Николаев 2000], а также слоговой тон по С. В. Кодзасову [Кибрик, Кодзасов 1990], по-видимому, представляют собой ошибку и не подтверждаются инструментальным анализом².

В словаре приводится материал собственно хваршинского диалекта и других говоров инхокваринского в тех случаях, когда они отличаются от опорного говора с. Инхоквари. К сожалению, сведений о фонетических и морфологических отличиях между диалектами в словаре не содержится, хотя перечень основных отличий не занял бы много места (в собственно хваршинском отсутствие фарингализации, сужение назализованных гласных среднего подъема, регулярные соответствия гласных типа инхокв. *мец* — хварш. *мыц* ‘язык’, инхокв. *бох* — хварш. *бах* ‘трава’, настоящее время, восходящее к локативной форме, и отсутствие творительного падежа, см. [Бокарев 1959]). В словаре не отмечены случаи отражения инхокваринского (и працезского) *ы* в качестве *у* в квантладинском говоре: *тлуро* ‘мост’, *муц* ‘язык’, *-ухху* ‘теплый’, *-ухала* ‘длинный’ и т. п. По крайней мере в части квантладинских слов наблюдается свободное варьирование с *ы*, хотя примеры в [Khalilova 2009: 7], возможно, отражают интерференцию говоров.

Некоторые вопросы вызывает описание предельных глаголов движения со значениями ‘приходить’ и ‘уходить’. По суждению носителей языка, четыре глагола означают *-е"кьа* ‘уходить (вниз)’, *-о"кла* ‘уходить (вверх)’, *-уха* ‘приходить (вниз)’ и *-ом"кьа* ‘приходить (вверх)’. Картина реального использования этих слов сложнее. Это можно увидеть и в их текстовых употреблениях, и в словарных статьях, где в качестве первых значений дается соответственно, ‘идти, ходить’ (с. 242), ‘идти, ходить, двигаться, пойти’ (с. 280), ‘идти сверху вниз’ (с. 290) и ‘дотягиваться, дотянуться, доходить’ (с. 275). Кроме того, есть отдельная статья о глаголе *й-ихва* ‘выпадать (об осадках)’ (с. 260), который, возможно, представляет вариант *-уха*. Однако из словарных описаний остается не до конца ясным, какое место в лексическом значении этих глаголов занимает вертикальная ориентация движения.

Словарь отражает лексику описываемого языка с исчерпывающей полнотой. Рецензенту удалось заметить отсутствие только трех слов: *бибин* ‘горсть двумя руками’ (упоминается в указателе, но словарной статьи нет) [Кибрик, Кодзасов 1990: 29]; *члукI* ‘крючок’ [Там же: 182]; *жен* ‘еще раз, снова, по-прежнему’. Для слова *давла* ‘добыча, богатство’ (с. 167) не указано значение ‘охотничья добыча’ с устойчивым выражением *давла-гьа мокла* ‘идти на охоту’. В то же время в словаре заметны расхождения с отражением удвоенных согласных или назализованных гласных у других авторов, ср. *льо* ‘вода’ — *льо"* [Бокарев 1959: 147]; *а"эк* ‘жать, убирать урожай’ — *азк* [Khalilova 2009: 181]; *гьиболан* ‘каждый’ — *гьибалан*, *гьиболан* [Ibid.: 141; Каримова 2014: 328]; *ыллIлахь* ‘кашлять’ — *ыллахь* [Khalilova 2009: 181]. Вероятно, это не ошибки в записи предшественников, а свободные варианты или различия в говорах инхокваринского диалекта. Возможно также исчезновение назализации после неларингальных согласных, произошедшее с 1940-х гг., когда исследованием хваршинского языка занимался Е. А. Бокарев.

В словаре не указано пятое наречие, обозначающее ближайшие дни (в собственно хваршинском диалекте *гьваде* ‘завтра’, *зайзо* ‘послезавтра’, *миззо* ‘послепослезавтра’, *тиззо* ‘через четыре дня’ и *хиззо* ‘через пять дней’), хотя приведены инхокваринские соответствия для первых трех слов. По-видимому, пятое наречие с особым корнем для обозначения предстоящего дня — особенность хваршинского языка, так как в других цезских и андийских языках их не более четырех.

² Тоны были записаны в с. Инхоквари в 1975 г. под непосредственным впечатлением от впоследствии подтвердившегося открытия тоновой просодии в чамалинском [Магомедова 1999] и тиндинском (см. [Магомедова 2003: 543] о «сильном» и «слабом» ударении) языках в ходе лингвистической экспедиции МГУ того же года. Можно заметить, что, например, «низкий ровный тон» возникает в словах с одинаковыми гласными, то есть такого рода сегментная монотонность воспринималась исследователями как ровный тон: *rēkene* ‘люлька’, *bōko* ‘шуба без рукавов’, *kūlu* ‘рукав’ и т. п.

Спорным решением является трактовка полисемии как омонимии (с отдельными словарными статьями для каждого значения) в таких случаях, как эму 'вилка' и 'шило', *a^hku* 'лопата' и 'лопатка (анатомич.)', *klolla* 'бросаться', 'прыгать' и 'выскочить', а также отдельные словарные статьи для единственного (*эзол*) и множественного (*эзалаба*) числа лексемы со значением 'глаз', несмотря на удобство такого приема для рассмотрения обширной идиоматики, связанной с этой лексемой.

В словаре встречаются нарушения алфавитного порядка, иногда затрудняющие поиск нужного слова, см. *gylɔɟl* 'пашня' (с. 129), *klollɔzɔ* 'квантладинцы' (с. 370). Техническим недостатком словаря в экземпляре рецензента оказалось неправильное расположение листа со с. 523–524. Слово со значением 'подол платья' дано дважды, причем только для собственно хваршинского диалекта, один раз без назализации *алье* (с. 48), второй раз с назализацией *a^hлье* (с. 58); в русско-хваршинском указателе дано слово *алье* 'охапка'; в инхокваринском словаре А. Е. Кибрика и С. В. Кодзасова [1990: 156] это слово записано с назализацией.

Указанные мелкие недочеты не умаляют значения «Словаря хваршинского языка» как крупного научного труда, принципиально изменившего ситуацию с состоянием изучения одного из «малых» языков России, а М. Ш. Халилова и его коллег можно поздравить с успешным завершением монументальной серии словарей бесписьменных цезских языков Дагестана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бокарев 1959 — Бокарев Е. А. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М.: Изд-во АН СССР, 1959. [Bokarev E. A. *Tsezskie (didoiskie) yazyki Dagestana* [Tsezic (Didoic) languages of Daghestan]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1959.]
- Исаков, Халилов 2001 — Исаков И. А., Халилов М. Ш. *Гунзибско-русский словарь*. М.: Наука, 2001. [Isakov I. A., Khalilov M. Sh. *Gunzibsko-russkii slovar'* [Hunzib-Russian dictionary]. Moscow: Nauka, 2001.]
- Каримова 2014 — Каримова Р. Ш. *Хваршинский фольклор*. Махачкала: Алеф, 2014. [Karimova R. Sh. *Khvarshinskii fol'klor* [Khwarshi folklore]. Makhachkala: Alef, 2014.]
- Каримова, Халилов 2013 — Каримова Р. Ш., Халилов М. Ш. *Заемствованная лексика в хваршинском языке*. Махачкала: Алеф, 2013. [Karimova R. Sh., Khalilov M. Sh. *Zaimstvovannaya leksika v khvarshinskom yazyke* [Borrowed vocabulary in Khwarshi]. Makhachkala: Alef, 2013.]
- Кибрик, Кодзасов 1990 — Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. *Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика*. М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. [Kibrik A. E., Kodzasov S. V. *Sopostavitel'noe izuchenie dagestanskikh yazykov. Imya. Fonetika* [A comparative study of the Daghestanian languages. Noun. Phonetics]. Moscow: Moscow Univ. Press, 1990.]
- Кибрик и др. 1978 — Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Старостин С. А. О просодической структуре слова в дагестанских языках. *Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации*. Вып. 115. М.: Изд-во ИРЯ РАН, 1978. [Kibrik A. E., Kodzasov S. V., Starostin S. A. On word prosody in the Daghestanian languages. *Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya gruppa po eksperimental'noi i prikladnoi lingvistike. Predvaritel'nye publikatsii*. No. 115. Moscow: Press of Vinogradov Russian Language Institute, 1978.]
- Климов, Халилов 2003 — Климов Г. А., Халилов М. Ш. *Словарь кавказских языков: сопоставление основной лексики*. М.: Восточная литература, 2003. [Klimov G. A., Khalilov M. Sh. *Slovar' kavkazskikh yazykov: sopostavlenie osnovnoi leksiki* [Dictionary of the Caucasian languages: A comparative study of basic vocabulary]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003.]
- Магомедова 1999 — Магомедова П. Т. *Чамалинско-русский словарь*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН; Лейпциг: Ин-т эволюционной антропологии им. Макса Планка, 1999. [Magomedova P. T. *Chamalinsko-russkii slovar'* [Chamalal-Russian dictionary]. Makhachkala: Tsadasa Institute of Language, Literature and Art; Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 1999.]
- Магомедова 2003 — Магомедова П. Т. *Тиндинско-русский словарь*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2003. [Magomedova P. T. *Tindinsko-russkii slovar'* [Tindi-Russian dictionary]. Makhachkala: Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, 2003.]

- Николаев 2000 — Николаев С. Л. Тиндинская и инхокваринская просодия и ее значение для севернокавказской реконструкции. *Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. Доклады и тезисы научной конференции, 29 мая — 2 июня 2000 г.* Старостин Г. С., Старостин С. А. (сост.). М.: Изд-во РГГУ, 2000, 154–159. [Nikolaev S. L. Tindi and Inkhokvari prosody and its place in the North Caucasian reconstruction. *Problemy izucheniya dal'nego rodstva yazykov na rubezhe tret'ego tysyacheletiya*. Conf. proceedings. Starostin G. S., Starostin S. A. (comps.). Moscow: Press of Russian State Univ. for the Humanities, 2000, 154–159.]
- Тестелец 2013 — Тестелец Я. Г. Собиратель языковых богатств Дагестана. *Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН*, 2013, 3: 201–206. [Testeleys Ya. G. The gatherer of Daghestanian linguistic treasures. *Vestnik Instituta yazyka, literatury i iskusstva im. G. Tsadasy DNTs RAN*, 2013, 3: 201–206.]
- Халилов 1995 — Халилов М. Ш. *Бежтинско-русский словарь*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 1995. [Khalilov M. Sh. *Bezhtinsko-russkii slovar'* [Bezhta-Russian dictionary]. Makhachkala: Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, 1995.]
- Халилов 1999 — Халилов М. Ш. *Цезско-русский словарь*. М.: Academia, 1999. [Khalilov M. Sh. *Tsezsko-russkii slovar'* [Tsez-Russian dictionary]. Moscow: Academia, 1999.]
- Халилов 2015 — Халилов М. Ш. *Словарь бежтинского языка*. Махачкала: Алеф, 2015. [Khalilov M. Sh. *Slovar' bezhtinskogo yazyka* [A dictionary of Bezhta]. Makhachkala: Alef, 2015.]
- Халилов, Исаков 2005 — Халилов М. Ш., Исаков И. А. *Гинухско-русский словарь*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2005. [Khalilov M. Sh. *Ginukhsko-russkii slovar'* [Hinuq-Russian dictionary]. Makhachkala: Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, 2005.]
- Comrie, Khalilov 2010 — Comrie B., Khalilov M. *The dictionary of languages and dialects of the peoples of the North Caucasus: Comparison of the basic lexicon*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2010.
- Khalilova 2009 — Khalilova Z. *A grammar of Khwarshi*. Ph.D. diss., Leiden University. Utrecht: LOT, 2009.
- Nikolayev, Starostin 1994 — Nikolayev S. L., Starostin S. A. *A North Caucasian etymological dictionary*. Moscow: Asterisk, 1994.

Получено / received 09.05.2023

Принято / accepted 16.05.2023

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voprosy@mail.ru

Подписано к печати	Дата выхода в свет	
Формат 70×100 1/16 Уч.-изд. л.	Тираж экз. Зак.	Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

16+

Издатель: Российская академия наук
20 экземпляров распространяется бесплатно

Исполнитель: ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1
Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1